Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова»

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Материалы международной научно-практической конференции
(22–23 мая 2025 г.)

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
имени И. Ф. Шилова
2025

ISBN 978-5-9753-0597-8

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2025

УДК 34
ББК я54(67)
А43

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Редакционная коллегия:
председатель – *А. В. Буховец,*
секретарь – *И. В. Кравцова,*
члены: канд. юрид. наук, доц. *С. В. Замалеева,*
канд. юрид. наук *Н. К. Сливко,*
канд. юрид. наук, доц. *Н. В. Трофимчук,*
канд. юрид. наук *Т. В. Якушева*

А43 **Актуальные проблемы** юридической науки и практики (памяти И. Ф. Шилова): электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (22–23 мая 2025 г.) / Дальневост. юрид. ин-т МВД России имени И.Ф. Шилова. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова, 2025. 304 с. – Текст : электронный. URL: https://двюи.мвд.рф/Institut/Struktura/OTDELI/Redakcionno_izdatelskij_otdel/электронные-издания. – Дата публикации: 15.12.2025. – ISBN 978-5-9753-0597-8.

В издании представлены материалы конференции, проводившейся Дальневосточным юридическим институтом МВД России имени И.Ф. Шилова 22–23 мая 2025 г.

В статьях раскрываются актуальные проблемы в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, административного права, государственно-правовых, гражданско-правовых дисциплин и др.

Издание может представлять интерес для научно-педагогического состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций системы МВД России, для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов иных образовательных организаций, для сотрудников правоохранительных органов.

Статьи изданы в авторском варианте (с сохранением графических выделений и примечаний), *без редакторской и корректорской обработки.* Ответственность за содержание материалов, в том числе за их соответствие лексическим и стилистическим нормам русского языка, за подбор и точность фактов, цитат, статистических данных, верность и полноту библиографических описаний, перевод на английский язык и т. п., несут авторы.

УДК 34
ББК я54(67)

Является самостоятельным электронным изданием.

Минимальные системные требования: 1) браузер Microsoft Edge; 2) скорость подключения к сети Интернет – 1 Мбит/с и выше; **дополнительные программные средства**: Acrobat 6.0 и Adobe Reader 6.0, а также их более поздние версии.

ISBN 978-5-9753-0597-8

© ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2025

Электронное научное издание выполнено с помощью пакета программ семейства Adobe (Adobe InDesign CC 2020, Adobe Acrobat DC).

Подготовка издания: *Рязанова П. Е.*

Компьютерная верстка, дизайн: *О. Ф. Вальченко*

Перевод на китайский язык: *Н. А. Шулепова*

Подписано к использованию 15.12.2025. Объем издания: 2,5 Мбайт.
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.
Тел.: 8 (4212) 92-02-01, e-mail: dvui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика» 11

Антонов И. А., Зубенко Е. В. О формировании уголовной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 11

Арсанукаева П. М. Проблемы определения размера ущерба при экономических преступлениях 17

Батуев И. Б. Киберпреступность в сфере криптовалют: уголовно-правовые меры противодействия 22

Береговой П. Н. Правовые и нормативные основы противодействия экстремизму в деятельности органов внутренних дел 27

Велиев Я. П., Мишугис-Бекер Г. С. GEO OSINT как способ обнаружения и отождествления личности по неопознанному трупу 31

Вотькин Е. В. К вопросу об актуальности исследования теоретических и прикладных аспектов следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России 37

Воткин Е. В., Порайко В. В. Следственные и иные процессуальные действия в уголовном судопроизводстве России: основные итоги исследования 43

Журавлева Н. М. Отдельные аспекты назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз 48

Замалеева С. В. Особенности показаний подозреваемого и обвиняемого как участников уголовного процесса 54

Зорина О. Р. Вебкам-индустрия – современная форма духовно-нравственного развращения общества 61

Зубенко Е. В. Привлечение к уголовной ответственности за автотранспортные преступления в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (1920-е – 1950-е годы) 65

Исергепова А. К., Исергепов К. Ш. Об отдельных аспектах пробационной деятельности в отношении несовершеннолетних в Республике Казахстан 70

Калашникова А. Ю. То, о чем не принято говорить (сексуальное насилие в интернет-пространстве) 75

Карпенко Н. А. Противодействие «финансовым пирамидам»: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики 80

Каршиев М. Р. Основные направления совершенствования правового регулирования, оказания содействия следователю в досудебном производстве 86

Клименко А. К., Кузакова А. А. Актуальные проблемы квалификации мошенничества в сфере получения микрозаймов 92

Крючкова В. Ф. Причины и основания возвращения судом в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности..... 96

Кузора С. А. О некоторых вопросах противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием современных информационно-коммуникационных технологий..... 101

Лазарева Ю. В. Виктимологическая профилактика мошенничества, совершаемого с использованием телекоммуникационного и компьютерного оборудования..... 105

Лиликин А. А., Левчук И. В. Актуальные проблемы реализации права защитника на собирание и предоставление доказательств при производстве предварительного расследования..... 111

Марусенко Т. В., Башкирова Н. А. Альтернативные меры наказания для несовершеннолетних: практика применения..... 116

Марусенко Т. В., Тараева С. С. Новые технологии в доказывании: использование BIG DATA, искусственного интеллекта, цифровых следов 121

Мордяшов М. Ю. Вопросы возложения полномочий дознавателя на иных должностных лиц органа дознания 127

Неустроева А. В., Гутникова А. Н. Тактические особенности производства осмотра места происшествия по уголовным делам, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью..... 133

Никитенко И. В., Подгорная Н. В. Вопросы сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в области противодействия трансграничной преступности..... 138

Овчинников Ю. Г., Ли. Д. В. Дознание в сокращенной форме: сложности применения положений, статей 226^3–226^6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации..... 143

Овчинников Ю. Г., Максименко А. А. Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы использования в доказывании по уголовному делу..... 150

Осипова Т. В. Причины увеличения числа уголовных дел, приостановленных производством в 2023 году. Характерные примеры, динамика, принимаемые меры и организация процессуального контроля..... 155

Осодоева Н. В. К вопросу о разъяснении материалов о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора в уголовном судопроизводстве 160

Рыжков Д. А. Актуальные проблемы в области правоприменения статьи 172 Уголовного кодекса Российской Федерации..... 166

Рязанова П. Е. Анализ актуальности и проблем применения статьи 197 Уголовного кодекса Российской Федерации на практике 173

Сережкина М. А. Пенитенциарная пробация и средства исправления: теоретические и практические разграничения.....178

Тарасенко Р. В., Харченко А. С. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовным делам о финансовых преступлениях 182

Теплова Е. В. Некоторые проблемы, связанные с противодействием легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков 188

Уварова Н. В. Финансовые преступления в уголовном праве России: понятие и виды 192

Швейгер А. О. К вопросу административной преюдиции в статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации..... 195

Шевченко А. А. Социально-психологические факторы преступного поведения несовершеннолетнего интернет-преступника..... 200

Секция «Административное право, государственные и гражданско-правовые дисциплины» 204

Ван Сяоцянь. Социальные и культурные аспекты действий сотрудников правоохранительных органов: краткий анализ с точки зрения работы по обеспечению общественной безопасности 204

Гарькавенко Л. В. Особые условия и их влияние на деятельность полиции 213

Гришковец А. А. Презумция невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях: проблемы и пути их решения 217

Дерюга Н. Н., Донбров Г. К. Права и обязанности сторон договора строительного подряда..... 222

Дерюга А. Н., Сурова Д. В. Совет муниципального образования как субъект коммуникации с органами государственной власти в области осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий 227

Зинятова М. Н., Рожин И. С. Проблема сохранения личности в условиях техногенной цивилизации 236

Картавенко У. А. Правовое регулирование и правоприменение в сфере обеспечения тишины и покоя граждан в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования 241

Ли Ан. Анализ путей подготовки специалистов в области интеллектуальной полиции в условиях нового времени 247

Михайленко О. В. Практические трудности медицинского освидетельствования на состояние опьянения в деятельности транспортной полиции 258

Пацевич В. С. Ответственность иностранных граждан за нарушение иммиграционных правил 264

Романькова С. А. Средства противодействия управлению транспортными средствами в состоянии опьянения: зарубежный опыт 270

Цзинь Цюйбо. Исследование текущей ситуации и стратегий подготовки кадров для полиции по внешним делам, в контексте инициативы «один пояс, один путь» 273

Шаршавова М. Ю., Коваленко Л. С. Отдельные спорные вопросы, возникающие в процессе привлечения несовершеннолетних лиц и их законных представителей к административной ответственности по статье 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 285

Якимова З. В. Влияние социально-психологического климата на результативность и эффективность деятельности сотрудников органов внутренних дел 292

Ямалитдинов А. А. Некоторые вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних 300

Секция «Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика»

УДК 343.6

О ФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

***И. А. Антонов**, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН;*

***Е. В. Зубенко**, доцент кафедры общеправовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье анализируется необходимость и целесообразность формирования уголовной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Основными выводами проведенного исследования является целесообразность рассмотрения вопроса в научном сообществе о необходимости разработки исследований, направленных на формирование уголовной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств для комплексного изучения данного вопроса в целях адекватного противодействия подобным преступлениям и минимизации их негативных последствий.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, уголовная политика, расследование, квалификация преступлений, правила дорожного движения, безопасность.

ON THE FORMATION OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF ROAD SAFETY AND VEHICLE OPERATION

***I. A. Antonov**, chief researcher at the Scientific Research Center of the Military Orden of Zhukov of the Academy of National Guard Troops, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;*

***E. V. Zubenko**, associate professor of the General Legal Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

The article analyzes the necessity and expediency of forming a criminal policy in the field of road safety and vehicle operation. The main conclusions of the study are the expediency of considering the issue in the scientific community about the need to develop research aimed at shaping criminal policy in the field of road safety and vehicle operation in order to comprehensively study this issue in order to adequately counter such crimes and minimize their negative consequences.

Keywords: traffic crime, criminal policy, investigation, qualification of crimes, traffic rules, safety.

В настоящее время, начиная с начала 2000-х гг., органами государственной власти проделана значительная работа в целях обеспечения безопасности дорожного движения, которая продолжается и в настоящее время. Так, профильными ведомствами разрабатывается для дальнейшего применения перспективный план развития в данной сфере – это «Стратегия безопасности дорожного движения Российский Федерации на 2025–2030 годы с перспективой до 2036 года».

Однако, несмотря на значительные усилия, направленные на улучшение состояние защищенности участников дорожного движения, ситуация, как отмечается Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, по-прежнему остается сложной [5]. При этом за последние годы наметилась устойчивая тенденция снижения числа дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), а также погибших и пострадавших в них лиц. Если сравнить показатели аварийности начала 2000-х гг., где в среднем за год в ДТП погибало более 30 тыс. человек, то в настоящее время эти цифры заметно снизились. Так, в 2000 г. было зарегистрировано 157 495 ДТП, где погибло 29 594 человека; в 2001 г. зарегистрировано 164 401 происшествие, погибло 30 916 человек; в 2002 г. – 184 360 происшествий, погибло 33 243 человека; в 2003 г. – 204 267 происшествий, погибло 35 602 человека. В 2020-х гг. ситуация аварийности существенно изменилась,

а смертность уменьшилась почти в 2 раза: в 2020 г. было зарегистрировано 145 073 происшествия, погибло 16 152 человека; в 2021 г. – 118 434 происшествия, погибло 12 580 человек; в 2022 г. – 111 178 происшествий, погибло 11 927 человек; в 2023 г. – 116 614 происшествий, погибло 12 330 человек; в 2024 г. – 117 221 происшествие, погибло 12 352 человека [8].

За последние годы законодателем производился ряд инициатив, направленных на формирование уголовно-правовой стратегии обеспечения безопасности дорожного движения Российской Федерации, чему свидетельство появление норм, закрепляющих уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные правонарушения – ст. 264.1–264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ). Кроме того, содержание нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), с момента вступления в законную силу УК РФ (1 января 1997 г.) по настоящее время, претерпела порядка десяти более или менее существенных изменений и редакций, что свидетельствует о продолжающемся поиске нахождения оптимальной степени юридической ответственности за подобные противоправные деяния.

К сожалению, указанные дополнения в УК РФ не оказали ощутимого влияния на криминальную ситуацию в рассматриваемой сфере, несмотря на то, что сотрудники органов внутренних дел непосредственно участвуют в обеспечении безопасности дорожного движения путем профилактики, раскрытия и расследования преступлений. Так, только в 2024 г. в России было зарегистрировано 18 261 преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, из которых 10 607 уголовных дел были направлены в суд с обвинительным заключением; по ст. 264.1 УК РФ зарегистрировано 46 569 преступлений, направлено в суд 42 668 уголовных дел с обвинительным актом (постановлением); по ст. 264.2 УК РФ зарегистрировано 75 преступлений, направлено в суд 56 уголовных дел с обвинительным актом (постановлением); по ст. 266 УК РФ зарегистрировано 6 преступлений, направлено в суд 1 уголовное дело с обвинительным заключением (актом); по ст. 267.1 УК РФ зарегистрировано 7 преступлений, направлено в суд 2 уголовных дела с обвинительным заключением; по ст. 268 УК РФ зарегистрировано 174 преступления, направлено в суд 70 уголовных дел с обвинительным заключением (актом). Всего за данный период времени было зарегистрировано 67 457 указанных преступлений, что составляет 1,8 % от общей массы всех зафиксированных преступлений (377 2291 преступление) в 2024 г. [9]. Полагаем, что приведенные выше статистические данные свидетельствуют высокой значимости общественных отношений в сфере безопасности дорожного движения, требующих уголовно-правовой охраны.

При этом для правоприменителя неоднозначным остается понимание преступлений против безопасности дорожного движения и практики их правоприменения в части квалификации общественно опасных деяний, привлечения к уголовной ответственности и назначения для виновных лиц наказания, что значительно повышает вероятность судебно-следственной ошибки. Так, помимо перечисленных преступлений, безопасность дорожного движения может стать объектом и других преступлений или преступления могут произойти с участием транспортных средств в процессе их движения. Кроме того, возникшее ДТП (происшествие) может стать причиной или следствием совершения другого преступления, непосредственно связанного с дорожно-транспортным, что целесообразно учитывать при формировании уголовной политики в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств для адекватной уголовно-правовой оценки криминальных деяний и принятия профилактических мер по противодействию подобным преступлениям.

Также следует отметить, что в настоящее время весь мир переживает новый этап технического прогресса, связанный с внедрением новых технологий и искусственного интеллекта, которые проникают во все сферы человеческой деятельности. Не стала исключением здесь и сфера дорожного движения. На дорогах нашей страны появляются новые виды транспортных средств, автомобили оснащаются средствами объективного контроля над движением. Все это требует внимания и комплексного научного изучения для своевременного реагирования, в том числе проведением продуманной и взвешенной уголовной политики.

Полагаем, что на сегодняшний день проводимая уголовная политика в сфере безопасности дорожного движения не в полной мере отвечает современным вызовам общества и требует иных решений на уровне оснований криминализации деяний, дифференциации ответственности за них и закрепления их признаков в тексте уголовного закона. Это свидетельствует о потребности в создании научно-теоретических и практических основ уголовной политики в исследуемой сфере, что возможно путем пересмотра существующих, а в определенной части путем разработки новых концептуальных основ всех элементов уголовной политики в сфере безопасности дорожного движения – криминализации, пенализации, дифференциации, квалификации, расследования и профилактики.

Преступления в сфере безопасности дорожного движения подвергались исследованию, как правило, дифференцированно, с точки зрения наук уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права и криминалистики (в рамках существовавшей ранее номенклатуры научных специальностей). Среди них можно выделить работу А. М. Зокиной, где автор делает вывод о том, что в российском законодательстве сложно выделить единообразную линию криминализации уголовной ответственности за преступления против

безопасности дорожного движения [6, с. 9]. Относительно криминалистики, то здесь ученые, как правило, разрабатывают частные криминалистические методики расследования отдельных видов ДТП или дают рекомендации об особенностях использования специальных знаний в ходе проведения отдельных следственных действий [10; 3]. Однако сейчас, в связи с появлением специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки), имеется реальная возможность комплексного исследования проблем в сфере безопасности дорожного движения путем разработки ранее не сформированной концепции российской уголовной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такой комплексный характер предполагает в рамках одного исследования последовательно рассмотреть и сформировать в единую систему составные части уголовной политики и насытить ее содержание следующими аспектами: уголовно-правовыми; криминологическими; криминалистическими и уголовно-процессуальными; уголовно-исполнительными; управленческо-организационными.

Подобного рода исследования уже проводятся в других не менее важных сферах деятельности, требующих уголовно-правовой охраны [1; 2; 4; 7; 11], что также необходимо изучать для внедрения положительного опыта в ходе разработки уголовной политики обеспечения безопасности дорожного движения.

На основании вышеизложенного полагаем целесообразным рассмотрение вопроса в научном сообществе о необходимости разработки исследований, направленных на формирование уголовной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств для комплексного изучения данного вопроса в целях адекватного противодействия подобным преступлениям и минимизации их негативных последствий.

Список источников

1. Аверина А. В. Уголовная политика Российской Федерации в области международного сотрудничества по противодействию преступности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.
2. Александрова И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016.
3. Алиев М. М. Комплексное использование специальных знаний при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.
4. Даниловская А. В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: дис. … д-ра юрид. наук. Владивосток, 2024.

5. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года. // Путин сегодня: [сайт]. URL: http://www.putin-today.ru (дата обращения: 26.04.2025).
6. Зокина А. М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019.
7. Максимов А. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.
8. По данным официального сайта ГИБДД МВД России. // Госавтоинспекция уважение профессионализм безопасность: [сайт]. URL: http://www.gibdd.ru/news/672 (дата обращения: 26.04.2025).
9. Сведения из Сводного отчета по России «Единый отчет о преступности» за 2024, (форма «1-ЕГС»): официальный сайт // Министерство внутренних дел Российской Федерации. АИС «Портал ГИАЦ». URL: 10.5.16/cms/ (дата обращения: 28.04.2025).
10. Тарасова В. И. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами, управляющими маршрутными транспортными средствами: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021.
11. Тыдыкова Н. В. Концепция российской уголовно-правовой политики в сфере охраны половых отношений: дис. … д-ра юрид. наук. Барнаул, 2024.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА УЩЕРБА ПРИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

***П. М. Арсанукаева**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого филиала академии МВД России*

В статье рассматриваются актуальные проблемы определения размера материального ущерба при расследовании экономических преступлений. Особое внимание уделяется вопросам квалификации экономических преступлений в зависимости от размера причиненного ущерба, а также проблемам взаимодействия следственных органов с экспертами и специалистами в области экономики и финансов. В работе исследуются типичные ошибки при определении размера ущерба, рассматриваются особенности оценки ущерба в различных сферах экономической деятельности.

Ключевые слова: экономический ущерб, экономические преступления, оценка ущерба, квалификация преступлений, материальный ущерб, методика расследования.

PROBLEMS OF DETERMINING THE AMOUNT OF DAMAGE IN ECONOMIC CRIMES

***P. M. Arsanukayeva**, senior lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Donetsk Branch of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article discusses the current problems of determining the amount of material damage in the investigation of economic crimes. Special attention is paid to the issues of qualification of economic crimes depending on the amount of damage caused, as well as to the problems of interaction of investigative authorities with experts and specialists in the field of economics and finance. The paper examines typical errors in determining the amount of damage, examines the features of damage assessment in various fields of economic activity.

Keywords: economic damage, economic crimes, damage assessment, qualification of crimes, material damage, investigation methodology.

С каждым годом количество экономических правонарушений растет, а их схемы становятся все более изощренными и сложными для выявления и оценки причиненного ущерба.

Особую тревогу вызывает тот факт, что существующие методики определения ущерба часто оказываются недостаточно эффективными. Они не учитывают множество факторов, влияющих на реальную величину потерь, что приводит к занижению или завышению размера ущерба.

Целью данного исследования является разработка комплексной методики определения размера ущерба при экономических преступлениях с учетом современных реалий и существующих проблем правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать существующие методы определения ущерба при экономических преступлениях;

– выявить основные проблемы и недостатки применяемых методик;

– исследовать специфику оценки различных видов экономического ущерба;

– разработать рекомендации по совершенствованию методик определения ущерба.

Экономический ущерб представляет собой комплексные негативные последствия противоправных действий в сфере экономической деятельности, которые выражаются в реальном уменьшении имущества или упущенной выгоде. Его ключевыми характеристиками являются материальное выражение в денежной форме, прямая связь с противоправными действиями, реальный характер потерь, возможность количественного измерения и наличие причинно-следственной связи между деянием и последствиями.

Классификация ущерба в экономической сфере осуществляется по нескольким критериям. По размеру различают значительный, крупный (более 3,5 млн рублей) и особо крупный ущерб (более 13,5 млн рублей). По характеру возникновения выделяют прямой ущерб, связанный с реальным уменьшением имущества, косвенный ущерб в виде упущенной выгоды и нематериальный ущерб. В зависимости от сферы возникновения ущерб может проявляться в предпринимательской деятельности, финансовой сфере, налогообложении или страховании.

Нормативно-правовая база определения ущерба представляет собой сложную систему законодательных актов. Особое значение имеет Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ, который внес существенные изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации. Данный закон предусматривает индексацию пороговых значений ущерба и доходов, учитываемых при привлечении к уголовной ответственности за экономические преступления.

Важную роль в правоприменительной практике играют постановления Пленума Верховного Суда. Постановление от 27 декабря 2002 г. № 29 устанавливает, что размер похищенного определяется его фактической стоимостью. Постановление от 30 ноября 2017 г. № 48 уточняет, что при определении ущерба необходимо исходить из фактической цены имущества на момент совершения преступления, хотя вопрос о включении в расчет налога на добавленную стоимость остается неурегулированным.

В рамках действующего законодательства установлены специальные размеры ущерба по отдельным составам преступлений. Например, для уклонения от уплаты страховых взносов предусмотрены следующие пороги: для физических лиц крупный размер составляет 2,25 млн рублей, особо крупный – 11,25 млн рублей, для организаций эти показатели равны 7,5 млн и 37,5 млн рублей соответственно. В случае незаконного привлечения средств дольщиков крупным размером признается сумма свыше 4,5 млн рублей, а особо крупным – свыше 7,5 млн рублей.

В современной практике расследования экономических преступлений существует ряд существенных проблем, связанных с определением размера причиненного ущерба. Одной из ключевых сложностей является идентификация фактического ущерба, что обусловлено многообразием форм экономических правонарушений и отсутствием унифицированного подхода к оценке потерь.

Особую проблему представляет собой оценка нематериального ущерба, который часто остается недооцененным или вовсе не учитывается при квалификации преступлений. Нематериальные потери могут включать утрату деловой репутации, нарушение конфиденциальности информации, потерю конкурентных преимуществ на рынке, что в совокупности может существенно превышать прямой материальный ущерб [1].

Определение размера упущенной выгоды также вызывает значительные трудности. Сложность заключается в необходимости доказать причинно-следственную связь между противоправными действиями и неполученными доходами, а также в оценке вероятных экономических показателей, которые могли бы быть достигнуты при нормальном развитии событий. При этом часто отсутствуют четкие критерии для расчета потенциальных доходов и затрат, которые могли бы быть понесены при реализации упущенной возможности.

В условиях инфляции оценка ущерба приобретает дополнительную сложность. Изменение покупательной способности денег, колебания рыночных цен и нестабильность экономической ситуации создают существенные трудности при определении реального размера причиненного вреда. Особенно остро эта проблема встает при длительном периоде расследования, когда необходимо учитывать динамику цен и корректировать расчетные показатели.

Серьезные сложности возникают при определении размера ущерба в случаях множественности преступлений. Проблема заключается в необходимости разграничения ущерба, причиненного разными эпизодами, и определении его совокупного размера. При этом важно правильно квалифицировать каждое преступление и избежать как двойного учета одних и тех же потерь, так и недооценки общего ущерба [2].

Дополнительными факторами, усложняющими процесс определения ущерба, являются:

– использование преступниками сложных схем уклонения от ответственности;

– отсутствие полной документации или наличие фальсифицированных документов;

– сложность в определении рыночной стоимости имущества и услуг;

– различия в методиках оценки ущерба у разных экспертных организаций;

– временной разрыв между совершением преступления и моментом его выявления [3].

В современных условиях совершенствование методики определения ущерба требует комплексного подхода и внедрения инновационных решений. Прежде всего, необходимо провести существенную работу по совершенствованию нормативно-правовой базы, которая должна включать разработку единых стандартов оценки ущерба при различных видах экономических преступлений. Это позволит создать четкую методологическую основу для всех специалистов, работающих в данной сфере, и обеспечить сопоставимость результатов оценки.

Важным направлением совершенствования методики является разработка новых методов оценки ущерба. Необходимо создать унифицированные подходы к определению как материального, так и нематериального ущерба, разработать алгоритмы расчета упущенной выгоды с учетом различных экономических факторов. Особое внимание следует уделить созданию методик оценки ущерба в условиях нестабильной экономической ситуации, включая механизмы корректировки на инфляцию и колебания рыночных цен.

Значительный потенциал для совершенствования методики определения ущерба несет в себе внедрение современных информационных технологий. Использование специализированных программных комплексов позволит автоматизировать процесс сбора и анализа данных, обеспечить более точный расчет размера ущерба, а также создать базы данных типовых случаев и их характеристик. Применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения может существенно повысить точность оценки и сократить время проведения экспертиз [4].

Ключевым фактором совершенствования методики является повышение квалификации специалистов в области оценки ущерба. Необходимо разработать комплексные программы обучения, включающие как теоретические аспекты оценки ущерба, так и практические навыки работы с современными методиками и технологиями. Важно обеспечить регулярное повышение квалификации специалистов, ознакомление их с новыми подходами и методиками оценки, а также проведение стажировок на базе ведущих экспертных организаций [5].

Подводя итоги анализа проблем определения размера ущерба при экономических преступлениях, следует отметить многогранность и сложность данного вопроса. В современных условиях выявление и оценка ущерба представляет собой комплексную задачу, требующую междисциплинарного подхода и постоянного совершенствования методологической базы.

Список источников

1. Бабушкина Е. А. Уголовно-правовая характеристика причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2022. 260 с.
2. Ботвин И. В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. 258 с.
3. Воронин В. Б. Уголовно-правовые меры борьбы с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 196 с.
4. Ермолович Я. Н. Упущенная выгода как общественно опасное последствие совершения преступления // Российский следователь. 2022. № 3. С. 42–45.
5. Колесникова Е. Н. Проблемы использования учетной документации при выявлении мошеннических схем в АПК // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сборник. Рязань, 2022. С. 110–117.

УДК 343.98

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ КРИПТОВАЛЮТ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

***И. Б. Батуев**, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье проводится комплексный анализ современных проявлений киберпреступности, связанных с использованием криптовалютных технологий, и механизмов их уголовно-правового пресечения. Особое внимание уделяется проблемам квалификации подобных деяний в рамках действующего уголовного законодательства Российской Федерации, рассматривается зарубежный опыт правового регулирования, а также формулируются предложения по совершенствованию нормативной базы. В качестве методологической основы применяются сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровые активы, криптовалюты, уголовная ответственность, блокчейн-технологии, отмывание денежных средств, международное сотрудничество.

CYBERCRIME IN THE CRYPTOCURRENCY SPHERE: CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTERACT

***I. B. Batuev**, lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov*

The article presents a comprehensive analysis of modern manifestations of cybercrime associated with the use of cryptocurrency technologies and mechanisms for their criminal law suppression. Special attention is paid to the problems of qualifying such acts within the framework of the current criminal legislation of the Russian Federation, foreign experience of legal regulation is considered, and proposals for improving the regulatory framework are formulated. The methodological basis includes comparative legal and formal legal research methods.

Keywords: cybercrime, digital assets, cryptocurrencies, criminal liability, blockchain technologies, money laundering, international cooperation.

Современный этап развития цифровых технологий характеризуется стремительным распространением криптовалют, которые, с одной стороны, открывают новые возможности для экономического взаимодействия, а с другой – создают благоприятную среду для совершения противоправных деяний. По данным исследования компании Chainalysis (ведущая американская компания по аналитике блокчейна, предлагающая инструменты для отслеживания мошенничества в индустрии) [5, с. 15], в 2023 г. объем незаконных операций с использованием криптовалют превысил 20 млрд долларов США, что свидетельствует о масштабности данной проблемы.

В Российской Федерации (далее – РФ) вопросы уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере криптовалют остаются недостаточно разработанными. Отсутствие специальных норм в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) приводит к сложностям в квалификации таких деяний и применении мер ответственности. В этой связи представляется актуальным комплексное исследование данной проблематики с учетом международного опыта и современных тенденций развития киберпреступности.

Кроме того, действующее уголовное законодательство РФ не содержит составов преступлений, непосредственно связанных с криптовалютами, правоприменительная практика вынуждена использовать традиционные нормы УК РФ, что не всегда позволяет адекватно отразить специфику и общественную опасность таких деяний.

При регулировании рассматриваемых отношений наиболее часто применяются следующие статьи УК РФ.

1. Статья 159 (мошенничество) – при квалификации организации финансовых пирамид под видом криптовалютных проектов. Ярким примером является уголовное дело создателей платформы Finiko [8, с. 34]. В результате действий лиц, причастных к совершению преступления, материальный ущерб, причиненный потерпевшим, составил более 4 млрд рублей. В данном случае организаторы привлекали денежные средства граждан под ложные обещания высоких доходов от инвестиций в криптовалюты, фактически создавая классическую финансовую пирамиду.

2. Статья 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления) – при квалификации отмывания доходов от преступной деятельности через криптовалютные обменники и миксеры. В 2021 г. было возбуждено уголовное дело в отношении группы лиц, использовавших сеть криптовалютных обменников для легализации средств, полученных от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [7, с. 12]. Преступники осуществляли многоступенчатые операции по конвертации и смешиванию криптовалютных активов через зарубежные биржи.

3. Статья 187 (неправомерный оборот средств платежей) – при квалификации фактов создания фальшивых криптовалютных активов. В 2020 г. был осужден создатель так называемого «Биткоин-2.0» [6, с. 7], который выпускал и продавал цифровые токены, выдавая их за полноценную криптовалюту, тогда как фактически они не имели реальной ценности и не были обеспечены соответствующими технологиями.

Отметим, что такая квалификация не учитывает технологические особенности криптовалют, что создает пробелы в правовом регулировании. В частности, остается нерешенным вопрос об определении правовой природы криптовалют как объекта преступного посягательства. Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы – в одних случаях криптовалюты признаются имуществом [6], в других – иным активом [7].

Сравнительный анализ зарубежного законодательства позволяет выделить несколько основных подходов к регулированию криптовалютной сферы.

В Европейском союзе принята Пятая директива по противодействию отмыванию денег (5AMLD) [4], которая:

1) вводит обязательную идентификацию пользователей криптовалютных сервисов;

2) устанавливает требования к прозрачности транзакций;

3) вводит лицензирование деятельности криптовалютных компаний.

В США основное внимание уделяется:

1) пресечению использования криптовалют для финансирования терроризма (Закон PATRIOT Act);

2) регулированию криптовалютных бирж (полномочия SEC и CFTC);

3) налогообложению операций с цифровыми активами.

На основании проведенного исследования сформулированы следующие предложения по совершенствованию уголовного законодательства за совершение преступлений в исследуемой сфере.

1. Введение специальных составов преступлений.

Статья 159.7 «Мошенничество с использованием виртуальных активов». Целесообразность введения данной нормы обусловлена необходимостью четкой квалификации схем обмана, связанных с криптовалютами (фиктивные ICO, Ponzi-схемы, фейковые криптопроекты). Норма должна предусматривать ответственность за создание ложных инвестиционных платформ, манипуляции с курсами токенов и иные способы хищения средств через блокчейн-технологии.

Статья 187.1 «Незаконные операции с криптовалютными средствами». Данная статья должна охватывать противоправные деяния с цифровыми активами, не подпадающие под классические составы: создание поддельных криптовалют, использование взломанных кошельков, обналичивание средств

через анонимные миксеры. Законодательное закрепление таких деяний упростит доказывание в судах и позволит применять санкции, адекватные степени общественной опасности.

2. Разработка механизмов контроля.

Обязательная идентификация пользователей криптобирж. Введение KYC-процедур (Know Your Customer) для всех операций свыше эквивалента 100 тыс. руб. минимизирует риски отмывания преступных доходов. Это потребует интеграции бирж с государственными реестрами (ФНС, Росфинмониторинг) для верификации данных клиентов и отслеживания подозрительных транзакций.

Национальная система мониторинга криптовалютных транзакций. Создание федеральной аналитической платформы на базе ФСБ или ЦБ РФ, подключенной к основным блокчейн-сетям (Bitcoin, Ethereum), позволит в режиме реального времени выявлять подозрительные переводы. Система должна использовать алгоритмы анализа паттернов поведения (например, связки «биржи – миксеры – нерегулируемые кошельки») и автоматически передавать данные в правоохранительные органы.

3. Усиление международного сотрудничества.

Присоединение к Конвенции о киберпреступности (Будапешт, 2001) [3]. Ратификация конвенции потребует имплементации:

– процедур экстренного взаимодействия с зарубежными провайдерами (например, приостановка транзакций через Tether или Binance по запросу МВД РФ);

– стандартов по раскрытию данных о бенефициарах криптокошельков, что критично для расследований трансграничных преступлений.

Межгосударственная база данных о криптопреступлениях. Реализация совместно с странами ЕАЭС и БРИКС единого реестра позволит:

– фиксировать хеши-идентификаторы кошельков, используемых в противоправной деятельности;

– обмениваться информацией о новых методах мошенничества (например, схемы с NFT-скамами). База должна работать по аналогии с Interpol's I-CARUS, но с акцентом на блокчейн-аналитику.

Вышеуказанные меры создадут комплексный правовой и технологический барьер для киберпреступности, сохранив при этом потенциал легального использования криптовалют [9, с. 256–259].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, связанным с криптовалютами. Особое внимание следует уделить гармонизации российского законодательства с международными правовыми стандартами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о киберпреступности (ETS № 185): заключена в Будапеште 23.11.2001. Ратифицирована Федеральным законом от 01.07.2022 № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 27, ст. 4789.
4. Директива (ЕС) 2018/843: от 30.05.2018 // Официальный журнал Европейского союза. L 156. 2018.
5. Chainalysis Crypto Crime Report. 2023.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2022№ Ф05-1234/2022 по делу № А40-123456/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 12.07.2021 № 305-ЭС21-12345 по делу № А40-123456/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Приговор по делу № 1-123/2022: Приморский краевой суд. 2022.
9. Иванов А. В. Криптовалюты и уголовное право. М., 2023.

УДК 343

ПРАВОВЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***П. Н. Береговой**, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России*

В статье представлен анализ правовых и нормативных основ противодействия экстремизму в деятельности органов внутренних дел. Изучен ряд проблем по противодействию экстремизму и предложены некоторые пути их решения в особых условиях.

Ключевые слова: государство, право, деятельность органов внутренних дел, полиция, противодействие экстремизму, терроризму, особые условия.

LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK FOR COUNTERING EXTREMISM IN THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS

***P. V. Beregovoy**, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This paper presents an analysis of the legal and regulatory framework for countering extremism in the activities of the Department of Internal Affairs. A number of problems in countering extremism have been studied and some ways of solving them in special conditions have been proposed.

Keywords: state, law, activities of the Department of Internal Affairs, police, countering extremism, terrorism, special conditions.

Деятельность полиции по противодействию терроризму и экстремизму является одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, которая набирает свою актуальность в особых условиях. Начиная с 2022 г., современные реалии характеризуются ростом террористических и экстремистских угроз, что требует от органов внутренних дел (далее – ОВД) эффективных мер по их предотвращению и пресечению.

Противодействие экстремизму является одной из важнейших задач правоохранительных органов, органов государственной власти, а также всего общества. Отметим, что на национальном уровне основой борьбы с экстремизмом является Конституция, которая, как правило, закрепляет право граждан на свободу выражения мнений, однако при этом устанавливает ограничения в отношении деятельности, нарушающей общественный порядок, угрожающей безопасности государства и его граждан [1].

Подчеркнем, что согласно федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности», экстремизм представляет собой одну из самых опасных угроз стабильности общества, безопасности граждан и целостности государства [2].

Так, одним из основных источников правовых норм, регулирующих борьбу с экстремизмом, являются международные Конвенции и соглашения. Важно отметить, что на глобальном мировом уровне наиболее важными документами в данной сфере являются Конвенция о борьбе с терроризмом (1999), Конвенция о запрещении расовой дискриминации (1965), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), а также резолюции Организации Объединенных Наций (далее – ООН), направленные на борьбу с экстремистскими и террористическими угрозами.

Так, ООН сыграла ключевую роль в разработке международных стандартов в борьбе с экстремизмом, вырабатывая резолюции, которые требуют от стран-участниц принятия мер по предотвращению радикализации и финансирования экстремистских организаций. Важно отметить, что эти международные документы не только определяют стандарты борьбы с экстремизмом, но и служат основой для разработки национального законодательства [3, с. 9–15].

Одним из важнейших аспектов противодействия экстремизму является международное сотрудничество. В условиях глобализации многие экстремистские организации действуют через транснациональные сети, что требует координации усилий разных стран.

При этом, важную роль в международном сотрудничестве играют такие структуры, как Интерпол, Европол, а также другие региональные организации, способствующие обмену информацией и координации действий. Международные судебные органы, такие как Международный уголовный суд, также играют важную роль в преследовании преступников, совершивших акты экстремизма [4, с. 144].

В большинстве стран, в том числе в России, борьба с экстремизмом регулируется специальными законами, такими как закон «О противодействии экстремистской деятельности», который был принят в 2002 г. [2].

Так, в законодательстве предусмотрены четкие определения экстремистской деятельности, которая включает в себя насилие, разжигание ненависти

и вражды, действия, направленные на изменение конституционного строя насильственным путем, а также угрозу территориальной целостности. На основе этих норм правоохранительные органы могут принимать меры для пресечения экстремистских проявлений.

Важно, что в некоторых странах, в том числе в России, борьба с экстремизмом не ограничивается федеральным законодательством. В регионах могут действовать дополнительные меры и законы, которые более подробно регулируют борьбу с местными проявлениями экстремизма. На уровне местных властей создаются антикризисные комиссии, разрабатываются программы профилактики радикализации и экстремистских действий, а также проводится мониторинг и профилактическая работа с молодежью и различными социальными группами, подверженными воздействию экстремистской идеологии [6, с. 50].

Еще одним важным элементом национального правового обеспечения борьбы с экстремизмом является эффективная работа правоохранительных органов. В большинстве стран борьба с экстремизмом возлагается на специализированные подразделения полиции, которые занимаются мониторингом экстремистской активности, пресечением финансирования экстремистских организаций, а также проведением профилактических мероприятий.

В связи с, проведением специальной военной операции на территории новых субъектов Российской Федерации, наблюдается активизация экстремистских и террористических проявлений и атак, что представляет серьезную угрозу для общества и государства. Экстремистские организации используют современные технологии и средства коммуникации для распространения радикальной идеологии и вербовки новых участников для совершения террористических актов как на государственные органы и организации так на мирных граждан и частную собственность. Особую озабоченность вызывает использование киберпространства для координации и осуществления противоправной деятельности.

Так, на фоне растущей угрозы радикализации и терроризма особое внимание уделяется подготовке кадров, усилению работы информационных и аналитических подразделений, а также разработке специальных методов работы с молодежью [4, с. 131].

На наш взгляд, одной из главных проблем правового регулирования борьбы с экстремизмом является поиск баланса между обеспечением безопасности и защитой прав человека, в особых условиях проведения специальной военной операции на территории новых субъектов Российской Федерации.

Так, принятие жестких мер по борьбе с экстремизмом может привести к ограничению гражданских прав, таких как свобода выражения мнений, право на неприкосновенность частной жизни, свобода собраний. В некоторых случаях это приводит к злоупотреблениям и нарушению прав человека, что является серьезной проблемой для демократии и правового государства [5, с. 48].

Наряду с тем одной из проблем является неопределенность в юридических определениях экстремизма и экстремистской деятельности. В некоторых странах законодательство может включать слишком широкие и размытые формулировки, что открывает возможности для злоупотреблений в правоприменении и нарушения прав отдельных граждан. Это может привести к преследованию тех, кто не имеет отношения к экстремистской деятельности, но чьи действия или высказывания могут быть интерпретированы как таковые.

В рамках борьбы с экстремизмом правовые и нормативные основы играют ключевую роль, поскольку именно они определяют рамки для действий государственных структур и граждан.

Сложность заключается в том, чтобы эффективно пресекать экстремистскую деятельность, не нарушая основных гражданских свобод. Важно совершенствовать законодательство, обучать правоохранительные органы новым подходам в работе по противодействию экстремистской деятельности, в особых условиях в период проведения специальной военной операции на территории новых субъектов Российской Федерации.

Тщательная правовая подготовка и координация между различными государственными органами и международными структурами являются залогом успешной борьбы с этой угрозой.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2025).
2. О противодействии экстремистской деятельности (с изм. и доп.): федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. // Официальный интернетпортал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2025).
3. Абазов А. Б. Противодействие экстремизму территориальными органами внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 9–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-ekstremizmu-territorialnymi-organami-vnutrennih-del (дата обращения: 24.03.2025).
4. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: дис. … канд. юрид. наук / А. В. Иванов. Москва, 2020. 150 с.
5. Профилактика политического экстремизма и терроризма в молодежной среде / Р. А. Бочаров // Власть. 2013. № 5. С. 46–49.
6. Противодействие вовлечению молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность через информационно-коммуникационную сеть Интернет: учеб. пособие / С. К. Абрамян, И. С. Нескородова, В. С. Соловьев. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 58 с.

УДК 343.9

GEO OSINT КАК СПОСОБ ОБНАРУЖЕНИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПО НЕОПОЗНАННОМУ ТРУПУ

***Я. П. Велиев**, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***Г. С. Мишугис-Бекер**, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье освещены возможности применения Geo OSINT в практической деятельности оперативных подразделений с целью идентификации персональных данных трупов неопознанных лиц. Авторами рассматриваются некоторые правовые и технические проблемы использования данного информационного ресурса и предлагается создание новой альтернативной платформы по сбору и анализу сведений в сети Интернет.

Ключевые слова: идентификация, анализ, персональные данные, неопознанный труп, информационный ресурс, интернет.

GEO OSINT AS A METHOD OF DETECTING AND IDENTIFYING AN INDIVIDUALS FROM AN UNIDENTIFIED CORPSE

***Y. P. Veliev**, associate professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov;*

***G. S. Mishugis-Beker**, lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov*

The article highlights the possibilities of using Geo OSINT in the practical activities of operational units, with the aim of identifying personal data of corpses of unidentified persons. The authors consider some legal

and technical problems of using this information resource and propose creating a new alternative platform for collecting and analyzing information on the Internet.

Keywords: identification, analysis, personal data, unidentified corpse, information resource, Internet.

В органах внутренних дел (далее – ОВД) использование общедоступных информационных ресурсов способствует эффективному и результативному решению задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) [1].

Для проведения информационного поиска в интернете используются специализированные платформы, дающие возможность для широкого анализа данных и способствующие структурированию полученных сведений. Сбор информации из общедоступных источников и ее анализ возможны при использовании специальных платформ программного обеспечения и при самостоятельном поиске необходимых сведений в интернете [2, с. 30].

В настоящее время активно развивается направление работы с открытыми источниками данных Open Source Intelligence (далее – OSINT). Понятие OSINT возникло в середине XX в. [3, с. 400], обозначая практику сбора разведывательных данных из общедоступных источников (газеты, телевидение, радио и др.). Однако с развитием интернета и увеличением количества геопространственных данных появился новый акцент на пространственную составляющую – отсюда и выделение направления Geospatial Open Source Intelligence (далее – Geo OSINT). Термин Geo OSINT возник в конце первого десятилетия XXI в., когда широкое распространение получили цифровые карты, глобальные навигационные системы (GPS, ГЛОНАСС).

Впервые Geo OSINT получил широкое признание среди специалистов разведки и правоохранительных структур зарубежных стран, в связи с увеличением интереса к открытым данным, собранным в цифровом пространстве [4]. Geo OSINT используется повсеместно и включает в себя широкий спектр методик, таких как анализ фотографий, видеороликов и их контекста, установление координат по метаданным файлов и другие техники.

В зарубежных странах проводятся международные профессиональные конференции и семинары, которые посвящены технологиям анализа геопространственных данных. Участники делятся опытом, проводят мастер-классы и устраивают практические задания. Один из примеров – ежегодная конференция GEOINT (USA), проводимая Ассоциацией Национальных Исследований Геопространства (USNGA) (является ведущей организацией в Соединенных Штатах Америки, занимающейся вопросами национальной безопасности и геопространственной разведки. Она была создана в 2003 г. путем объединения нескольких агентств, ранее специализировавшихся на сборе и анализе

космической и аэрофотографической информации). Крупные технологические компании проводят внутренние конкурсы и чемпионаты для сотрудников и студентов вузов, направленные на повышение квалификации в сфере Geo OSINT. Задания в соревнованиях по Geo OSINT заключаются в определении точных координат местоположения по фотографии или видеоклипу, идентификации лиц или объектов на изображениях, связанных с определенными местами, поиском исторических данных и архивных документов, относящихся к определенной территории, составление рекомендаций по маршруту передвижения на основании имеющихся данных.

В Российской Федерации постепенно развиваются отдельные проекты и инициативы, направленные на популяризацию геопространственного анализа по открытым источникам [5], проводятся конференции и семинары, где рассматриваются вопросы геопространственного анализа и разведки по открытым источникам.

В свою очередь, использование Geo OSINT является эффективным способом установления персональных данных трупов неопознанных лиц. Этот способ предполагает сбор и анализ открытых источников геопространственной и иной информации, таких как спутниковые снимки, фотографии, видео и их контексты, из соцсетей, отчеты пользователей и метаданные файлов (метаданные – это дополнительная информация о файле, документе или объекте, которая описывает его свойства и характеристики. Другими словами, это «данные о данных». Например, когда сделана фотография (дата и время)? Где она была сделана (географические координаты)? Такие сведения хранятся вместе с основным объектом (фотография, видео и др.) и помогают понять, как, кем и когда он был создан), содержащие сведения о месте нахождения объекта. Однако оперативным подразделениям необходимо выработать алгоритм использования Geo OSINT.

Во-первых, собрать первичные данные: изучить фото- и видеоматериалы, место обнаружения трупа неустановленного лица, найденные в открытом доступе, и позволяющие анализировать возможные изменения деталей окружения с последнего обнаруженного фото или видеоматериалов и их контекста, такие как природные объекты или транспортные маршруты, знаки и другие маркеры, изменение, исчезновение, перемещение. Также необходимо обратить внимание на временной промежуток между последней обнаруженной фотографией локации и моментом обнаружения тела. Чем больше прошло времени, тем сложнее анализировать возможные изменения деталей окружения. При этом изучение изменения окружающей среды в динамике способствует выдвижению версии о возможном пребывании ранее объекта поиска в установленном месте, а также наличие возможных очевидцев относительно личности устанавливаемого лица. Далее сотруднику оперативного подразделения необходимо получить

фотоизображение трупа, татуировок, одежды, вещей, обнаруженных при нем, других отличительных признаков, которые могут способствовать его идентификации.

Во-вторых, при осуществлении Geo OSINT сотрудники оперативных подразделений, используя инструменты анализа спутниковых карт (например, Google Maps, Яндекс.карты), фотографий с беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) могут установить предположительное или фактическое место нахождения трупа. В настоящее время в зоне проведения специальной военной операции особенно актуальна данная возможность. Высокое разрешение изображений позволяет обнаруживать, тела погибших, а также мелкие детали, например, следы пребывания лица (костры, палатки др.). Присутствует возможность быстро обследовать большие территории, оперативно обновляя карту фактически проведенных поисковых мероприятий. Различные приложения типа OpenStreetMap, Wikimapia, Integraph и др., а также другие платформы анализа больших данных, позволяют объединять разрозненные сведения и создавать общую картину происшествия. Сочетание использования открытых георесурсов и ведомственных возможностей значительно увеличивает шансы на обнаружение трупов неопознанных лиц.

В-третьих, при осуществлении Geo OSINT сотрудники оперативных подразделений должны уметь работать с метаданными файлов (фотографий с БПЛА, спутниковых карт и др.), таких как EXIF – данные (широта, долгота, высота над уровнем моря, время съемки), которые часто позволяют точно установить фактическое место нахождения трупа по фото, даже без видимых ориентиров. Например, когда сотрудник уголовного розыска из открытых источников получает фотографию, на которой обнаружены следы пребывания безвестно отсутствующего лица, изображение достаточно четкое, однако внешние ориентиры практически отсутствуют – никаких характерных построек, дорог или знаков поблизости не видно. Усложняет задачу еще и то, что территория обширная, покрытая густой растительностью, а значит, обычная работа по сопоставлению фотографий с картой местности вряд ли даст быстрый результат. В данном случае, если сотрудник проверяет метаданные файла фотографии и найдет среди EXIF-данных точные географические координаты широты и долготы, указанные в метрах, минутах и секундах, а также высоту над уровнем моря. Эти данные указывают на конкретное место съемки – лесной массив недалеко от деревни на границе двух областей. Данная информация мгновенно сужает зону поиска. После получения информации о предположительном месте расположения трупа проводится проверка информации путем непосредственного исследования местности сотрудниками полиции и волонтерами. Анализ данной информации облегчает процесс ее сопоставления в различных источниках, что ускоряет принятие решений и улучшает координацию между различными службами и ведомствами, принимающими участие в установлении местонахождения трупа.

Таким образом, правильное извлечение и анализ EXIF-метаданных играет важную роль в установлении точного местонахождения лица. Вместе с тем стоит отметить, что практика использования геопространственных данных требует четких правовых и организационных рамок. В частности, думается, что для адаптации международного термина Geo OSINT к российскому законодательству и спецификам деятельности российских оперативных подразделений целесообразно ввести новое обозначение – ГЕО АССИ. Это позволит четко отделять деятельность по сбору и анализу открытых геопространственных данных от понятий военной разведки и специальных служб иностранных государств.

Предлагаем новый термин ГЕО АССИ, который расшифровывается следующим образом:

– **ГЕО** – геопространственное позиционирование;
– **А** – анализ и интерпретация полученной информации;
– **С** – сбор данных из открытых источников;
– **С** – систематизация материала;
– **И** – использование итогов исследований в решении задач ОРД.

Данный термин подчеркивает сугубо прикладной характер методики, ориентированной исключительно на решение оперативно-розыскных задач сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих ОРД. Использование ГЕО АССИ должно быть строго регламентировано российским законодательством и ограничено рамками полномочий сотрудников оперативных подразделений, не пересекаясь с деятельностью разведывательного характера.

Применение нового термина способствовал бы прозрачности правового регулирования, повысило бы доверие общественности и устранило возможные правовые коллизии. Важно отметить, что термин ГЕО АССИ отражает исключительно законные способы использования открытой информации и ее применение в целях решения задач ОРД.

Современное отечественное законодательство пока не содержит прямого аналога широко распространенного международного термина Geo OSINT, используемого зарубежными странами для обозначения процессов сбора, анализа и использования геопространственных данных из открытых источников. Это создает ряд проблем и правовых неопределенностей, таких как отсутствие механизма использования результатов действий, выполняемых оперативными подразделениями правоохранительных органов, осуществляющими ОРД, в процессе анализа открытых геопространственных данных. Также без конкретной законодательной регламентации использование ресурса Geo OSINT может привести к расширительному толкованию компетенций и превышению полномочий лицами, осуществляющими ОРД, что может повлечь нарушение конституционных прав неопределенного круга лиц на неприкосновенность частной жизни и защиту личной информации. Также неопределенность норм

создает трудности с привлечением к ответственности нарушителей законодательства в случаях неправомерного использования геоданных, что снижает эффективность правовой защиты лиц и организаций.

Подобно другим научным методикам, таким как дактилоскопия или генетическая экспертиза, ГЕО АССИ представляет собой особый способ анализа, направленный на обработку конкретных видов данных (геопространственные координаты, временные отметки, фотоснимки и видео). Такое исследование, по нашему мнению, должно проводиться сотрудниками оперативных подразделений, имеющими соответствующие знания, или специалистами и оформляться актом или справкой.

Предлагаемое введение термина ГЕО АССИ (анализ, сбор, систематизация и использование геопространственных данных) для замены международного термина Geo OSINT обусловлено необходимостью адаптировать данную методику к российскому правовому полю и специфике деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов, осуществляющих ОРД. Новый термин подчеркивает узконаправленную ориентацию методики, исключительно для решения задач ОРД. Безусловно, предлагаемый термин и его применение носит дискуссионный характер и его практическое использование потребует правовых и технических решений на законодательном уровне.

Список источников

1. Об Оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: ред. от 29 декабря 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Велиев Я. П., Мишугис-Бекер Г. С. Использование информационных ресурсов в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел для идентификации лиц и автотранспортных средств// Уголовное судопроизводство в эпоху цифровизации: современное состояние и перспективы развития: электрон. материалы всерос. круглого стола (1 нояб. 2024 г.) / Дальневост. юрид. ин-т МВД России имени И. Ф. Шилова. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова, 2025. С. 29–34.
3. Barnouw, Erik. A History of Broadcasting in the United States (англ.). [Verschiedene Aufl.]. New York: Oxford University Press, 1968. P. 400.
4. Информационная платформа Nextgov. URL: https://www.nextgov.com/digital-government/2014/04/clapper-geoint-is-on-the-rise/255344// (дата обращения: 12.01.2024).
5. Сайт учебного центра «Информзащита», г. Москва. URL: https://itsecurity.ru/catalog/bt45/ ma6ndhzd3190357647 (дата обращения: 12.01.2024).

УДК 343.132

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

***Е. В. Вотькин**, магистрант Дальневосточного института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции»*

Статья посвящена исследованию теоретических и прикладных аспектов следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России. Рассматриваются проблемы законодательного регулирования, классификации и разграничения следственных действий, а также их роль в процессе доказывания. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, связанным с производством следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Автор анализирует существующие правовые нормы, выявляет противоречия в правоприменительной практике и предлагает пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В статье обосновывается необходимость дальнейших научных исследований в данной сфере для формирования единообразной судебно-следственной практики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, процессуальные действия, доказывание, возбуждение уголовного дела, уголовно-процессуальное законодательство, правовое регулирование, классификация следственных действий, судебная практика, совершенствование законодательства.

ON THE RELEVANCE OF THE STUDY OF THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

***E. V. Votkin**, student of the Magistracy of the Far Eastern Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice»*

The article examines the theoretical and applied aspects of investigative and other procedural actions in Russian criminal proceedings. It explores the problems of legislative regulation, classification, and differentiation of investigative actions, as well as their role in the process of evidence gathering. Special attention is paid to debatable issues related to conducting investigative actions at the stage of initiating a criminal case. The author analyzes existing legal norms, identifies contradictions in law enforcement practice, and proposes ways to improve criminal procedural legislation. The article substantiates the need for further scientific research in this field to ensure uniform investigative and judicial practices.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, procedural actions, evidence gathering, initiation of a criminal case, criminal procedural legislation, legal regulation, classification of investigative actions, judicial practice, legislative improvement.

Актуальность исследования теоретических и прикладных аспектов следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России состоит, прежде всего, в том, что отечественное уголовно-процессуальное законодательство, основанное на принципах правового государства, закрепляет важные правовые гарантии и содержит множество инноваций, затрагивающих разные аспекты деятельности органов предварительного следствия и дознания.

Однако, по мнению специалистов, указанный институт уголовно-процессуального права является одним из наиболее дискуссионных, как с позиций законодательной определенности, так и в плане теоретических подходов к определению его процессуальной сути [5, с. 6].

Так, уголовно-процессуальный закон определяет перечень следственных действий, каждое из которых является процессуальным руководством для уполномоченных государством лиц, участвующих в расследовании и процессуальном производстве в формате расследуемых уголовных дел.

Известно, что производство отдельных следственных действий необходимо уже на стадии возбуждения уголовного дела, так как, лишь с помощью полученных в ходе следственных действий сведений возможно принятие верного процессуального решения, по итогам доследственной проверки необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе.

Справедливо признать, что некоторые теоретические суждения о законодательном регулировании и практики производства следственных действий, так и продолжают оставаться предметом научных дискуссий. В связи с этим, представляется целесообразным осуществление дальнейших научных изысканий, направленных на изучение феномена следственных действий как средств познания обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, в целях развития правовой доктрины, дальнейшего совершенствования процессуального законодательства и следственной практики. Кроме этого, актуальность исследования обусловлена отсутствием единого толкования процессуального законодательства, а, следовательно, и правоприменительной практики относительно системы следственных действий и порядка их проведения.

Подчеркивая важность подобных исследований, стоит отметить, что следственные действия являются наиболее важными средствами доказывания, поскольку именно на их результатах формируются обвинительные заключения.

В свою очередь, уполномоченные должностные лица, занимающие должности, связанные с расследованием преступлений, должны стремиться к осознанию имеющихся проблем в сфере регулирования и производства следственных действий.

Выявление же этих проблем возможно при внимательном изучении порядка производства следственных действий, установленного уголовно-процессуальным законом, с практическими условиями и регламентом их производства.

Теоретическая разработанность вопросов правового режима и юридической сущности следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве основывается на работах многих исследователей [1, с. 73].

В обобщенном виде задачи теоретических и прикладных исследований следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России можно представить в следующем виде:

– анализ содержания понятия следственных действий;

– классификация следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве;

– разграничительные критерии следственных и иных процессуальных действий, в уголовном судопроизводстве;

– исследование механизма правового регулирования следственных и иных процессуальных действий, в уголовном судопроизводстве;

– анализ порядка производства следственных действий в различных стадиях уголовного процесса;

– выявление актуальных проблем производства отдельных следственных действий и определить пути совершенствования производства следственных действий в уголовном судопроизводстве;

– обобщение результатов проведенных исследований и выработка предложений по совершенствованию института следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России [2, с. 37].

Подчеркивая актуальность темы, целесообразно отметить, что следственные и иные уголовно-процессуальные действия в отечественном уголовном судопроизводстве, имеющие цель обеспечения процесса доказывания по уголовному делу, направлены на поиск, обнаружение, закрепление и проверку доказательств по уголовному делу.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для каждой конкретной процессуальной деятельности характерны свои особенности процессуального режима. Так, в ходе определенной процессуальной деятельности не могут производиться некоторые следственные действия. Однако допускается проведение «иных» процессуальных действий, которые в юридической литературе и правоприменительной практики часто называют, доследственными либо проверочные мероприятиями и действия.

В этой связи следует отметить, что к лицам, у которых получают образцы для сравнительного исследования при проверке сообщения о преступлении, меры процессуального принуждения не применяются, так как принуждение не имеет должного процессуального обеспечения. Кроме этого, за рамками системы следственных действий стадии возбуждения уголовного дела остались осмотр местности, помещения, жилища. Наряду с этим, по мнению некоторых исследователей, целесообразно законодательно регламентировать процессуальную форму получения объяснений [4, с. 26].

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что следственными действиями, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, являются: получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебной экспертизы; производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов; освидетельствование. Иные, перечисленные выше действия являются лишь процессуальными [3, с. 118].

В связи с возникающими проблемами относительно разграничения следственных и процессуальных действий между собой на стадии возбуждения уголовного дела, хотелось бы предложить закрепить в уголовно-процессуальном кодексе конкретный перечень следственных и процессуальных действий, с помощью которого возможно их достоверное разграничение между собой.

Проведенное исследование теоретических и прикладных аспектов следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России позволяет сделать ряд значимых выводов.

Во-первых, институт следственных действий остается одной из наиболее дискуссионных сфер уголовно-процессуального права. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, в науке и практике сохраняются разногласия относительно их классификации, процессуальной природы и разграничения с иными процессуальными действиями. Это обусловлено как динамичным развитием правоприменительной практики, так и несовершенством отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что требует дальнейшего углубленного изучения данной проблематики.

Во-вторых, особую актуальность приобретает вопрос о производстве следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Существующая правовая неопределенность в этой сфере приводит к противоречиям в следственной и судебной практике, что негативно влияет на эффективность досудебного производства. Законодательное закрепление четкого перечня допустимых следственных действий на данном этапе могло бы способствовать единообразному применению норм и усилению гарантий защиты прав участников процесса.

В-третьих, необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства с учетом современных вызовов. Разработка новых процессуальных форм, таких как получение цифровых доказательств или дистанционное проведение отдельных следственных действий, требует научного осмысления и нормативного закрепления.

В-четвертых, важное значение имеет унификация судебно-следственной практики, которая возможна только на основе глубокого теоретического анализа и обобщения правоприменительного опыта. Формирование единых подходов к классификации следственных действий, их разграничению с иными процессуальными действиями, а также к оценке допустимости доказательств будет способствовать укреплению законности и повышению эффективности уголовного судопроизводства.

Таким образом, исследование следственных и процессуальных действий сохраняет высокую научную и практическую значимость. Дальнейшие изыскания в этой области должны быть направлены на развитие уголовно-процессуальной доктрины, совершенствование законодательства и формирование единообразной правоприменительной практики, что в конечном итоге будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства – защите прав личности, общества и государства от преступных посягательств.

Список источников

1. Быков В. М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 1. С. 73.
2. Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: моногр. // Юрлитинформ. 2015. С. 37.
3. Рыжаков А. П. Уголовный процесс. М., 2002. С. 118.
4. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): моногр. Екатеринбург, 2006. С. 26.
5. Шейфер С. А. Следственные действия // Система и процессуальная форма. 2001. С. 6.

УДК 343.132

СЛЕДСТВЕННЫЕ И ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

***Е. В. Вотькин**, магистрант Дальневосточного института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции»;*

***В. В. Порайко**, доцент кафедры уголовного права и процесса Дальневосточного института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции», кандидат юридических наук*

В статье рассматривается система следственных действий в уголовном судопроизводстве России, анализируются их виды, правовая регламентация и проблемные аспекты. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, включая отсутствие законодательного определения следственных действий, неполноту их перечня и проблемы правового регулирования. Предлагаются пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в том числе введение отдельной главы в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляющей исчерпывающий перечень следственных действий и внедрение дистанционных форматов их проведения с использованием видео-конференц-связи.

Ключевые слова: следственные действия, уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, система процессуальных действий, доказательства, дистанционный формат, видео-конференц-связь, правовое регулирование, досудебное производство.

INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA: MAIN RESULTS OF THE RESEARCH

E. V. Votkin, *student of the Magistracy of the Far Eastern of the Far Eastern Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice»;*

V. V. Porayko, *associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Far Eastern Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice», kandidat nauk, degree in Law*

The article examines the system of investigative actions in Russian criminal proceedings, analyzes their types, legal regulation, and problematic aspects. Special attention is paid to controversial issues, including the lack of a legislative definition of investigative actions, the incompleteness of their list, and problems with legal regulation. The article proposes ways to improve the criminal procedure legislation, including the introduction of a separate chapter in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that establishes an exhaustive list of investigative actions and the introduction of remote formats for conducting them using video conferencing.

Keywords: investigative actions, criminal proceedings, CPC of the Russian Federation, system of procedural actions, evidence, remote format, video conferencing, legal regulation, pre-trial proceedings.

Проведенное исследование института следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России позволило сформулировать выводы по наиболее существенным вопросам системы следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве.

Определено, что следственное действие – это процессуальное действие, предусмотренное и детально регламентированное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), выполняемое уполномоченным должностным лицом в целях получения новых и проверки имеющихся доказательств, а также установления основания для возбуждения уголовного дела и обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

Анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства, применение положений системного подхода, рассматривающего объекты познания как системы, позволило конкретизировать круг следственных действий, образующих их систему, их соотношение и взаимосвязь [1, с. 387].

Определено, что систему следственных действий составляют:

1) осмотр (ст. 176–177 УПК РФ);

2) эксгумация (ч. 3 ст. 178 УПК РФ);

3) освидетельствование (ст. 179 УПК РФ);

4) следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);

5) обыск (ст. 182 УПК РФ);

6) выемка (ст. 183 УПК РФ);

7) личный обыск (ст. 184 УПК РФ);

8) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);

9) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);

10) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);

11) допрос (ст. 187–191 УПК РФ);

12) очная ставка (ст. 192 УПК РФ);

13) предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ);

14) проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ);

15) получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ);

16) назначение и производство судебной экспертизы (ст. 195–207 УПК РФ).

Вместе с этим целесообразно отметить, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве сегодня отсутствует нормативное закрепление понятия следственных действий (ст. 5 УПК РФ), в связи с чем, есть целесообразность включения данного правового понятия в указанную статью [1, с. 508].

К основным проблемам, связанным с производством и нормативным правовым регулированием следственных действий, можно отнести:

– неполный понятийный аппарат уголовно-процессуального кодекса;

– отсутствие нормативного закрепления обязанности уполномоченных лиц осуществлять информирование участников уголовного судопроизводства об окончании проведения следственных действий в рамках дознания;

– отсутствие законодательно установленной процедуры разрешения ходатайств о производстве процессуальных действий;

– неполнота правового регулирования процессуального статуса участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий;

– отсутствие законодательного закрепления конкретного исчерпывающего перечня возможных и допустимых следственных действий;

– наличие методологических проблем производства отдельных следственных действий и с отдельными участниками уголовного судопроизводства: несовершеннолетними, лицами с психическими отклонениями, специальными субъектами и так далее.

В этой связи полагаем целесообразным дополнить УПК РФ главой, посвященной следственным действиям, в которой закрепить конкретный перечень следственных действий, так же все положения, которые регламентируют их производства.

Одним из частных предложений, направленных на совершенствование механизма следственных действий является возможность производства подобных действий в дистанционном формате.

Предложенный механизм проведения следственных действий в дистанционном формате, может положительно отразится на исследовании доказательств в суде, так как факт осуществления видеозаписи следственного действия может служить основанием для отсутствия необходимости вызова в судебный орган засекреченного лица в целях соблюдения его безопасности, по примеру депонирования показаний несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, полученных в ходе видеодопроса.

Разделяя мнение профессора Н. Г. Шурухнова, полагаем целесообразным дополнить ст. 189.1 УПК РФ частью 8.1 следующего содержания: «В целях обеспечения безопасности по ходатайству участников уголовного судопроизводства следственные действия при помощи систем видео-конференц-связи производятся с изменением их внешности и голоса» [3, с. 60].

Проведенное исследование системы следственных и иных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве России позволило выявить ключевые проблемы их правового регулирования и практического применения. Несмотря на детальную регламентацию отдельных следственных действий в УПК РФ, в законодательстве отсутствует четкое определение понятия «следственное действие», а также исчерпывающий перечень таких действий, что создает неоднозначность в их классификации и применении. Кроме того, остаются дискуссионными вопросы, связанные с производством отдельных следственных действий, таких как эксгумация и судебная экспертиза, а также с участием в них особых категорий лиц (несовершеннолетних, лиц с психическими отклонениями и др.).

Важным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства является закрепление в УПК РФ отдельной главы, посвященной следственным действиям, которая должна содержать их исчерпывающий перечень, общие правила производства и особенности проведения с использованием современных технологий. Внедрение дистанционного формата следственных действий, включая видеоконференцсвязь с возможностью изменения внешности и голоса участников, способно не только ускорить досудебное производство, но и обеспечить безопасность лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Таким образом, дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства в этой сфере должно быть направлено на устранение существующих пробелов, совершенствование процессуальных механизмов и внедрение цифровых технологий, что в целом повысит эффективность следственной деятельности и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Расследование уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2. С. 60.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 387.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 508.

УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ФИНАНСОВО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

***Н. М. Журавлева**, начальник кафедры социально-экономических дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук*

На основе анализа доктринальных и иных трудов, действующего законодательства, сложившейся правоприменительной практики относительно назначения и производства судебной финансово-аналитической экспертизы автор акцентирует внимание на особой значимости результатов указанного следственного действия в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, по уголовным делам о криминальных банкротствах и обосновывает мнение о том, что заключение эксперта итогом эффективного взаимодействия следователя, органа дознания и эксперта.

Ключевые слова: специальные знания, финансово-аналитическая экспертиза, финансовое состояние, постановление, исследование, заключение эксперта, доказательство.

CERTAIN ASPECTS OF APPOINTMENT AND EXECUTION OF FORENSIC FINANCIAL AND ANALYTICAL EXAMINATIONS

***N. M. Zhuravleva**, head of the Department of Socio-Economic Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, kandidat nauk, degree in Law*

Based on an analysis of doctrinal and other works, current legislation, established law enforcement practice regarding the appointment and production of forensic financial and analytical expertise, the author focuses on the special significance of the results of this investigative action in establishing circumstances to be proved in criminal cases of criminal bankruptcies and justifies the opinion that the expert's opinion is the result of effective interaction between the investigator, the inquiry body and the expert.

Keywords: special knowledge, financial and analytical expertise, financial condition, resolution, research, expert opinion, evidence.

В соответствии с действующим законодательством, закрепляющим фундаментальные положения отечественного уголовного судопроизводства, сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь или дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела, являются равнозначными, независимо от их вида. Перечисленные уполномоченные должностные лица и органы не должны признавать за каким-либо доказательством заранее установленную силу и на этом основании предрешать дело. Равнозначность доказательств закреплена в законодательстве и влияет на оценку обстоятельств дела, но не на собирание и проверку доказательств.

Заключение эксперта в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, являясь одним из видов доказательств, представляет собой письменный документ, в котором содержится подробное описание проведенного исследования, его результаты, выводы и ответы на поставленные следователем, дознавателем или судом вопросы. Привлечение в ходе уголовного судопроизводства эксперта указывает на наличие необходимости применения специальных познаний для установления обстоятельств по делу.

В ходе производства экспертизы лицом, обладающим специальными знаниями, проводится исследование представленных в распоряжение материалов (объектов), содержащих ряд установленных фактов, анализ которых осуществляется сведущим специалистом с учетом имеющихся знаний, опыта и соответствующего допуска. По результатам этого эксперт формулирует свои выводы, которые устанавливают новые факты или подтверждают уже установленные обстоятельства дела. Таким образом, заключение эксперта как доказательство не только устанавливает факты, которые требуют специальных знаний в соответствующей сфере, но и тесно связано с другими доказательствами и в определенной мере способствует оценке последних.

В правоприменительной практике имеют место категории дел, по которым установление истины невозможно без назначения судебной экспертизы, особенно если речь идет о преступлениях в сфере экономики. Среди последних отдельного внимания заслуживает расследование криминальных банкротств и мошенничеств, которые связанны с указанным финансовым состоянием юридического или физического лица. Дать объективную юридическую оценку действиям лица, совершившего противоправное уголовно наказуемое деяние, позволит назначение и производство финансово-аналитической экспертизы.

Этот вид экспертизы фокусируется на детальном анализе финансовых данных и показателей для оценки экономического состояния организации, эффективности финансового управления и выявления потенциальных рисков. **В ходе указанного следственного действия эксперт проводит анализ финан-**

совой и бухгалтерской документации с целью выявления ошибок, несоответствий, нарушений и оценивания финансового состояния организаций или физических лиц.

Назначение и производство по уголовным делам судебных финансово-аналитических экспертиз позволяет не только оценить финансовое состояние должника и выявить признаки фиктивного банкротства, но и определить влияние конкретной сделки либо совокупность на финансовое состояние хозяйствующего субъекта, проверить точность и достоверность финансовой отчетности, выявить фиктивные транзакции, незаконное использование денежных средств, несанкционированные расходы и т. п.

Учитывая перечисленные возможности судебной финансово-аналитической экспертизы, определим ее роль и значение установления истины по уголовному делу и последующего разрешения его, по существу.

Во-первых, назначение и производство указанного вида экспертизы по уголовному делу играет не маловажную роль в доказывании объективной стороны преступления, так как выводы эксперта помогают установить способ совершения преступления и маскировки его следов, размер нанесенного ущерба, причинно-следственную связь между деянием и наступившими последствиями [4].

Во-вторых, в отдельных случаях результаты судебной финансово-аналитической экспертизы способствуют установлению и доказыванию умысла совершения преступления. Например, обнаружение причинно-следственной связи между совершенными руководством и собственниками сделками и операциями (иными экономическими факторами) и возникновением недостаточности стоимости имущества организации и последующим ее банкротством [3]. Еще одним наглядным примером будет являться выявление фактов и доказательство применения подложного документа, внесения ложных данных либо уничтожения настоящих документов бухгалтерского учета.

В-третьих, как уже обозначалось ранее, заключение эксперта является одним из доказательств по уголовным делам в сфере экономки. На момент принятия решения о возбуждении уголовного дела с учетом обстоятельств, установленных при проведении «доследственной» проверки, не всегда возможно дать точную юридическую оценку совершенному преступному деянию. В этой связи результаты судебной экспертизы могут способствовать разрешению ситуации путем установления фактов, позволяющих уточнить квалификацию деяния, что позволяет своевременно и оперативно приступить к уголовному преследованию [1].

В-четвертых, результаты судебной финансово-экономической экспертизы способствуют сбалансированности публичного и частного интересов путем использования заключения эксперта, как инструмента обвинения, так и защиты. Суть заключается в том, что производство экспертизы позволяет для органов предварительного расследования и потерпевшей стороны «задокументировать»

объективную сторону преступления в сфере экономики, а в отдельных случаях и субъективной. Результаты экспертизы, инициированные стороной защиты, позволяют уменьшить или обосновать размер ущерба либо установить с учетом остальных доказательств невиновность уголовно преследуемого лица.

Несмотря на имеющиеся вышеописанные возможности судебной финансово-аналитической экспертизы, а также существенное доказательственное значение ее результатов – заключения эксперта, в ходе назначения и производства указанного следственного действия на сегодняшний день имеют место проблемы, которые не нашли своего разрешения.

Проблемные аспекты назначения и производства финансово-аналитических экспертиз связаны с правовыми, методическими и организационными вопросами, а также с возможностью ошибок.

К правовым проблемам следует отнести следующее:

– отсутствие четкой регламентации места финансово-аналитической экспертизы в общей классификации судебных экспертиз. Например, в нормативных актах МВД России и Минюста России предусмотрены разные классификации, что может приводить к неопределенности в правоприменительной практике. Изложенное указывает на необходимость разработки единой классификации судебных экономических экспертиз, основанной на единых принципах и подходах [2, с. 95–96];

– наличие коллизии между действующим законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством назначение и производство судебных экспертиз разрешено до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако в силу специфики преступлений (криминальные банкротства, мошенничества и т. п.) собрать и представить в распоряжение эксперту все необходимые для исследования и получения выводов материалы невозможно. Это связано с ограничением перечня следственных действий, производство которых возможно при проведении проверки по сообщению;

– постановка на разрешение эксперту вопросов, которые выходят за пределы его компетенции. Например, вопросы правового характера, требующие толкования законодательства, не относятся к компетенции эксперта-экономиста.

Относительно методологии производства судебных финансово-аналитических экспертиз на сегодняшний день остаются актуальными ряд вопросов, среди которых:

– отсутствие единой сертифицированной методики проведения финансового анализа предприятия, что приводит к разрозненности экспертных выводов и необходимости назначать дополнительные, повторные ли комплексные экспертизы;

– использование неподтвержденных методик. Например, применение модели Альтмана, которая применима только для акционерных обществ, свободно продающих акции на рынке ценных бумаг.

Относительно ошибок, которые допускаются при назначении и производстве экспертиз, то они могут допускаться как инициаторами проведения экспертиз – следователем, дознавателем, так и самими экспертами.

Так, в случаях отсутствия соответствующего опыта в расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, а также налаженного взаимодействия между органами предварительного расследования и экспертными учреждениями имеют место случаи постановки на разрешение эксперту вопросов, несоответствующих виду экспертизы. Например, назначение финансово-аналитической экспертизы, а вопросы ставятся в рамках бухгалтерской экспертизы. Другими ошибками, допускаемыми со стороны инициаторов назначения и производства экспертизы, могут быть, постановка вопросов, выходящих за пределы компетенции эксперта, а также правового или справочного характера. Перечисленное свидетельствует о необходимости проведения в рамках служебной подготовки дополнительных занятий с личным составом подразделений органов предварительного расследования с привлечением соответствующих специалистов – экспертов, а также разработке алгоритма действий в случае назначения при производстве по уголовному делу судебной финансово-аналитической экспертизы.

Несмотря на то, что эксперты являются сведущими людьми, обладающими специальными знаниями, имеющими соответствующие опыт и допуск, они тоже допускают ошибки. Например, недостаточный выбор коэффициентов для расчетов, может повлечь ошибки при установлении динамики финансового состояния хозяйствующего субъекта. Обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела. Например, использование только факультативных объектов (актов ревизии, аудиторских заключений) без опоры на основные документы. Решение обозначенной проблемы требует комплексного подхода, включающего повышение уровня подготовки экспертов, регламентацию основных экспертных методик производства финансово-аналитических экспертиз и доведение до личного состава соответствующих подразделений экспертных учреждений обзоров, содержащих сведения о наиболее часто допускаемых ошибок при производстве судебных экономических экспертиз, в том числе и финансово-аналитических.

Список источников

1. Бахта А. С., Нуриев И. Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 26–29.

2. Савицкий А. А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. № 7. 2018. С. 94–102.
3. Тищенко О. М. Судебно-экономические экспертизы по уголовным делам: проблемы назначения и проведения // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам CXLVI международной научно-практической конференции. Том 46 (146). 2019. С. 208–215.
4. Финансово-экономическая экспертиза по уголовным делам: научно-технический центр «Финансовая экспертиза» // Воронежский государственный университет. URL: https://cchgeu.ru (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 343.132

ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***С. В. Замалеева**, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена исследованию специфики показаний подозреваемого и обвиняемого их отличий от показаний других участников уголовного процесса. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, что позволит наиболее оптимально и объективно разрешить вопросы, возникающие при получении показаний подозреваемого и обвиняемого.

Ключевые слова: показания, допрос, очная ставка, уголовное преследование, уголовная ответственность, предварительное следствие, судебное разбирательство, доказательства, следователь, подозреваемый, обвиняемый.

FEATURES OF TESTIMONY OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED AS PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***S. V. Zamaleeva**, deputy head of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the study of the specifics of the testimony of the suspect and the accused, their differences from the testimony of other participants in the criminal process. The author comes to the conclusion about the need to amend the criminal procedure legislation, which will allow the most optimal and objective resolution of issues arising when obtaining testimony from the suspect and the accused.

Keywords: testimony, interrogation, confrontation, criminal prosecution, criminal liability, preliminary investigation, trial, evidence, investigator, suspect, accused.

В рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации ключевые роли отведены подозреваемым и обвиняемым, поскольку именно в их отношении ведется уголовное преследование. В теории уголовного процесса существуют различные толкования понятия «показания обвиняемого».

Исторически сложилось широкое понимание данного термина. Так, И. Я. Фойницкий рассматривал в качестве показаний обвиняемого любые его утверждения, направленные на подтверждение или опровержение каких-либо обстоятельств дела [9, с. 267]. При этом, хотя он и считал судебные показания наиболее достоверными, он не исключал возможность установления внесудебных заявлений обвиняемого посредством свидетельских показаний, документальных материалов (писем и т. п.).

Г. С. Заровнева и А. И. Комаров определяли показания обвиняемого как объяснения, данные в установленном законом порядке лицом, привлеченным к уголовной ответственности, относительно обстоятельств совершенного преступления и лиц, причастных к нему. Они исключали из данного понятия процессуальные заявления обвиняемого, сделанные вне рамок допроса, даже если в них содержатся важные для дела сведения, настаивая на необходимости проведения дополнительного допроса в таких случаях [3, с. 80].

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодательное определение понятия показаний обвиняемого содержится в ч. 1 ст. 77. Однако данное определение не лишено недостатков. Во-первых, наблюдается смешение процессуальной формы и содержания доказательств, во-вторых, утверждается, что показания могут быть даны исключительно в ходе допроса (хотя даже статья 192 УПК РФ, регламентирующая проведение очной ставки, не рассматривается как способ получения показаний обвиняемого); в-третьих, ст. 77 УПК РФ не определяет предмет показаний обвиняемого. Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку особенности правового положения обвиняемого и подозреваемого обуславливают особенности предмета их показаний.

Поскольку сведения могут поступать не только в ходе допроса, этот факт должен быть учтен при формулировании определения показаний, а также необходимо сослаться на релевантные статьи УПК РФ, регламентирующие порядок их фиксации.

В юридической литературе справедливо подчеркивается необходимость учета этого обстоятельства при определении понятия показаний подозреваемого. Имеется в виду, что под показаниями, полученными от обвиняемого в рамках уголовного судопроизводства России, следует понимать релевантную для дела информацию, которая соответствует требованиям допустимости по форме и содержанию и была озвучена им в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте или опознания в рамках предварительного следствия или судебного разбирательства [5, с. 137].

Следует также принять во внимание, что показания обвиняемого могут быть получены не только на этапе предварительного расследования и в ходе судебного процесса. Допрос обвиняемого может быть проведен и в рамках предварительного слушания, апелляционной инстанции, а также при непосредственном исследовании доказательств в кассационном производстве (ч. 4 ст. 377 УПК РФ).

Часть 8 ст. 234 УПК РФ позволяет на предварительном слушании решать вопрос о допустимости доказательств на основании ходатайств сторон, путем допроса любых лиц, осведомленных об обстоятельствах проведения следственных действий, изъятия или приобщения к делу документов, но только в качестве свидетелей, мы полагаем, что нет оснований отказывать обвиняемому в возможности давать показания по этим обстоятельствам на предварительном слушании. В связи с этим, ч. 8 ст. 234 УПК РФ целесообразно изложить так: на основании ходатайств сторон в ходе предварительного слушания могут быть допрошены любые лица, располагающие информацией об обстоятельствах проведения следственных действий, изъятия или приобщения документов к материалам дела.

Возможность проведения допроса подсудимого в процессе апелляционного рассмотрения вытекает из положений ст. 365 УПК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, изначально пояснивший, что непосредственное исследование доказательств в суде кассационной инстанции подразумевает ознакомление с материалами, уже имеющимися в уголовном деле [7], впоследствии исключил данное положение[8]. Это позволяет заключить, что непосредственное исследование доказательств в кассационном суде осуществляется в соответствии с правилами, установленными гл. 37 УПК РФ.

В связи с вышеизложенным, предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 77 УПК РФ: «Показания обвиняемого – это процессуальная форма информации, предоставленной им во время допроса, очной ставки или процедуры опознания в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде, в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187–190, 192, 193, 275, 289, 365, 377 настоящего Кодекса».

Часть 2 ст. 77 УПК РФ содержит формулировку, которая на первый взгляд ставит под сомнение равенство доказательственной силы признательных показаний обвиняемого с другими источниками информации о фактах: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может являться основанием для обвинения только в случае подтверждения его виновности совокупностью собранных по делу доказательств».

Не вполне понятно, что имел в виду законодатель, используя выражение «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения». Буквальное толкование ч. 2 ст. 77 УПК РФ может привести к ошибочному пониманию, что признание вины является единственным основанием для обвинения, что не соответствует цели законодателя. Вероятно, при создании

ч. 2 ст. 77 УПК РФ законодатель предполагал, что признательные показания обвиняемого должны рассматриваться как одно из доказательств в совокупности с другими.

Таким образом, в ч. 2 ст. 77 УПК РФ речь идет об основе обвинения не как о доминирующем элементе, а как о совокупности доказательств, дающей право обвинять лицо в совершении преступления.

Следует также подчеркнуть, что признательные показания обвиняемого могут учитываться в качестве основания для дальнейшего уголовного преследования, но не как фундамент обвинительного заключения, поскольку на момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого таких показаний еще не существует. Возможно, законодатель имел в виду признание вины, сделанное лицом в ином процессуальном статусе (например, в качестве подозреваемого). Однако в таком случае было бы логичнее говорить о признании лицом своей вины в совершении преступления, а не использовать наименование участника уголовного процесса [2, с. 77].

Помимо содержания, показания обвиняемого отличаются от показаний других участников процесса в силу особого процессуального статуса обвиняемого, специфики дачи показаний и установленных процессуальных правил их оформления.

Обвиняемый не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Право обвиняемого на отказ от дачи показаний закреплено в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Если обвиняемый решает давать показания, он должен быть предупрежден о том, что эти показания могут быть использованы в качестве доказательств по его уголовному делу, даже если впоследствии он откажется от них (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). А. М. Быканов отмечает, что свидетельским иммунитетом могут обладать только свидетели, то есть лица, которые, при отсутствии такого иммунитета, были бы обязаны давать показания. Право не свидетельствовать против себя – это привилегия, защищающая от самообвинения [1, с. 95].

В связи с тем, что в российской уголовно-процессуальной практике концепция «свидетельского иммунитета» вызывает немало споров и существенно отличается от аналогичных институтов, существующих в зарубежных правовых системах, Е. И. Леонов выдвигает предложение об исключении данного термина из УПК РФ. Альтернативой он видит введение следующих понятий: «свидетельская привилегия», определяемая как право лица не давать показания против своего супруга(и) или близких родственников; «привилегия против самообвинения», гарантирующая право не свидетельствовать против себя; и «привилегия обвиняемого и подозреваемого», обеспечивающая право отказаться от дачи показаний по делу, в котором лицо обладает соответствующим процессуальным статусом [4, с. 92–94]. Данная инициатива представляется вполне обоснованной.

В юридической науке активно обсуждается вопрос о возможности привлечения обвиняемого к ответственности за дачу заведомо ложных показаний, содержащих обвинения в адрес других лиц, квалифицируемых как ложный донос. В этой связи существуют различные точки зрения. Широко распространено мнение, согласно которому обвиняемый или подозреваемый имеет право на предоставление неправдивых сведений, включая обвинение других в совершении преступления. Это право аргументируется правом на защиту, которое якобы может быть реализовано любыми доступными средствами, включая ложные показания. Однако ряд авторов полагают, что освобождение обвиняемого от ответственности за лживые заявления о причастности другого лица к преступлению, даже если это служит способом защиты, противоречит конституционным принципам РФ.

И обвиняемый, и лицо, подозреваемое в совершении преступления, должны осознавать возможные юридические последствия предоставления ими ложной информации, в том числе и во время допроса. Считаем целесообразным внести изменения в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, дополнив ее положением об обязательном предупреждении обвиняемого перед дачей показаний об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, как это предусмотрено ст. 306 Уголовного кодекса РФ. Аналогичное изменение необходимо внести и в п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, касающийся прав подозреваемого.

В когнитивном плане, показания, даваемые подозреваемым и обвиняемым, имеют точки соприкосновения. Подозреваемый, подобно обвиняемому, является субъектом, в отношении которого осуществляются действия, направленные на уголовное преследование. Это определяет сходство в их процессуальном положении.

Однако, важно отметить, что статус подозреваемого существует исключительно на досудебной стадии уголовного процесса. Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, лицо может иметь данный статус только на этапе предварительного расследования. При этом, согласно позиции Конституционного Суда РФ, в конституционно-правовом понимании подозреваемым является любое лицо, в отношении которого осуществляются процессуальные меры, направленные на установление его вины [6].

Исходя из вышеизложенного, предлагается скорректировать нормативное определение показаний подозреваемого (ч. 1 ст. 76 УПК РФ), изложив его в следующей редакции: «Показания подозреваемого – это зафиксированные в установленном процессуальном порядке сведения, предоставленные им в ходе допроса, очной ставки или процедуры опознания на этапе досудебного производства по уголовному делу, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 46, ст. 187–190, ч. 1 ст. 223.1 настоящего Кодекса».

В действующей редакции УПК РФ отсутствует статья, детально регламентирующая порядок проведения допроса подозреваемого. В юридической литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости включения подобной статьи в УПК РФ.

В частности, С. И. Леонов считает, что в данной статье должны быть отражены гарантии прав подозреваемого, аналогичные тем, что предусмотрены при допросе обвиняемого, за исключением требования немедленного допроса после вручения копии документа, констатирующего статус подозреваемого, поскольку это может ограничить его право на защиту, включая право на консультацию с адвокатом [4, с. 99].

Данное предложение представляется разумным, особенно в контексте отказа от обязательного вопроса об отношении подозреваемого к предъявленным подозрениям, что было обосновано выше.

Поэтому считаем необходимым включить ч. 2 ст. 76 УПК РФ: «В случае выражения подозреваемым согласия на дачу показаний, он подлежит допросу по существу имеющихся в отношении него подозрений. Кроме того, подозреваемый может быть допрошен об обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела».

Опасность необоснованного преувеличения значения признательных показаний подозреваемого в совершении преступления сопоставима с аналогичной угрозой в отношении признаний обвиняемого. Чтобы уменьшить этот риск, предлагается расширить статью 76 УПК РФ третьей частью, сформулировав ее так: «Признание лицом своей вины в преступлении, данное во время допроса в качестве подозреваемого, может служить базой для продолжения уголовного преследования, выдвижения обвинения и признания виновным исключительно в случае, когда это признание подтверждается совокупностью иных доказательств, собранных по данному уголовному делу».

Таким образом, показания обвиняемого и показания подозреваемого представляют собой различные процессуальные формы информации, отличающиеся процессуальным статусом лица, дающего показания, предметом показаний и отдельными аспектами процедуры их получения.

Список источников

1. Быканов А. М. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Черные дыры в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 95.
2. Глобенко О. А. Понятие «показания обвиняемого»: расширительное толкование // Юридический мир. 2007. № 7. С. 77.
3. Заровнева Г. С., Комаров А. И. Показания обвиняемого – один из источников доказательств // Вестник СамГУ. 2023. № 3. С. 80.

4. Леонов С. И. Расспрос как познавательный метод получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 92–94.
5. Макарова А. Ю. Показания обвиняемого // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: материалы науч.-практ. конф., 21 декабря 2023 г. Саранск, 2017. С. 137.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» от 27 июня 2000 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» от 23 декабря 2008 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 3.
9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Издательство Альфа, 1996. С. 267.

УДК 343.54

ВЕБКАМ-ИНДУСТРИЯ – СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВРАЩЕНИЯ ОБЩЕСТВА

***О. Р. Зорина**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена одной из современных, разрушающих общественную нравственность и традиционные ценности, видов деятельности – вебкам-индустрии. Автор статьи определяет, что является вебкам-моделингом, причины его популярности, риски участников такой деятельности. Законодательное регулирование такой индустрии не останавливает развитие вебкам-бизнеса, что является одной из актуальных проблем уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: вебкам, вебкам-индустрия, вебкам-моделинг, несовершеннолетние, общественная нравственность, традиционные ценности.

WEBCAM-INDUSTRY – A MODERN FORM OF SPIRITUAL AND MORAL CORRUPTION OF SOCIETY

***O. R. Zorina**, postgraduate student of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to one of the modern ones that destroy public morality and traditional values of activity – industry webcams. The author of the article determines what is webcast modeling, the reasons for its popularity, the risks of participants in such activities. Legislative regulation of such an industry does not stop the development of business webcams, which is one of the pressing problems of the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: webcams, webcam industry, webcam modeling, minors, public morality, traditional values.

Информационно-телекоммуникационные технологии как совокупность методов и средств передачи различной информации неотъемлемая часть нашего существования. Положительные стороны всеобъемлющего использования информационных сетей человеком очевидны: неограниченный доступ к информации, возможность дистанционного обучения, появление новых рабочих

мест (бизнес, маркетинг), удобное и не имеющее территориальных границ общение людей между собой, развлечения (фильмы, игры, музыка, книги и др.), развитие технологий (так, сеть Интернет стала базой для дальнейшего развития функции «умного дома») и др. Перечень полезного влияния глобальной сети можно продолжать и дальше, но важно помнить, что существует и другая противоположная грань. Отрицательными же явлениями использования информационно-телекоммуникационных технологий является очевидная зависимость и порой невозможность жизни без современных информационных технологий; наличие ложной информации, часто выдаваемой за истину; потеря приватности; недостаток реального общения; риски стать жертвой преступления (мошенничество, клевета и др.) Наиболее опасными являются преступления против общественной нравственности в системе сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Так, в Российской Федерации действует законодательный запрет на изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетних или использования их в целях изготовления таких материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Такая мера не останавливает от совершения таких преступлений, напротив, происходит развитие порнографической индустрии.

По мнению И. П. Родивилина и В. В. Коломинова, указанные преступления являются одними из самых трудно выявляемых и раскрываемых, в особенности с участием несовершеннолетних [4, с. 84]. В настоящее время очень остро стоит вопрос популярности вебкам-услуг (киберпроституиции, сексуального суррогата). Вебкаминг (от англ. Webcam – веб-камера) – это общение сексуального характера модели по веб-камере в формате прямого эфира с участником общего или приватного чатов, в ходе которого модель выполняет просьбы сексуального характера (например, стриптиз, демонстрация половых органов, использование секс-игрушек) [5, с. 27].

Популярность и новизна такого рода услуг заключается в легкой доступности каждой из сторон стать участником вебкам-сервиса, анонимность, мобильность (как со стороны моделей, которыми могут быть и мужчины, и женщины, так и со стороны потребителя). Вебкам-модели могут работать как самостоятельно, так и при помощи других лиц, что вызывает большую опасность и разрушающее воздействие на общественную нравственность, так как это превращается в незаконную порнографическую индустрию, вовлекая большее количество людей, в том числе несовершеннолетних.

Информация о том, что вебкам-студии существуют в нашей стране, находится в открытом доступе, известны интервью совладельцев сетей таких студий, которые рассказывают о специфике их работы, процессе создания и работе вебкам-индустрии [3]. Государственные органы Российской Федерации,

безусловно, реагируют на такую информацию в сети Интернет, многие вебкам-сайты запрещены на территории нашей страны и внесены в реестр запрещенной информации на основе Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. 24 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [1].

Действия со стороны государства по запрету и блокировки вебкам-сайтов не останавливают от новой регистрации и их использования отечественными пользователями, с использованием прокси-сервисов и VPN. Именно такие технологии используют для доступа к вебкам-сайтам несовершеннолетние, легко проходят проверку на возраст, становясь активными пользователями вебкам-материалов. Особая опасность заключается не только в потреблении деструктивного контента лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста, но и использование несовершеннолетних в качестве вебкам-моделей. Чаще всего вебкам-моделями являются молодые девушки, при этом скрывается, что некоторые из них не достигли 18-ти лет. Быстрый и легкий заработок – вот что привлекает девушек, попавших в вебкам-индустрию, многие из которых думают, что выйти из нее легко, однако, риски стать жертвой шантажа и вымогательства со стороны владельцев вебкам-студий являются значительными.

Вебкам-индустрия была очень острой проблемой в законодательстве Российской Федерации, так как трансляция вебкам-моделей в онлайн формате без материальной фиксации не влекли за собой никакой ответственности. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» [2] в п. 22 конкретизировал квалификацию статей 242 и 242.1 УК РФ. Данные изменения способствовали расширению уголовной ответственности субъектов производства порнографического материалов, совершенные посредством интернет-трансляций с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сеть Интернет.

Вступившие в силу законодательные ограничения вебкам-индустрии, несомненно, способствуют ограничению порнографического контента, но остается ряд неразрешенных проблем в исследуемой сфере. Считаем целесообразным дать толкование таким определениям, как «вебкам», «порнографические материалы», «порнографические предметы», «проституция», «стиминг», «стриминговые сервисы», и определить ответственность лиц, являющихся соучастниками вебкам-деятельности.

Таким образом, развитие информационно-телекоммуникационных технологий имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Одним из негативных элементов развития информационных сетей стал повышающийся рост контента, наносящего вред общественной нравственности. В настоящее время особую популярность имеет вебкам-студии, где женщины и мужчины в прямом эфире за денежное вознаграждение демонстрируют действия порнографического и эротического характера. Расширенное толкование Постановлдения Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» решило некоторые проблемы уголовно-правового характера в рассматриваемой сфере, однако ряд вопросов остается нерешенным, что способствует развитию вебкам-бизнеса.

Список источников

1. Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: ред. от 23 ноября 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет»: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Петербург – столица российского вебкама. Почему? И как устроена эта индустрия? Объясняет совладелец сети студий // Собака.ru: [сайт]. URL: https://www.sobaka.ru/lifestyle/technology/108816 (дата обращения: 03.05.2025).
4. Родивилин И. П., Коломинов В. В. Криминологические риски и проблемы квалификации публичной демонстрации порнографических материалов с использованием сети Интернет // Сибирский юридический Вестник. 2024. № 1(104). С. 84–88.
5. Тепляшин П. В., Данченко А. В., Данилова А. А. Киберпроституция как негативное и развивающееся явление современности // Научный компонент. 2021. № 3(11). С. 26–31.

УДК 343.6

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АВТОТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙСОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920-е – 1950-е ГОДЫ)

***Е. В. Зубенко**, доцент кафедры общеправовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются вопросы привлечения к уголовной ответственности за автотранспортные преступления в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1927 г. Делается вывод о том, что в указанный период происходит формирование начального этапа по поиску норм об уголовной ответственности за автотранспортные преступления и появление несистематизированных норм уголовной ответственности за транспортные (в том числе – автотранспортные преступления).

Ключевые слова: уголовная ответственность, автотранспортные преступления, дорожно-транспортные преступления, автомобиль, правила дорожного движения.

BRINGING TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR MOTOR VEHICLE CRIMES IN THE RSFSR (1920S – 1950S)

***E. V. Zubenko**, associate professor of the Department of General Legal Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

The article discusses the issues of criminal prosecution for motor vehicle crimes in the RSFSR during the period of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the Criminal Code of the RSFSR of 1927. It is concluded that during this period, the initial stage of the search for norms on criminal liability for motor vehicle crimes and the emergence of unsystematic norms of criminal liability for transport (including including motor vehicle crimes).

Keywords: criminal liability, motor vehicle crimes, traffic crimes, automobile, traffic rules.

В настоящее время ответственность за преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представлена рядом норм, содержащихся в главе 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1–264.3 УК РФ), недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (ст. 266 УК РФ), действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ). При этом, законодателем предпринимаются определенные действия, направленные на совершенствование ответственности за указанные преступления. Так, только содержание нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), с момента вступления в законную силу УК РФ (1 января 1997 г.) по настоящее время, претерпела порядка десяти более или менее существенных изменений и редакций, что свидетельствует о продолжающемся поиске нахождения оптимальной степени юридической ответственности за подобные противоправные деяния.

В этой связи вызывают интерес те исследования, которые направлены на анализ в исторической перспективе становления и совершенствования ответственности за те или иные преступления, благодаря чему можно прогнозировать будущие пути возможных изменений законодательства. В рамках настоящей статьи предлагаем рассмотреть вопрос о появлении уголовной ответственности за автотранспортные преступления (в настоящее время – дорожно-транспортные преступления) в РСФСР с момента принятия первого УК РСФСР 1922 г. до УК РСФСР 1960 г.

В уголовном законодательстве РСФСР 1922 г. упоминаний об ответственности за рассматриваемые преступления не было. Имелись только общие нормы, предусматривающие наказание за деяния, совершенные по неосторожности: убийство по неосторожности (ч. 2 ст. 147) «Если неосторожное убийство явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности» и неосторожное телесное повреждение (ч. 2 ст. 154). Кроме того, в главе второй «Должностные (служебные) преступления» законодатель выделял ответственность по ст. 107 «Бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом действий, которые он по обязанности своей службы должен был выполнить» и по ст. 108 «Халатное отношение к службе, т. е. невнимательное и небрежное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой

волокиту, медленность в производстве дел, беспорядочность в делопроизводстве и отчетности и иные упущения по службе», по которым правоприменитель мог квалифицировать деяния водителей организаций и учреждений, совершивших автотранспортные аварии. При этом, в отличие от автотранспортных преступлений, предусматривалась отдельная ответственность за «неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения» по ст. 218. Такая вариативность квалификации по сути дела одного вида преступлений может быть обоснована отсутствием на тот момент времени сложившейся практики, а также возможности применения аналогии закона, которая была установлена в ст. 10 данного кодекса: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса» [6]. Однако в нормах об ответственности за должностные преступления не были конкретизированы криминальные последствия, в отличие от преступлений против жизни и здоровья, что вызывало вопросы об обоснованности вменения определенного должностного преступления тому или иному лицу.

Во вновь принятом с 1 января 1927 г. УК РСФСР ситуация с рассматриваемыми нами преступлениями осталась на прежнем уровне [7]. В нем, также как и в УК РСФСР 1922 г. не было специальных норм, устанавливающих ответственность за автотранспортные преступления. Существовали нормы об ответственности за «убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны» (ст. 139), «неосторожное телесное повреждение, если оно явилось последствием сознательного несоблюдения правил предосторожности, установленных законом или распоряжениями власти» (ст. 145) и «бездействие власти» (ст. 111).

И только 25 июня 1929 г. постановлением ВЦИК и СНК вносится дополнение в УК РСФСР в виде статьи 75_1, где предусматривается ответственность за нарушение правил в том числе и безопасности движения, если нарушение повлекло за собой тяжелые последствия». В 1931 г. в УК РСФСР вводится ответственность по ст. 59_3в, за нарушение работниками транспорта правил движения, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути и т. п., если это нарушение повлекло или могло повлечь определенные неблагоприятные последствия. Если такие преступные действия носили явно злостный характер, то могла быть применена и смертная казнь с конфискацией имущества» [3].

Таким образом, данные нормы, в зависимости от наступивших последствий, позволяли привлекать к уголовной ответственности расширенный перечень работников транспорта, в том числе водителей, управлявших служебными

автомобилями, а также лиц, ответственных за надлежащий ремонт и выпуск транспортных средств для участия в дорожном движении. Однако Пленум Верховного Суда СССР трижды в своих постановлениях по этому поводу давал разъяснения, указывая, что действия работников автотранспорта, повлекшие аварию с человеческими жертвами, следует квалифицировать как служебное преступление по ст. 111 УК РСФСР, если последствиями аварии стали массовые человеческие жертвы, гибель ценного государственного имущества и другие тяжкие последствия, то по ст. 59_3в УК РСФСР [4, с. 47].

Лишь в 1957 г. Верховный Суд СССР четко разъяснил порядок квалификации действий граждан, имевших в собственности или пользовании частные автомобили и совершавших в ходе их управления аварии. Их следовало привлекать к ответственности за неосторожные преступления против жизни и здоровья личности, а также по ст. 75_1 УК РСФСР, в случае наступления иных тяжких последствий [5].

В этой связи профессор А. И. Коробеев и ряд других ученых отмечают, что в уголовном законодательстве до 1960 г. отсутствовали специальные нормы, непосредственно направленные на охрану безопасного функционирования автотранспортных средств [2, с. 25; 4, с. 44–47], а имелись только общие нормы, касающиеся ответственности за транспортные и должностные преступления. Однако, дорожно-транспортные преступления имели место быть, что требовало их раскрытие и расследование, установление виновных лиц. Поэтому, на основании деятельности сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда складывалась соответствующая практика расследования указанных преступлений.

Полагаем, что одной из проблем и сложностью в расследовании автотранспортных преступлений того периода, видится отсутствие упорядоченности и единства нормативных документов о самом дорожном движении. Ведь в ходе расследования необходимо установить, нарушены ли были правила дорожного движения его участником, в чем именно это нарушение состояло и входит ли оно в непосредственную причинную связь с возникшей аварией. Еще 16 сентября 1930 г. в этой связи циркуляром ВКП(б) НКВД РСФСР «О мероприятиях по усилению охраны безопасности уличного движения» предусматривалось усовершенствование имеющихся обязательных постановлений и принятие новых там, где их не имеется [1, с. 12]. Однако единые правила дорожного движения появились только в 1961 г. Более того, у законодателя не было четкого понимания, какие именно последствия аварии, кроме смерти и причинения вреда здоровью человека, должны быть уголовно-наказуемыми. Поэтому о сформированности законодательства об автотранспортных преступлениях было говорить еще рано.

Несмотря на то, что в уголовном законодательстве отсутствовали четкие нормы об ответственности за автотранспортные преступления, это вовсе

не означало, что преступлений фактически не совершалось. Они происходили и, как мы разобрали выше, виновные привлекались к уголовной ответственности по общим нормам должностных преступлений и преступлений против личности.

В дальнейшем в УК РСФСР 1960 г. были введены специальные нормы, предусматривающие ответственность за нарушение правил дорожного движения (статьи 211-213). Впоследствии законодателем вносились изменения и дополнения в формулировки указанных норм с учетом складывающейся практики [8].

Таким образом, определим, что с принятием УК РСФСР 1922 г. – до 1929 г. можно констатировать формирование начального этапа по поиску норм об уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления. С 1929 г. (введение ст. 75_1 УК РСФСР, а затем 59_3в УК РСФСР) – до 1961 г. (нового уголовного законодательства РСФСР 1960 г.) складывается следующий этап по появлению несистематизированных норм уголовной ответственности за транспортные (в том числе – автотранспортные преступления).

Список источников

1. О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. 59_3в: Пост. ВЦИК и СНК от 15 февраля 1931 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391791-o-dopolnenii-ugolovnogo-kodeksa-rsfsr-st-59-3v-post-vtsik-i-snk-ot-15-fevralya-1931-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 22.03.2025).
2. Об изменении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте»: Постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 10 апреля 1957 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 2. 1957.
3. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 01.06.1922. № 80, ст. 153.
4. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 октября 1985 г. № 1524-XI. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Вербина О. Л. История становления деятельности органов по безопасности дорожного движения в отечественном праве // История государства и права. 2014. № 11.
7. Коробеев А. И. Транспортные преступления. М.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
8. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие): дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.

УДК 343.1

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРОБАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

***А. К. Исергепова**, начальник Центра по подготовке специалистов службы пробации Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева;*

***К. Ш. Исергепов**, педагог дополнительного образования КГУ «Детский дворовый клуб отдела образования г. Костаная»*

Настоящая статья посвящена вопросам пробации в отношении несовершеннолетних в Республике Казахстан (РК). Авторы анализируют национальный ювенальный пробационный механизм, реализующий на стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: пробация, несовершеннолетние, ювенальное правосудие, пробационная деятельность, воспитательное воздействие.

ON CERTAIN ASPECTS OF PROBATION ACTIVITIES FOR MINORS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

***A. K. Isergepova**, head of the Center for training probation service specialists at the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev;*

***K. Sh. Isergepov**, teacher of additional education, KSI «Children's yard club of the education department of Kostanay»*

This article is devoted to the issues of probation for minors in the Republic of Kazakhstan. The authors analyze the national juvenile probation mechanism implemented at the stage of criminal proceedings.

Keywords: probation, minors, juvenile justice, approbation activities, educational impact.

Несовершеннолетние лица относятся к особой категории правонарушителей, требующие повышенной защиты их прав и свобод. В соответствии с Минимальными стандартными правилами Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятые Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. (Пекинские правила)

«следует уделять достаточное внимание осуществлению позитивных мер, предполагающих полную мобилизацию всех возможных ресурсов, включая семью, добровольцев и другие группы общества, а также школы и другие общественные институты, с целью содействия благополучию подростка, с тем чтобы сократить необходимость вмешательства со стороны закона, и эффективного, справедливого и гуманного обращения с подростком, находящимся в конфликте с законом» [1].

По мнению казахстанского ученого в области правоведения И. Ш. Борчашвили, в целях правильного решения вопросов о привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности и о назначении ему наказания необходимо выяснять индивидуально-личностные свойства несовершеннолетнего как внушаемость, возбудимость, зависимость, склонность к браваде, лидерству, фантазированию и другие [5, с. 451].

В рамках реализации досудебной пробации на стадии уголовного процесса, сотрудники службы пробации выполняют двухвекторную работу: с одной стороны, предоставляют содействие в социальной поддержке несовершеннолетнего, с другой – осуществляют психосоциальное исследование личности обвиняемого (подозреваемого) для оказания помощи суду в индивидуализации меры наказания, которое поспособствует исправлению несовершеннолетнего лица без особых негативных последствий.

С точки зрения А. Б. Кыстаубаевой, к производству национальной досудебной пробации возникают вопросы. Так, по ее мнению, специалисты пробации, представители следствия или дознания не всегда уведомляют подозреваемых, обвиняемых (в том числе несовершеннолетних) о праве на досудебную пробацию. Поскольку закон не обязывает их этому, лица, подвергшиеся уголовному преследованию, не всегда знают, что им может быть оказана социально-правовая помощь и подготовка досудебного доклада. В этой связи, А. Б. Кыстаубаева предлагает производить досудебную пробацию в отношении всех несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых без учета их добровольного согласия. Также обязать органу, ведущему уголовный процесс, знакомить их с правом о реализации досудебной пробации [6, с. 164].

Мы согласны с тем, что досудебную пробацию в отношении несовершеннолетних необходимо осуществлять в обязательном порядке. Составляемый досудебный доклад содержит сведения, которые следователи или дознаватели не изучают в рамках уголовного дела либо не раскрывают в полной мере. Здесь мы говорим о психологической диагностике, социальном исследование личности несовершеннолетнего правонарушителя, оценке и прогнозированию его возможного криминального поведения и другое.

Тем не менее, второе предложение исследователя видится нам лишним. Поскольку один из принципов уголовного процесса в виде обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту предусматривает обязанность органа,

ведущее уголовное расследование, разъяснение подозреваемому, обвиняемому их права, и обеспечить им возможность защищаться от подозрения, обвинения всеми не запрещенными законом средствами [4]. Таким образом, следователи и дознаватели проводят соответствующую работу по ознакомлению с процессуальными правами. Кроме того, при объявлении о признании лица подозреваемым сотрудник, осуществляющее досудебное расследование, обязан разъяснить лицу, в отношении которого вынесено постановление о признании подозреваемым, права подозреваемого, о чем делается отметка в постановлении, и вручить ему копию этого постановления (ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса РК).

Казахстанская система наказания предусматривает меры, связанные с лишением свободы и без нее. К несовершеннолетним осужденным применяются лишение права заниматься определенной деятельностью, штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, ограничение свободы и лишение свободы (ч. 1 ст. 81 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК).

Наряду с этим суд может назначить к основному виду наказания либо без него принудительные меры воспитательного характера, которые в некоторых случаях могут стать более эффективным методом воздействия, нежели карательный подход с элементами судимости и разного рода учетов.

В Казахстане имеются специальные учреждения, которые направлены на коррекцию поведения несовершеннолетних правонарушителей. Так, в Восточно-Казахстанской области (п. Белоусовка) функционирует специальное учреждение школа-интернат для несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния до достижения ими возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Основаниями содержания несовершеннолетнего в данной организации образования с особым режимом содержания являются постановление или приговор суда. Кроме того, несовершеннолетние, нуждающиеся в особых условиях воспитания, направляются в школу-интернат (г. Тараз). В этом учреждение проводится комплекс мероприятий по коррекции поведения подростков. Сроки пребывания в данных учреждениях составляют от шести месяцев до двух лет по определению суда.

Пребывание в названных организациях может быть прекращено досрочно в связи с достижением лицом совершеннолетия, а также, если суд на основании заключения специализированного государственного органа, придет к выводу, что несовершеннолетний не нуждается в дальнейшем применении меры в виде помещения в организацию образования с особым режимом содержания (ч. 5 ст. 85 УК РК) [2].

В рамках приговорной пробации к несовершеннолетним лицам устанавливается пробационный контроль в период отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы и условного осуждения. Согласно ст. 84 УК РК в число мер воспитательного воздействия входит пробационный

контроль [2]. Следовательно, пробационный контроль как принудительная мера имеет характерную особенность, выражающуюся в том, что суд имеет полномочия назначить его в качестве меры воспитательного воздействия либо неотъемлемой части приговорной пробации.

В соответствии со ст. 19 Закона Республики Казахстан «О пробации» полномочия субъектов, осуществляющих пробационный контроль в отношении несовершеннолетних, разделены. Служба пробации осуществляет пробационный контроль в отношении несовершеннолетнего:

1) осужденного к наказанию в виде ограничения свободы;

2) осужденного условно.

Полиция осуществляет пробационный контроль в отношении несовершеннолетнего:

1) условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания в виде лишения свободы;

2) в отношении которого судом назначена принудительная мера воспитательного воздействия, установленная п. 4) ч. 1 ст. 84 УК РК (ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего) [3].

Несмотря на то, что действующая система пробации не выделяет в отдельную модель в виде ювенальной пробации, как например, в Республике Молдова, тем не менее, положение несовершеннолетних правонарушителей учтено в ходе осуществления имеющихся видов пробации. Кроме того, отдельно выделенные нормы, касающиеся вопросов несовершеннолетних, в национальном Законе «О пробации» свидетельствуют об исключительном отношении государства и общества к рассматриваемой категории правонарушителей.

Основными функциями сотрудников службы пробации в деятельности с несовершеннолетними осужденными являются:

«1) осуществление индивидуальной профилактики по предупреждению преступлений и иных правонарушений со стороны несовершеннолетних;

2) обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

3) проведение работы по формированию законопослушного поведения несовершеннолетних;

4) в целях профилактики правонарушений и предупреждения преступлений с их стороны взаимодействие с государственными органами, общественными объединениями и организациями по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних» [3].

В процессе своей деятельности сотрудники службы пробации находятся в тесном взаимодействии с сотрудниками полиции, в частности участковыми инспекторами полиции по делам несовершеннолетних, представителями органов опеки и попечительства, администрацией школы и неправительственными организациями.

Важным направлением в модернизации страны является внедрение новых современных форматов работы с населением, а также кардинальное изменение критериев оценки полиции. В сознании граждан должно укрепиться, что полицейский не карает, а помогает в трудной ситуации. К такому методу работы можно отнести пробационную деятельность, которая содержит в себе разносторонние элементы, устремленные на достижение единственной цели. В конечном итоге, целью пробации является исправление правонарушителей и предупреждение совершения новых уголовных правонарушений, в контексте настоящей статьи, объективированные в сторону несовершеннолетних.

Список источников

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Конвенции и соглашения: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 12.03.2025).
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 24.02.2025).
3. О пробации: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038 (дата обращения: 24.02.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК // Юрист: [сайт]. URL: http://online.zakon.kz (дата обращения: 04.02.2025).
5. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая часть (том 1) / под общ. ред. А. К. Даулбаева. Алматы: ЖетіЖарғы, 2015. 504 с.
6. Кыстаубаева А. Б. Тенденции развития норм о пробации в отношении несовершеннолетних в Республике Казахстан // Наука и жизнь Казахстана. № 6 (50). 2017. С. 162–166.

УДК 343.541.1

ТО, О ЧЕМ НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ (СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ)

***А. Ю. Калашникова**, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И .Ф. Шилова*

Статья посвящена исследованию явления – киберсексторшн, представляющий собой принуждение к передаче материалов сексуального характера в сети Интернет. Рассмотрены способы, которыми часто осуществляется рассматриваемое противоправное деяние. Также в статье представлены конкретные рекомендации по борьбе с данным явлением.

Ключевые слова: сексторшн, информационное пространство, понуждение, сексуальное насилие.

THINGS THAT ARE NOT COMMONLY TALKED ABOUT OR SEXUAL VIOLENCE ON THE INTERNET

***A. Y. Kalashnikova**, lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article is devoted to the study of the phenomenon of cybersextortion, which is coercion to transfer sexual materials on the Internet. The ways in which the illegal act in question is often carried out are considered. The article also provides specific recommendations for combating this phenomenon.

Keywords: sextortion, information space, coercion, sexual violence.

Сексторшн представляет собой злоупотребление властью с целью получения «сексуальной выгоды» или неких преимуществ, связанных с ней. Данная концепция является относительно новой. Впервые ее сформулировала Международная ассоциация женщин-судей (IAWJ) в 2008 г. [3].

Сексторшн распространен в различных сферах жизни: учебной, профессиональной, служебной. Существует и такой вид, как киберсексторшн, имеющий свои отличительные особенности.

Сексторшн в информационном пространстве – кибервымогательство, онлайн-атака на онлайн системы жертв, например, с помощью программ-вымогателей, при которой человек или группа людей требуют изображения сексуального характера, сексуальные услуги в обмен на прекращение атаки.

Сексторшн в информационном пространстве может происходить различными способами, основными из них являются следующие [5].

1. Схемы фишинга электронной почты.

На почтовый ящик приходит электронное письмо, в котором указывается, что у отправителя есть один из ваших паролей. Они угрожают опубликовать ваши данные, если вы не отправите откровенные материалы или не совершите сексуальные действия. Такой вид мошенничества основан на сборе распространенных паролей, которые используют многие пользователи, поэтому часто такой способ является блефом.

2. Социальные сети.

Такие мошеннические действия начинаются с, казалось бы, безобидного общения в социальных сетях или на сайтах знакомств. В конечном итоге такое общение приводит к тому, что преступник принуждает жертву к отправке откровенных изображений, раздеванию или совершению сексуальных действий на камеру. Полученные изображения и видео затем могут быть использованы для шантажа.

3. Взломанные аккаунты.

Отправленные когда-либо откровенные изображения или видео через социальные сети или чат-приложения или хранение их на одной из этих платформ могут привести к тому, что преступник завладеет ими, взломав аккаунт.

4. Взломанные веб-камеры.

Некоторые случаи сексторшн связаны с загрузкой вредоносного программного обеспечения на устройство жертвы. Оказавшись там, хакер может получить контроль над камерами и микрофонами и установить кейлоггеры. А с помощью клавиатурных шпионов они могут узнать пароли для ваших учетных записей.

Развивающиеся формы цифрового насилия могут нанести значительный вред жертвам. Стены анонимности в интернет-пространстве слишком часто защищают и побуждают тех, кто совершает преступления, усугубляя последствия и препятствуя правосудию.

В некоторых случаях первый контакт со стороны преступника начинается с угрозы. Злоумышленник может заявить, что у него уже есть фотография или видео, которыми он поделится, если человек не пришлет больше фотографий. Однако чаще это преступление начинается, когда молодые люди полагают, что они общаются с кем-то своего возраста, кто заинтересован в общении. Взрослый может использовать угрозы, подарки, деньги, лесть, ложь или другие методы, чтобы заставить отправить интимные изображения.

После того, как у преступника есть одно или несколько видео или фотографий, они используют угрозу публикации этого контента, чтобы заставить жертву сделать больше изображений [5].

Такую схему мошенничества используют достаточно часто.

Так, в 2010 г. в США, штат Калифорния, Луис Михангос признан виновным по делу о компьютерном взломе и прослушивании телефонных разговоров, в котором участвовали сотни женщин, в том числе десятки несовершеннолетних. Он создал свою собственную вредоносную программу, которую жертвы неосознанно загружали, предоставляя ему контроль над своими компьютерами. Михангос записывал видео, на которых его жертвы раздеваются, принимают душ и занимаются сексом, и угрожал поделиться видео, если они не отправят ему больше порнографических изображений и видео [4].

Также Лукас Майкл Чанслер, который терроризировал почти 350 девушек из США, Канады и Великобритании. Он выдавал себя за разных мальчиков-подростков и убеждал девочек присылать обнаженные изображения. Лукас угрожал поделиться этими изображениями с друзьями девушек, если они не отправят больше.

Антон Мартыненко повлиял на жизни более 150 мальчиков в США. Он охотился на молодых спортсменов-мужчин, выдавая себя за привлекательных женщин в социальных сетях и убеждая своих жертв отправлять обнаженные изображения. Затем угрожал опубликовать изображения в Интернете, если они не отправят больше, а в некоторых случаях пытался заставить мальчиков вступать с ним в половые акты [2].

Стоит отметить, что в России сексторшн в сфере трудовых, служебных, учебных и других личных отношений криминализован в ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера».

Действия, происходящие в информационном пространстве, квалифицируются по ст. 137 УК РФ: «Незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

В случае если злоумышленник для получения личных данных незаконно проник (взломал) компьютер или аккаунт социальной сети, то он признается виновным по ст. 137 УК РФ, а также ст. 138 УК РФ: «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан» [1].

Явление «сексторшн» достаточно распространено как в России, так и в других странах, однако существует много препятствий для успешного судебного преследования. Одной из таких проблем является отсутствие информации

о сексторшн и о том, как сообщить о данном явлении. Его жертвы часто не осознают, что такое поведение наказуемо, жертвы считают, что, если они сами дали согласие, то преступления не было.

Для жертв сексуального насилия стыд и страх стигматизации, связанные с сексуальными преступлениями, усугубляют трудности с обращением в правоохранительные органы. Когда женщина или девочка (в некоторых случаях мальчик или мужчина) попадаются на мошеннические схемы, они испытывают тот же стыд, что и жертвы изнасилования и других видов сексуального насилия, и они могут опасаться, что раскрытие того, что произошло, повлечет за собой ту же социальную стигматизацию.

Прежде всего, недостаточная осведомленность о сексторшн заставляет жертв умалчивать и не дает им обратиться за правовой помощью, а также способствует формированию культуры безнаказанности преступников. Единственным решением является изменение культуры восприятия общества, в котором живут жертва и преступник. Способ изменить восприятие лежит через диалог – открытый диалог о существовании и распространенности не только о таком явлении как сексторшн, но и других формах сексуального насилия.

Сексторшн, доксинг, киберпреследование – все это представляет собой новый круг проблем для правоохранительных органов, судов и потерпевших.

Сексторшн в информационном пространстве представляет собой вымогательство материалов сексуального характера, но он может принимать различные формы, в зависимости от сферы совершения преступления.

Это преступление вызывает растущую озабоченность во многих странах и затрагивает широкий круг лиц, включая несовершеннолетних. Помимо психологического, а иногда и физического вреда, который он наносит, основной проблемой этого преступления является то, что о многих случаях не сообщается из-за стеснения и страха стигматизации. Система уголовного правосудия изо всех сил пыталась выявлять и реагировать на эти электронные формы преступлений, добывать и представлять цифровые доказательства, необходимые для судебного преследования.

Таким образом, среди наиболее приоритетных направлений борьбы с сексторшн в информационном пространстве являются следующие.

1. Просвещение общественности – необходимость просвещения детей и родителей о согласии, а также о рисках и последствиях обмена информацией в интернете.

2. Осведомленность среди практиков уголовного правосудия – необходимость в способах информирования правоохранительных органов о способах совершения и тактики расследования случаев мошенничества в информационном пространстве.

3. Совершенствование подготовки сотрудников территориальных органов – необходимость специализированной подготовки для опроса жертв в деликатных или травмирующих ситуациях.

В значительной степени общественность и органы уголовного правосудия недостаточно осведомлены о преступлениях, связанных с информационными технологиями, и их последствиях. Даже потерпевшие часто не осознают причиненный им вред. Кроме того, такие случаи с использованием информационных технологий могут быть сложными для расследования и судебного преследования из-за их анонимного характера и того факта, что законы часто не успевают за новыми возникающими способами совершения преступлений.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. His massive 'sextortion' scheme snared 155 boys // Special Agent Discusses Sextortion case. 2016. URL: https://www.fbi.gov/video-repository/newss-special-agent-discusses-sextortion-case/view (дата обращения: 20.04.2025).
3. Shelby Dolch, Sextortion: The Impact on Judging and Courts // International Assotiationof WomenJudges. 2023. URL: https://www.iawj.org/sextortion-impact-on-judging-and-courts-asean (дата обращения: 21.04.2025).
4. The Hacker is Watching by David Kushner // Online magazine GQ. 2016. URL: https://www.gq.com/story/luis-mijangos-hacker-webcam-virus-internet (дата обращения: 20.04.2025).
5. What Kids and Teens Need to Know About Sextortion // FBI Federal Bureau of investigation. 2019. URL: https://www.ourrescue.org/blog/fbi-launches-sextortion-awareness-campaign-in-schools (дата обращения: 21.04.2025).

УДК 343.3.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ФИНАНСОВЫМ ПИРАМИДАМ»: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

***Н. А. Карпенко**, доцент кафедры уголовного права и процесса Дальневосточного «Всероссийского государственного университета юстиции» в г. Хабаровске, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются вопросы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности, в частности создание финансовых пирамид. Делается акцент на возникающие в практической деятельности противоречия по квалификации статьи 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как данные деяния часто квалифицируются как мошеннические действия, соответственно предлагается внести изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, мошенничество, противодействие, привлечение денежных средств, нелегальная деятельность, банк.

COUNTERACTION TO "FINANCIAL PYRAMIDS": PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

***N. A. Karpenko**, associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Far Eastern "All-Russian State University of Justice" in Khabarovsk, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article examines the issues of combating crimes in the sphere of economic activity, in particular the creation of financial pyramids. The emphasis is placed on the contradictions arising in practical activities on the qualification of Art. 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, since these acts are often qualified as fraudulent actions, accordingly, it is proposed to amend the current legislation.

Keywords: financial pyramids, fraud, counteraction, raising funds, illegal activity, bank.

Преступления в сфере экономической деятельности набирают обороты в современной России, увеличивая количество латентных преступлений в данной сфере. В связи с массовым переходом нелегальных услуг в онлайн, активно развиваются и внедряются всевозможные схемы незаконных финансовых операций, уклонения от уплаты налогов, легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, а также иных преступлений, связанных с финансовым мошенничеством, что подрывает экономическую безопасность России [3].

На сегодня в сети «Инстаграм» зарегистрировано более 42 260 000 российских пользователей, 50 % из них зарабатывают благодаря этой системе. Они рекламировали свою деятельность через блогеров, размещали ролики на популярных видеохостингах и т. д. Многие подобные проекты предлагали клиентам вложения в криптовалюты. В 2024 г. Банк России выявил 9 027 субъектов (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей и других) с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид. Более 45 % финансовых пирамид, выявленных Банком России, действовали в интернете. Количество субъектов с признаками нелегальной деятельности выросло по сравнению с предыдущим годом почти в 1,6 раз, из которых более 5 тыс. финансовых пирамид, почти 2 тыс. нелегальных профучастников рынка ценных бумаг и 1,5 тыс. черных кредиторов [7].

Анализ данных четко показывает, что создание и существование финансовых пирамид составляет более половины от общего количества незаконных субъектов и с прошлого года количество финансовых пирамид практически увеличилось в 2 раза, что говорит об актуальности данной темы. Многие пирамиды и псевдоброкеры убеждают людей вкладываться в криптопроекты и выгодную покупку акций. Чаще всего мошенники привлекают клиентов через социальные сети и персональные консультации в телеграм-каналах, но стали возвращаться и схемы с холодными обзвонами.

Существуют различные виды и модификации финансовых пирамид, особенно с развитием интернета появились новые возможности для распространения мошеннических схем, онлайн-пирамиды, но самое важное, они имеют определенные подозрительные признаки: отсутствие лицензии Банка России, на осуществление финансовой деятельности, наличие которой можно найти в реестрах на сайте Банк России; высокий и нереалистичный размер предполагаемой прибыли, который составляет 20–30 % в месяц (240 %–360 % годовых), что превышает ставки, установленные Банком России; существование за счет привлечения средств новых инвесторов; активная рекламная компания в СМИ, социальных сетях; непродолжительный срок существования компании; возможна регистрация организации в офшорной юрисдикции; нахождение компании в списке недобросовестных организаций

на сайте Банка России, где регулярно обновляются списки организаций, у которых обнаружены признаки наличия финансовой пирамиды или другой нелегальной деятельности на рынке и наличие у организаторов криминального прошлого.

Следует подчеркнуть, что норма ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), введенная в 2016 г., предусматривающая ответственность за такой вид мошенничества, как «финансовая пирамида», а именно «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» [2], является уже не новой, но имеющая неоднозначную сложившуюся практику применения правоохранительными и судебными органами. Само определение пирамиды дано прямо в диспозиции: «организация деятельности по привлечению денежных средств и другого имущества физических и юридических лиц, при которой выплата дохода тем, чьи денежные средства или имущество привлечены ранее, осуществляется за счет привлеченных денежных средств и имущества иных лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств, в объемах, сопоставимых с объемами привлеченных денежных средств» [1].

Определение не совсем удачное и порождает проблемы с применением данной нормы на практике. В данном определении уже записано само понятие финансовой пирамиды. Как показывает судебно-следственная практика случаи привлечения к ответственности по ст. 172. УК РФ единичны. Согласно данным Судебной статистики РФ по уголовному судопроизводству, по ст. 172.2 УК РФ в 2023 г. осуждено 3 человека к условной мере наказания, в 2022 г.– 6 человек к условной мере наказания, в 2021 г. – 0 чел. [9].

Следует отменить, что в основном создателей пирамид привлекают к ответственности за мошенничество (материальный состав). Кроме того, анализ примеров судебной практики показывает, что статья 172.2. УК РФ позволяет «организаторам финансовых пирамид», обвиняемым в совершении квалифицированного мошенничества, перейти к более мягкому наказанию в рамках санкции новой статьи путем избрания соответствующей линии защиты.

Так, в 2023 г. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела дело на апелляционную жалобу осужденных гр. Б, гр. М. на изменение квалификации со ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ на ст. 172.2. УК РФ. В жалобе указано на неправильность применения закона, действия осужденных необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 172.2 УК РФ, так как они полностью выполнили свои финансовые обязательства по выплате потерпевшим процентов от использованной суммы займа. Однако в ходе рассмотрения суд детально изучил обстоятельства дела, установив, что каждый потерпевший передавал денежные средства в заем полагая, что они инвестируют их в успешный и легальный бизнес осужденных и в дальнейшем должны получить проценты от прибыли.

Факт добровольной передачи потерпевшими денежных средств по договору займа не является основанием для освобождения осужденных от уголовной ответственности, поскольку, как установлено судом, каждый потерпевший передавал денежные средства под влиянием обмана, полагая, что они инвестируют их в успешный и легальный бизнес осужденных. Фактически потерпевшие денежные средства не получили, поэтому суд оставил квалификацию прежней [5].

Кроме того, в судебной практике встречались случаи обращения адвокатов с ходатайством в суды для переквалификации деяний со ст. 159 УК РФ на ст. 172.2 УК РФ, после ее внесения в УК РФ. Так, в 2015 г. гр. Л. осужден за совершение 17 преступлений, предусмотренных ст. 159 ч. 4 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы. Адвокат в интересах осужденного Л. обратился с ходатайством об освобождении от наказания в силу ст. 10 УК РФ вследствие издания закона, имеющего обратную силу и переквалифицировать действия на ст. 172.2 УК РФ, освободив гр. Л. от наказания. Доводы строились на том, что ст. 172.2 УК РФ является самостоятельным формальным составом преступления, корыстные цели и мотивы не являются обязательными для привлечения лица по данной статье и преступное деяние по созданию финансовых пирамид не является мошенничеством.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства, сравнив диспозиции ст. 159 ч. 4 УК РФ (в редакции Федерального закона от 07.03.2011 № 26-ФЗ) и ст. 172.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 30.03.2016 № 78-ФЗ), обоснованно указал, что действия гр. Л, осужденного по ст. 159 УК РФ, совершенного организованной группой с причинением значительного ущерба гражданину, не подлежат квалификации по ст. 172.2 УК РФ, так как имеют иной объект преступного посягательства и иной умысел [6].

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют правовую позицию, которой придерживаются суды при разграничении конкурирующих, на первый взгляд, уголовных запретов: мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Главным критерием квалификации является умысел виновного лица, в случае если умысел в момент получения вкладов был направлен на совершение хищения привлеченных денежных средств и (или) иного имущества путем обмана или злоупотребления доверием, то имеет место преступление против собственности. Кроме того, при квалификации деяния по ст. 172.2 УК РФ цель обуславливается созданием масштабной организации, которая сама будет взаимозависима за счет привлекаемых денежных массивов вкладчиков.

Справедливо отмечает В. И. Гладких, криминализация ст. 172.2 УК РФ является не только излишней, но и «вредной», поскольку это приводит к ошибкам судебно-следственной практики, а также назначению наказания, не соответствующего общественной опасности содеянного [8, с. 190].

Кроме того, квалификация данных норм связана со сложностью доказывания умысла преступления, так как он не должен быть корыстным. Но ведь создание любой организации по привлечению денежных средств либо имущества граждан, для получения прибыли за счет последующих вкладов, как и любая финансовая пирамида, в своем создании заранее уже имеет корыстную цель. Учитывая, что на этом виде мошенничества обожглось уже достаточно много доверчивых людей, подобные схемы продолжают «работать».

Несомненно, советующими компетентными органами проводится целенаправленная работа по противодействию данным преступлениям: проводится разъяснительная работа о формах и видах организаций, с признаками финансовых пирамид, работают информационно-просветительские ресурсы, организуются конференции, курсы по финансовой грамотности, при выявлении признаков сотрудниками Банка России ограничивается доступ в ресурсы сети Интернет, направляются материалы в правоохранительные органы, Федеральную антимонопольную службу РФ и др. [4].

Но все же граждане продолжают терять заработанные средства. На это существует много причин, основные напрямую связаны со специфическим менталитетом и недостаточной финансовой грамотностью самих потерпевших, желанием получить высокие и быстрые доходы, а также подготовленность организованных преступных групп, в том числе умение маскировать свои преступные действия в информационном пространстве. Целесообразно принять запрет на создание финансовых пирамид в отраслевом законодательстве. Противоправная деятельность лиц, которые создают организации и осуществляют свою деятельность по привлечению денежных средств граждан, обещая превысить их доход, получить прибыль, формально имеет корыстный умысел, так как действия лица уже подразумевают желание получить личные выгоды за счет других, что соответствует признакам «финансовой пирамиды» и должно расценивается как мошенничество (ст. 159 УК РФ).

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.03.2016 № 78-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 13.05.2017 № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Аналитика. Противодействие недобросовестным практикам участников рынка // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 21.03.2025).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 июля 2024 г. № 10-13785/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/41fc207f-fd00-413c-abb2-777249746ac1 (дата обращения: 21.03.2025).
6. Апелляционное проставление городского Московского суда от 31 октября 2016 г. № №10-17120/16 коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 июля 2024 № 10-13785/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/530b55cc-4745-4b0e-9c15-acd9d02cb626 (дата обращения: 10.03.2025).
7. Вестник Банка России № 15 (2546) от 19.03.2025 // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 10.03.2025).
8. Гладких В. И. К вопросу об обоснованности криминализации организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ) // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. 2018. 190 с.
9. Судебная статистика Российской Федерации. URL: stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 21.03.2025).

УДК 343.13

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ОКАЗАНИЯ СОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЮ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

***М. Р. Каршиев**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются и анализируются актуальные вопросы оказания содействия следователю при расследовании преступлений со ссылкой на статьи УПК РФ, в которых законодателем отражено содействие следователю как форма процессуальной деятельности, позволяющей вовлекать в ходе расследования преступлений широкий круг граждан и должностных лиц для решения задач уголовного судопроизводства. Помимо этого, автором рассмотрены порядок оказания содействия следователю при собирании доказательств по уголовным делам, при применении мер уголовно-процессуального принуждения, с участием в уголовном процессе несовершеннолетних и лиц, страдающих душевным расстройством, лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Ключевые слова: следователь, содействие, орган дознания, собирание доказательств, меры уголовно-процессуального принуждения, несовершеннолетнее лицо, лицо, страдающее душевным расстройством, досудебное соглашение о сотрудничестве.

MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION, PROVIDING ASSISTANCE TO THE INVESTIGATOR IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

***M. R. Karshiev**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In this article, the author examines and analyzes current issues of assisting the investigator in investigating crimes with reference to articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in which the legislator reflects assistance to the investigator as a form of procedural activity that allows involving a wide range of citizens and officials in the course

of investigating crimes to solve the problems of criminal proceedings. In addition, the author examines the procedure for assisting the investigator in collecting evidence in criminal cases, in the application of measures of criminal procedural coercion, with the participation in criminal proceedings of minors and persons suffering from mental disorder, a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded.

Keywords: investigator, assistance, inquiry agency, collecting evidence, measures of criminal procedural coercion, minor, person suffering from mental disorder, pre-trial cooperation agreement.

Современное уголовное судопроизводство характеризуется неуклонным расширением масштабов и сложности расследуемых дел, обусловленных как внутренними социально-экономическими преобразованиями, так и внешними политико-правовыми факторами. В условиях эскалации преступной активности, особенно в сферах, сопряженных с высокотехнологичными и транснациональными преступлениями, усиливается потребность в совершенствовании процессуального инструментария следователя. Одной из ключевых гарантий достижения целей предварительного расследования становится правовое и организационное содействие, оказываемое следователю на различных этапах производства по уголовному делу.

Система уголовного судопроизводства, основанная на публично-правовой природе уголовного преследования, не может эффективно функционировать без четко регламентированных механизмов координации усилий между субъектами, вовлеченными в процессуальные правоотношения. В условиях нарастания многоаспектных угроз правопорядку, содействие следователю приобретает не факультативный, а обязательный характер. Его реализация призвана обеспечить полноту, объективность и своевременность расследования, гарантировать неотвратимость уголовной ответственности, восстановление нарушенных прав и интересов потерпевших, а также недопущение затягивания сроков досудебного производства.

Несмотря на определенные шаги в направлении нормативного закрепления форм взаимодействия, действующее уголовно-процессуальное законодательство по-прежнему не лишено недостатков в части регламентации содействия следователю. Законоположение, содержащееся в п. 4 ч. 2 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], не раскрывает всех правовых и организационно-практических аспектов взаимодействия следователя с субъектами, наделенными полномочиями оказывать содействие в рамках досудебного производства. Между тем, в реальном правоприменении такое содействие охватывает широкий спектр действий – от участия в следственных и иных процессуальных действий, и реализации мер принуждения до обеспечения процессуального контроля, и логистической поддержки.

В этой связи целесообразно дифференцировать основные формы оказания содействия следователю:

1) содействие при собирании доказательств по уголовным делам посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий. Такие действия, как правило, осуществляются по письменному поручению следователя сотрудниками оперативных подразделений, наделенными соответствующими полномочиями;

2) содействие при применении мер уголовно-процессуального принуждения: исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, обязательства о явке, временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество, подписки о невыезде и надлежащем поведении и иных. Здесь участие органов дознания, органов принудительного исполнения и иных правоохранительных органов становится решающим фактором в обеспечении надлежащего исполнения решений следователя;

3) содействие следователю при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а также лиц, страдающих психическими расстройствами [3, с. 122–126]. Участие этих категорий лиц требует повышенного уровня правовых гарантий. В таких случаях содействие осуществляется педагогами, психологами, законными представителями, экспертами и специалистами в области психиатрии. Назначение и производство судебных экспертиз по психическому состоянию обвиняемого, предусмотренное ст. 196 УПК РФ, становится обязательным элементом процессуального инструментария при наличии сомнений в способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий [6, с. 16–17]. Особенности производства по таким категориям дел состоят в повышенном уровне правовых гарантий данных лиц, нормативно установленном специальном (особом) предмете доказывания, обязательного использования специальных познаний. Так, например, статьи 421, 434 УПК РФ устанавливают особый предмет доказывания, статья 196 УПК РФ определяет случаи обязательного назначения судебных экспертиз, и подобная форма взаимодействия требует высокоорганизованного подхода, позволяющего обеспечить всестороннюю защиту прав процессуально уязвимых категорий. Следователь уполномочен привлекать специалистов к производству следственных действий, когда речь идет о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних или в отношении лиц с признаками невменяемости;

4) содействие следователю в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве со стороны лиц, с которыми заключено данное соглашение. Так, согласно ст. 317[1] УПК РФ, такие участники уголовного процесса обязуются предпринимать действия в целях установления истины, разоблачения соучастников, розыска похищенного имущества и содействия в иных аспектах расследования.

Отметим, что оперативно-разыскное содействие является наиболее развитой и востребованной формой взаимодействия, правовую основу которой помимо норм УПК РФ составляют положения Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Следователь вправе поручить органу дознания проведение оперативно-разыскных мероприятий, а также привлекать его сотрудников к обеспечению следственных действий. Однако, как показывает правоприменительная практика, размытость границ полномочий между следователем и органом дознания нередко ведет к конфликту компетенций, дублированию функций и снижению общей эффективности уголовного преследования [4, с. 39–45]. Как заслуженно акцентирует внимание исследователь уголовно-процессуальной сферы И. В. Ларичева, «участие оперативных работников в проведении следственных действий в большей степени призвано придать им четко ориентированный, целенаправленный характер с выбором соответствующих тактических приемов, диктуемых имеющейся оперативно-розыскной информацией, представленной следователю оперативным сотрудником» [5, с. 163].

Особую значимость приобретает содействие следователю при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Взаимодействие следователя со сведущими лицами в рамках данной формы содействия предполагает ограничение прав и свобод личности, требует не только правомерного и обоснованного применения, но и надлежащего исполнения. В этом контексте содействие следователю включает в себя обеспечение исполнения решений, мониторинг соблюдения предписанных ограничений, сбор информации о возможных нарушениях и документирование фактов их наступления.

Кроме того, важным направлением содействия следователю является обеспечение реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Следователь, как центральная фигура досудебного производства, обязан принимать меры к рациональному и своевременному проведению следственных действий. Однако выполнение требований ст. 6^1 УПК РФ невозможно без участия иных субъектов – органов дознания, оперативных подразделений, экспертных учреждений, органов местного самоуправления, социальных служб и иных. Как обоснованно обращает внимание в уголовно-процессуальной науке И. Н. Нуриев, «их скоординированные и согласованные действия, направленные на минимизацию бюрократизма, неэффективной логистики и информационных затруднений, способствуют ускорению производства по делу, снижению процессуальных издержек и повышению качества правосудия» [8, с. 87]. Более того, как справедливо отмечает автор, усиленные действия правоохранительных органов, направленные на скорейшее завершение уголовного дела, исключат дальнейшие негативные последствия, возникающие при длительном досудебном производстве [7, с. 87].

Анализ действующего законодательства и его применения в практике свидетельствует о наличии множества пробелов в части определения статуса лиц, оказывающих содействие следователю. Необходимо констатировать нормативную неопределенность в вопросах разграничения их процессуальных полномочий, границ допустимого вмешательства в ход расследования, объема ответственности за ненадлежащее исполнение поручений следователя. Отсутствие формализованных алгоритмов взаимодействия снижает уровень институциональной согласованности, порождает дефекты правового регулирования, затрудняет контроль за результативностью предпринятых действий.

В условиях, когда каждое третье преступление в России остается нераскрытым, не установлены лица, подлежащие привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого), главным вызовом становится не только эффективность следственной работы, но и обеспеченность следователя средствами реализации своих полномочий. Формы содействия должны быть институционализированы, снабжены необходимыми регламентами, основанными на четком разделении компетенций, процедурной прозрачности и взаимной ответственности участников процесса. Сложившаяся система требует пересмотра подходов к организации следственно-оперативного взаимодействия, создания единого свода методических рекомендаций, утвержденного на межведомственном уровне.

Нельзя не обратить внимание на значение правовой мотивации участников, оказывающих содействие, которые также нуждаются в законодательном оформлении соответствующих механизмов стимулирования добросовестного исполнения поручений следователя, а также мер ответственности за ненадлежащее выполнение или формальный подход. Деятельность по оказанию содействия следователю должна быть юридически значимой, опираться на нормы уголовно-процессуального закона, ведомственные инструкции, акты межведомственного взаимодействия. Единство судебной практики, равно как и единство толкования правовых предписаний должно осуществляться при поддержке высших судебных инстанций в виде формулирования правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации.

Особого внимания требует проблема разграничения процессуальных и организационных форм содействия. В отличие от зафиксированных процессуальных форм в УПК РФ (например, исполнение поручения, участие в следственном действии, осуществление контроля за мерами пресечения), организационные устанавливаются подзаконными актами и формируются на основе практики ведомственного управления. Однако именно от организационных форм зачастую зависит эффективность практической реализации следственных решений, особенно при расследовании уголовных дел, представляющих особую сложность.

Подводя итог, следует отметить, что институциональное оформление содействия следователю в рамках досудебного производства является необходимым

элементом обеспечения устойчивости и результативности уголовного преследования. Повышение эффективности расследования невозможно без системного подхода к регламентации всех форм взаимодействия, создания правовых условий для четкого распределения обязанностей и внедрения механизмов контроля за реализацией поручений следователя. Только в этом случае можно рассчитывать на обеспечение целей уголовного судопроизводства, включая своевременное установление истины, справедливое наказание виновных, защиту прав личности и восстановление общественного правопорядка.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2001. № 241–242. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 августа. № 160. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Брыляков С. П., Пупышева Л. А. Особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96). С. 122–126.
4. Зимин Р. В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 39–45.
5. Ларичева И. В. Взаимодействие следователя с органами дознания как институт уголовно-процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 163.
6. Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 16–17.
7. Нуриев И. Н. Моральный и имущественный вред как последствие нарушения разумного срока предварительного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3 (14). С. 124–129.
8. Нуриев И. Н. Уголовно-процессуальный механизм осуществления досудебного производства в разумный срок. М.: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

УДК 343.3/.7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПОЛУЧЕНИЯ МИКРОЗАЙМОВ

***А. К. Клименко**, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***А. А. Кузакова**, следователь следственного отдела отдела полиции № 7 УМВД России по городу Хабаровску*

Широкое распространение микрозаймов, благодаря их удобству и простоте получения денег без длительных процедур, взяли на вооружение и лица, желающие обойти закон, предоставляя заведомо ложные, недостоверные сведения в микрофинансовые организации. Анализ судебной и следственной практики показывает, что в настоящее время существуют проблемы в квалификации преступных посягательств, связанных с хищением денежных средств, полученных в микрозайм. Авторы приходят к выводу, что сложности при квалификации вышеуказанных преступных посягательств связаны с ошибочным толкованием понятия «микрофинансовой организации».

Ключевые слова: микрозайм, микрофинансовая организация, некредитная финансовая организация, банк, кредитная организация, мошенничество.

CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE SPHERE OF OBTAINING MICROLOANS

***A. K. Klimenko**, senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***A. A. Kuzakova**, investigator of the Investigative Department of the P. D. No. 7 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Khabarovsk*

The widespread use of microloans, due to the convenience and ease of obtaining money without lengthy procedures, has also been adopted by individuals wishing to circumvent the law by providing knowingly false, unreliable information to microfinance organizations. An analysis

of judicial and investigative practice shows that there are currently problems in the qualification of criminal offenses related to the theft of funds received as a microloan. The authors conclude that when qualifying the above-mentioned criminal attacks, difficulties arise due to the erroneous understanding of the term «microfinance organization».

Keywords: microloan, microfinance organization, non-credit financial organization, bank, credit organization, fraud.

На сегодняшний день мошенничество является одним из самых наиболее распространенных преступлений. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России только за первые 9 месяцев 2024 г. было официально зарегистрировано более 353 000 преступлений мошеннического характера. Отметим, что в 2023 г. за аналогичный период было совершено 281 000 преступлений, что на 25,6 % меньше текущего показателя. И это только официальная статистика, а сколько еще имеется незаявленных в полицию фактов совершения данных преступлений, ввиду незначительных размеров ущерба и нежелания тратить время на расследование [4].

Учитывая, что мошенничество является высоколатентным преступлением и охватывает почти все сферы нашей повседневной жизни, не являются исключением и сфера кредитования. В частности, получение микрозаймов на короткий срок, в которых возникает срочная необходимость в разных жизненных ситуациях, получили широкое распространение, благодаря удобству и простоте получения денег без длительных процедур, как в банке.

В связи с этим микрофинансовые институты, являющиеся важным элементом финансовой системы, набирают стремительные обороты, и как следствие, существенно возрастает число кредитных и микрофинансовых организаций.

Безусловно, активное получение микрозаймов взяли на вооружение и лица, жаждущие обойти закон, а именно не желающие в последствии возвращать полученные денежные средства. Это неизбежно привело к тому, что указанная сфера стала объектом преступных посягательств, предметом которых чаще всего становились денежные средства, полученные в микрозайм.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что в настоящее время существуют проблемы в квалификации вышеуказанных преступных посягательств. Проблема заключается в разном толковании двух уголовно-правовых норм, а именно ст. 159 и ст. 159.1 УК РФ, и как следствие – к отсутствию единого подхода при квалификации подобных преступлений.

Так, в отделе дознания ОМВД России по Курскому району Ставропольского края возбуждено уголовное дело № *** по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. В ходе предварительного расследования было установлено, что гражданка З. 24 марта и 11 апреля 2022 г. через сеть

Интернет представляла заведомо ложные, недостоверные сведения в ООО Микрокредитную компанию «Каппадокия» и ООО Микрокредитную компанию «КапиталЪ-НТ» при оформлении потребительских займов на сумму 19 000 и 10 000 рублей сроком на 30 дней. При этом гражданка З. не намеревалась их погашать в силу своего материального положения, так как нигде не работала и не имела постоянного, стабильного источника дохода.

По итогам предварительного расследования органом дознания был составлен обвинительный акт в отношении гражданки З. по обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1 УК РФ (мошенничество в сфере кредитования).

Далее мировым судьей судебного участка № 2 Курского района Ставропольского края 28 ноября 2022 г. гражданка З. признана виновной в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. После чего Курским районным судом Ставропольского края 31 января 2023 г. и Пятым кассационным судом общей юрисдикции 22 мая 2023 г. приговор оставлен без изменений.

Полагаем, что подобная практика органов предварительного расследования и судебных органов ошибочна, а в действиях гражданки З. усматриваются признаки двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Подкрепим свою позицию кассационным определением № 19-УД24-12-К5 от 22 мая 2024 г. [3], согласно которому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с решениями вышеуказанных инстанций и судебные решения отменила, уголовное дело было прекращено, в связи с отсутствием в действиях гражданки З. состава преступления, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В обоснование вышеуказанной позиции, во-первых, проясним, что понимается под микрокредитными финансовыми организациями. Для этого обратимся к п. 11 ст. 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1], согласно которому микрофинансовые организации – это такой вид деятельности субъектов финансовых рынков, осуществляющих финансовые операции, но не занимающихся кредитованием граждан, то есть являющиеся некредитными финансовыми организациями. Во-вторых, в диспозиции ст. 159.1 УК РФ речь идет о предоставлении заведомо ложных, недостоверных сведений банку или иному кредитору. Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате») [2] кредитором может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора. Следовательно, микрофинансовая организация, являющаяся некредитной финансовой организацией, указанным правом заключения кредитного договора не обладает.

Таким образом, следует заключить, что сложности при квалификации преступных посягательств, связанных с хищением денежных средств, полученных в микрозайм, обусловлены ошибочным толкованием правоприменителем понятия «микрофинансовой организации».

Правоприменителю следует квалифицировать преступление по ст. 159.1 УК РФ только в том случае, если действия заемщика, состоящие в получении наличных либо безналичных денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц, при заведомом отсутствии у него намерения возвратить их в соответствии с требованиями договора. Кроме того, по смыслу диспозиции указанной уголовно-правовой нормы кредитором может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора [2].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что получившие широкое распространение микрозаймы, благодаря своему удобству и простоте получения денег без длительных процедур, взяли на вооружение и лица, желающие обойти закон, предоставляя заведомо недостоверные сведения в микрофинансовые организации. Выявленная проблема, заключающаяся в ошибочной квалификации вышеуказанных преступных посягательств, ввиду разного толкования правоприменителем диспозиции ст. 159.1 УК РФ, содействует укрытию преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, относящихся к категории преступлений средней тяжести по сравнению с ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, а значит влечет несоблюдение принципа неотвратимости ответственности.

Список источников

1. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/26108/ (дата обращения: 05.05.2025).
3. Кассационное определением от 22 мая 2024 г. Верховного Суда Рос. Федерации по делу № 19-УД24-12-К5// Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2370888 (дата обращения: 05.05.2025).
4. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // МВД Медиа: [сайт]. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/ (дата обращения: 05.05.2025).

УДК 343.15

ПРИЧИНЫ И ОСНОВАНИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

***В. Ф. Крючкова**, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета России, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматриваются причины, по которым уголовные дела коррупционной направленности зачастую возвращаются судом в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, на примерах их следственной и судебной практики изучены причины, по которым судом принимались данные решения, проанализированы меры, которые принимаются в профилактических целях, для минимизации подобных исходов.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, процессуальный контроль, процессуальные нарушения, некачественная организация расследования, предварительное следствие, постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

THE REASONS AND GROUNDS FOR THE COURT'S RETURN IN ACCORDANCE WITH ART. 237 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CORRUPTION-RELATED CRIMES

***V. F. Kryuchkova**, associate professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article discusses the reasons why criminal cases of a corruption-related nature are often returned by the court in accordance with Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Based on examples from their investigative and judicial practice, the article examines the reasons why the court made these decisions and analyzes the measures taken for preventive purposes to minimize such outcomes.

Keywords: corruption-related crimes, procedural control, procedural violations, poor investigation organization, preliminary investigation, and decision to charge.

Качественное расследование уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности является одной из первостепенных задач следственного управления.

Вместе с тем статистические сведения свидетельствуют, что в данном направлении есть просчеты. Об этом свидетельствует рост числа решений судов о возвращении дел в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Так, в 2024–2025 гг. возвращались уголовные дела о преступлениях, связанных со взяточничеством, злоупотреблением и превышением должностных полномочий, мошенничеством, присвоением и растратой (ст. 285, 286, 290–291.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), ст. 159 УК РФ, ст. 160 УК РФ).

Причины, по которым судом принимались решения различны.

Так одной из существенных причин становится неправильная квалификация деяния.

03.05.2024 Благовещенским городским судом возвращено уголовное дело по обвинению Тошпулатова Ш. Ш. и Гусейнова Д. С. по ч. 2 ст. 163, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в связи с отсутствием в описании преступного деяния Тошпулатова Ш. Ш. обязательного признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, а именно угрозы причинения ущерба охраняемым законом общественным отношениям.

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого Тошпулатова Ш. Ш. указано, что своими действиями он совершил вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества с применением насилия, при этом обязательный признак вымогательства, предусмотренный ч. 1 ст. 163 УК РФ – совершение преступления под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, не указан.

В другом случае судом при возвращении уголовного дела по обвинению Лихачева Н. С. и Шумкова Н. С. в совершении ими преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ указано на отсутствие обязательного квалифицирующего

признака – «группа лиц», предусмотренного ч. 3 ст. 111 УК РФ, что не соответствует обстоятельствам совершения преступления, поскольку следствием установлено, что Лихачев и Шумков, действуя группой лиц, совместно реализовали преступный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего [3].

Причинами возвращения дел в порядке ст. 237 УПК РФ часто становятся ошибки при описании обвинения, установленные судом обстоятельства и нарушения, которые можно проверить и устранить только в ходе предварительного следствия.

К примеру, в июне 2024 г. Краснофлотским районным судом возвращено дело по обвинению по двум эпизодам по ч. 3 ст. 290 УК РФ начальника отдела по мобилизационной работе КГБУЗ «Городская клиническая больница» Головнина в получении от начальника охраны ООО «ЧОО Рыцарь ДВ» взятки за сокрытие фактов неисполнения обязанностей по охране учреждений здравоохранения. Основание – в обвинении указаны недействующие приказы, в соответствии с которым Головин являлся должностным лицом, был наделен полномочиями по приемке предоставляемых услуг по государственным контрактам. Сторона защиты представила в суд другой приказ об их отмене (орг. документы издаются ежегодно, был указан утративший силу приказ). Уголовное дело направлено в суд [2].

Судебной коллегией краевого суда в апреле 2024 г. отменен приговор в отношении осужденного по ч. 3 ст. 290 и ч. 3 ст. 286 УК РФ полицейского (водителя) батальона охраны и конвоирования УМВД России по г. Хабаровску Кушманова, который получил через посредника взятку в виде денежных средств за передачу гр. Шилову в следственный изолятор запрещенных предметов (телефонов). Основание – неверная квалификация в части передачи взятки через посредника, т. к. денежные средства Кушманову перевела девушка, привлеченная сотрудниками оперативного подразделения к оперативному эксперименту, то есть не по поручению взяткодателя [2].

По обвинению сотрудника конвойного отделения ОМВД России Ходжер Н. В. по ч. 3 ст. 290 УК РФ (в обвинении не расписан способ дачи взятки «лично в виде денег». Фактически техническая ошибка, обвинение полное, но не соответствует обвинительному заключению).

В большинстве случаев судебные решения обжаловались, но оставлены без изменения.

Также допускаются ошибки при составлении постановлений о привлечении граждан в качестве обвиняемых.

Составление процессуальных документов требует от следователя не только правовой и языковой грамотности, но и внимательности при их оформлении. Практика показывает, что неточность формулировок, допущенные следователем опечатки могут привести к негативным последствиям и стать веской причиной для направления уголовного дела на дополнительное расследование [1, с. 11].

В ряде случаях причиной таких ошибок является отсутствие достаточной квалификации у следователей с небольшим опытом работы.

В Следственном управлении Следственного комитета России по Хабаровскому краю и ЕАО пересмотрена организация процессуального контроля. Функционирует ряд ведомственных организационно-распорядительных документов, которыми предусмотрен порядок обязательного согласования всех постановлений о привлечении в качестве обвиняемых с зональным инспектором с обязательным предоставлением уголовных дел для изучения в аппарат.

Ежеквартально в профилактических целях проводятся коллегии, в ходе которых разбираются проблемные вопросы качества следствия, причины возвращения уголовных дел судами, недостатки в работе конкретных руководителей, заслушиваются их доклады, принимаются соответствующие меры.

Руководители следственных отделов ориентированы на необходимость кардинально поменять подход к изучению уголовных дел, в обязательном порядке применять разработанные алгоритмы многоуровневой проверки дел, а именно следователем, заместителем и руководителем.

Ежегодно в следственных управлениях утверждается план по устранению недостатков в работе и повышению эффективности процессуальной деятельности, продолжается кадровая ротация.

Со стороны контрольно-следственного отдела усилен контроль за расследованием уголовных дел, уголовные дела со спорной квалификацией изучаются в аппарате управления, заслушиваются при руководстве.

Продолжена практика привлечения за допущенные нарушения к дисциплинарной и материальной ответственности.

Руководители следственных подразделений регулярно получают предупреждения о персональной ответственности за некачественную организацию расследования, ненадлежащее изучение уголовных дел, им указывается на строгое соблюдение требований организационно-распорядительных документов Следственного комитета Российской Федерации и следственного управления.

Не реже раза в квартал в следственных отделах и в следственных управлениях организуются и проводятся семинарские занятия по всем вопросам, связанным с качеством расследования уголовных дел. Факты возвращения уголовных дела и наиболее характерные процессуальные нарушения разбираются со следователями по конкретным уголовным делам. Предусмотрены планы индивидуальных стажировок следователей.

В заключение отметим, что в целом усилен контроль за расследованием уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, уголовные дела со спорной квалификацией изучаются в аппарате управления, заслушиваются при руководстве. Помимо этого, молодым следователям со стороны руководства необходимо оказание практической и методической помощи.

Список источников

1. Крючкова В. Ф., Осипова Т. В. Правовые способы выявления и устранения ошибок, допущенных в ходе уголовного судопроизводства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 10–13.
2. В следственном управлении состоялось расширенное заседание коллегии по итогам работы в 2024 году – Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области // Следственное управление Следственного комитета по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области: [сайт]. URL: https://khabkray.sledcom.ru/news/item/ (дата обращения: 12.03.2025).
3. В следственном управлении состоялось заседание коллегии, на котором подведены итоги работы за 2023 год – Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области // Следственное управление Следственного комитета по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области: [сайт]. URL: https://amur.sledcom.ru/news/item/ (дата обращения: 12.03.2025).

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***С. А. Кузора**, доцент Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского, кандидат юридических наук, доцент*

В статье рассматривается исследование в динамике проблем применения современных информационно-коммуникационных средств при совершении преступлений с использованием методов социальной инженерии. Автором описываются новые способы совершения мошенничеств и способы противодействия возникающим угрозам.

Ключевые слова: киберпреступность, SIM-бокс, антифрод, информационно-коммуникационные средства, социальная инженерия.

ON SOME ISSUES OF COUNTERING FRAUD COMMITTED USING MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

***S. A. Kuzora**, associate professor, admiral G. I. Nevelsky Maritime tate university, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The purpose of the article is to study the dynamics of the problems of using modern information and communication tools in the commission of crimes using social engineering methods. The author discusses new ways of committing fraud and ways to counter emerging threats.

Keywords: cybercrime, SIM-box, anti-fraud, information and communication tools, social engineering.

Складывающаяся в последнее время ситуация в области борьбы с современными преступлениями, совершаемыми с использованием современных информационно-коммуникационных средств (далее – ИКС) указывает на неэффективность многих способов противодействия данной категории преступлений.

Анализ статистики преступлений за 2024 г. в Российской Федерации показал снижение общего уровня преступности на 1,8 % в сравнении с 2023 г., в том числе снижение количества преступлений против личности на 6 %, на 8,5 % преступлений против собственности, в том числе грабежей – на 20,7 %, разбоев – на 16,3 %, краж – на 14,3 %, среди них краж автомобилей – на 19,5 % и квартирных краж – на 28,7 %, угонов транспортных средств – на 13 %. Однако при этом на 13,1 % возросло число зарегистрированных преступлений с использованием современных ИКС. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в 2023 г. до 40 % в 2024 г. [1]. Почти половина таких преступлений (48,2 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; +7,8 %), четыре преступления из пяти (84,8 %) совершаются с использованием сети Интернет (649,1 тыс.; +23,2 %), почти половина (45,2 %) – средств мобильной связи (346,0 тыс.; +14,3 %). Почти две трети таких преступлений (63,5 %) совершается путем кражи или мошенничества: 486,3 тыс. (+2,3 %), каждое восьмое (12,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 94,6 тыс. (+16,1 %).

Приведенные цифры показывают хорошие результаты принимаемых государством мер по борьбе с традиционной преступностью и низкую эффективность мер по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКС, отображая успехи преступников в обходе барьеров на их пути.

Практически ежедневно средства массовой информации сообщают о гражданах РФ, пострадавших от действий киберпреступников. Нельзя сказать, что государство бездействует, с 2024 г. на территории РФ запущена работа системы «Антифрод», позволяющая блокировать звонки с использованием подменных номеров как из-за рубежа, так и на территории РФ. Как уже упоминалось ранее, законодатель внес еще в 2021 г. изменения в ч. 9, 10 ст. 46 закона «О связи» [2] и обязал операторов связи отслеживать звонки в своей сети, передавать в сеть другого оператора связи, участвующего в установлении телефонного соединения, в неизменном виде абонентский номер или уникальный код идентификации, и блокировать соединения с сетью иностранного оператора связи, если оно сопровождается нумерацией, соответствующей российской системе. Даная система привела к уменьшению количества мошеннических звонков с использованием преступниками только сотовой связи. Но общее количество преступлений не только не уменьшилось, а существенно возросло. К этому привело использование преступниками различных технических новинок, позволяющих обходить созданные государством ограничения.

Одной из таких новинок стало широкое использование в последнее время на территории РФ так называемых «SIM-боксов» или «Сим-банков», позволяющих переводить звонки, совершаемые через сеть Интернет, в том числе из-за рубежа, с фактическим указанием абонентского номера отечественных операторов мобильной связи.

Предложения об установке соответствующего оборудования и организации таких центров (узлов) связи стали достаточно часто встречаться в различных мессенджерах. Молодежи предлагается помощь, консультирование, гарантируется стабильный заработок, что привело к появлению огромного количества таких центров, позволяя преступникам совершать свои противоправные деяния.

Для организации центра связи необходим SIM-бокс, компьютер со специальным программным обеспечением, идущим в комплекте к SIM-боксу, и значительное количество сим-карт российских операторов мобильной связи. Продажа и использование SIM-боксов на территории РФ не запрещены, они не относятся к специальным техническим средствам и их достаточно просто купить в сети Интернет. По сути SIM-бокс является корпусом, в которым установлены специально изготовленные электронные платы, идентичные мобильному телефону, управляемые компьютером, позволяющие производить быструю смену сим-карт, количество которых равно количеству установленных электронных плат. При этом программное обеспечение позволяет постоянно менять передаваемый в сеть связи IMEI-код каждой платы, имитирующей мобильное устройство, что затрудняет отслеживание и обнаружение таких устройств, а также производить быструю замену используемых сим-карт. Для организации центров связи, как правило, используются SIM-боксы на 16, 32, 64 и 128 сим-карт, с каждой из которых может совершаться звонок или рассылка СМС-сообщений с использованием российской нумерации телефонов, подменяя звонок из-за рубежа, совершаемый через сеть Интернет, на обычный телефонный звонок.

Изначально SIM-боксы предназначены для уменьшения расходов на услуги связи компаний, создания внутрикорпоративных сетей связи, особенно компаний, имеющих подразделения, удаленные друг от друга на значительные расстояния. Однако в настоящее время большая часть оборудования используется для создания центров связи в противоправных целях. Организаторы центров связи, принимая меры для сокрытия своей деятельности, постоянно меняют в оборудовании сим-карты, меняя квартиры, в которых установлено такое оборудование. Для приобретения большого количества сим-карт преступники используют услуги сотрудников салонов сотовой связи и операторов связи, которые тысячами продают сим-карты, зарегистрированные на подставных лиц.

С учетом роста преступлений, совершаемых с использованием современных ИКС, проблему центров связи, предоставляющих услуги преступникам для совершения звонков, необходимо решать достаточно срочно. Проблему можно решить двумя способами, первым из которых является введение запрета на использование SIM-боксов на территории РФ или введение ограничения и лицензирования на их использование, но это долго и малоэффективно. Вторым способом пресечения противоправной деятельности является введение жесткого контроля за выдачей сим-карт как физическим, так и юридическим лицам. Федеральный закон от 08.08.2024

№ 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводятся ограничения на максимальное количество мобильных номеров для одного абонента, гражданина РФ, не более 20 сим-карт на иностранного гражданина не более 10 сим-карт. Изменяется порядок выдачи сим-карт юридическим лицам и контроль за их использованием.

Однако все эти меры вводятся 2025 г. и их результативность еще предстоит оценить, а пока ситуация находится в практически неразрешимом положении.

Список источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»: федер. закон от 02.07.2021 № 319-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О связи: федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL https://мвд.рф/reports/item/60248328 (дата обращения: 15.02.2025).

УДК 343.9

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОГО И КОМПЬЮТЕРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

***Ю. В. Лазарева**, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

Киберпреступность представляет существенную угрозу жизнедеятельности современного общества в современных условиях цифровой трансформации. В статье проводится анализ состояния, динамики и структуры современной киберпреступности. Отмечается, что каждое третье преступление совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом в структуре самой киберпреступности каждое второе преступление – это мошенничество. Соответственно, большое значение приобретает виктимологическая профилактика кибермошенничества, которая сопряжена с определенными трудностями, связанными как с особенностями личности жертв, так и с цифровой средой совершения преступлений. Отмечается, что виктимологическая профилактика кибермошенничества должна осуществляться на интегративной основе, с разработкой соответствующего методического обеспечения и на основе информационного взаимодействия.

Ключевые слова: преступность, киберпреступность, кибермошенничество, жертва, виктимизация, виктимологическая профилактика.

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF FRAUD COMMITTED USING TELECOMMUNICATION AND COMPUTER EQUIPMENT

***Yu. V. Lazareva**, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

Cybercrime poses a significant threat to the life of modern society in modern conditions of digital transformation. The article analyzes the

state, dynamics and structure of modern cybercrime. It is noted that every third crime is committed using information and communication technologies. At the same time, in the structure of cybercrime itself, every second crime is fraud. Accordingly, victimological prevention of cyberbullying is of great importance, which is fraught with certain difficulties related to both the personality characteristics of victims and the digital environment of crimes. It is noted that victimological prevention of cyberbullying should be carried out on an integrative basis, with the development of appropriate methodological support and on the basis of information interaction.

Keywords: crime, cybercrime, cyberbullying, victimization, victimological prevention.

Рост преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) вызывает обоснованную тревогу. Переход части преступности в киберпространство характеризуется усложнением установления самого факта совершения преступлений, их расследования, а также посягает на информационную безопасность государства.

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) [5] наблюдается динамичный устойчивый рост данных преступлений в геометрической прогрессии. Темп прироста, исчисленный базовым способом в 2024 г., составил 160 % (по сравнению с 2019 г.). В абсолютных показателях количество преступлений, совершенных с использованием ИКТ (в дальнейшем – киберпреступности) в 2024 г. составило 765 365 (увеличение на 13,1 % по сравнению с предыдущим годом)(рис. 1).

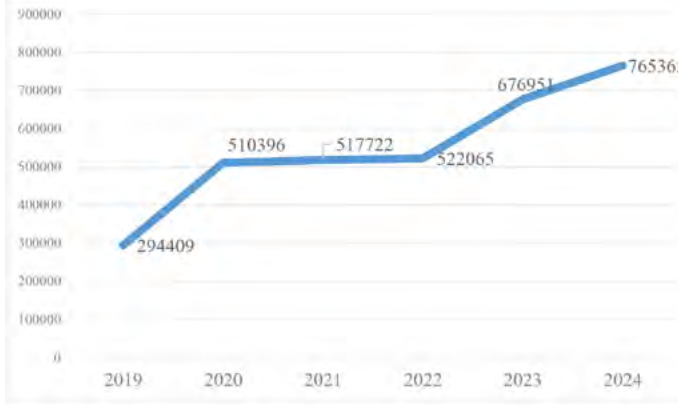

Рис. 1. Динамика преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий

Представляют интерес относительные показатели киберпреступности (рис. 2).

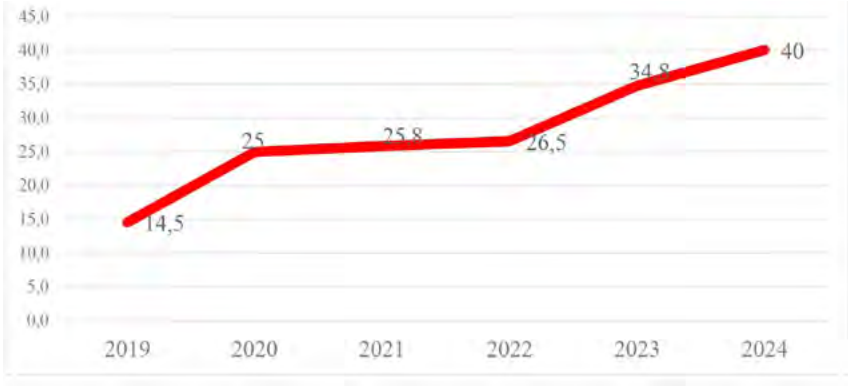

Рис. 2. Удельный вес киберпреступности, %

Следует отметить, что показатели удельного веса наибольшего значения достигли в 2024 г. (практически половина всех преступлений совершается в цифровом пространстве). При этом отметим, что впервые удельный вес киберпреступности существенно возрос в 2020 г. (с 14,5 % в 2019 г. до 25 % в 2020 г.), что связано с предпринимаемыми в то время мерами по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции. Вторым период, в котором удельный вес также существенно увеличился, явился 2023 г. (34,8 % по сравнению с 26,5 % в предыдущем 2022 г.) (рис. 2). Сам по себе рост киберпреступности связан, на наш взгляд, с рядом причин, среди которых необходимо назвать неосмотрительность граждан, недостаточно высокую сформированность информационной культуры общества, проблемы, связанные с особенностями выявления и расследования данных преступлений и т. п.

Ситуация с киберпреступностью осложняется и тем, что данная форма преступности является высоколатентной, что обусловлено особенностями совершения исследуемых деяний.

Еще одной тенденцией киберпреступости является то, что в ее структуре практически половина преступлений представляет собой мошенничество, причем, на деяние, предусмотренное ст. 159 УК РФ, приходится большая часть кибермошенничеств. Удельный вес исследуемых преступлений колеблется в пределах от 40,7 % (минимальный показатель в 2019 г.) до 52,6 % (максимальный показатель в 2023 г.) (рис. 3).

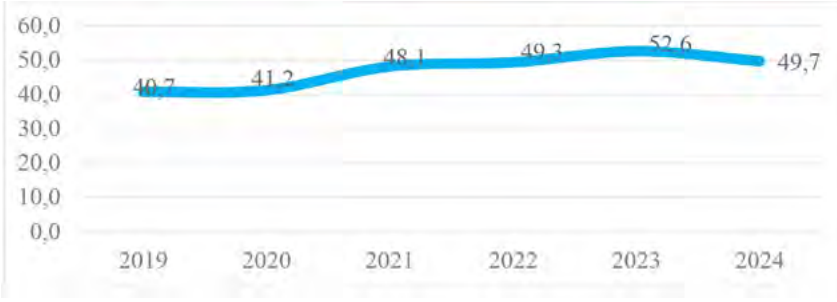

Рис. 3. Удельный вес кибермошенничества, %

Из представленных данных видно, что удельный вес кибермошенничества с 2019 до 2023 г. имел устойчивые тенденции к росту, которые несколько замедлились в 2024 г.

Представляет интерес и исследование темпов прироста кибермошенничества (рис. 4).

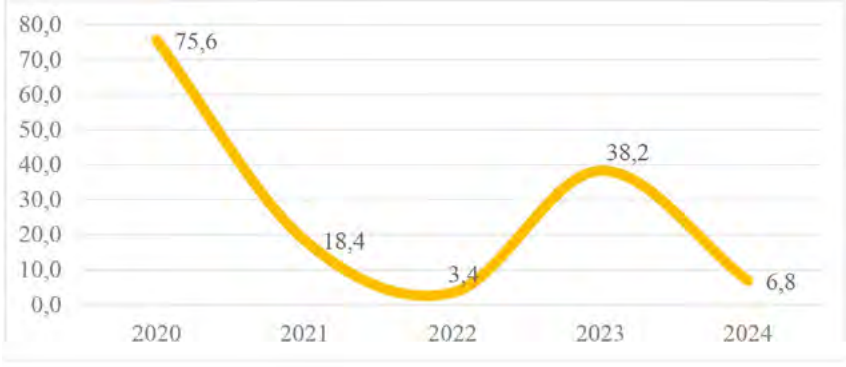

Рис. 4. Темп прироста (цеп.) кибермошенничества, %

Темп прироста данных преступлений на протяжении всего исследуемого периода (2019–2024 гг.) составлял положительные величины. Наибольший темп прироста зафиксирован в 2020 г. (+75,6 %), далее на протяжении двух лет отмечается снижение (в 2021 г. – 18,4 %, в 2022 г. – 3,4 %), в 2023 г. зафиксировано существенное увеличение (38,2 %), в 2024 г. темп прироста замедлился и составил 6,8 %. Между тем, учитывая, что появляются новые способы кибермошенничества, можно сделать неблагоприятный прогноз о возможном увеличении в будущем темпа прироста данного вида преступлений.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным сделать два основных вывода:

– во-первых, негативной тенденцией является устойчивый рост киберпреступности (при этом данный рост фиксируется на фоне общего снижения преступности). В целом, данная тенденция была охарактеризована учеными [3, с. 18] как «виртуализация преступности» и опосредована адаптацией к современным условиям жизнедеятельности общества;

– во-вторых, практически половина всех киберперступлений составляет мошенничество, которое конструктивно включает в себя обман или злоупотребление доверием. Соответственно, в данных преступлениях всегда есть потерпевший, который становится таковым в силу различных причин. Следовательно, в рамках предупредительной деятельности актуализирована именно виктимологическая профилактика.

По своей социально-правовой природе виктимологическая профилактика ориентирована на работу с виктимизированными лицами, с потенциальными жертвами, а также на саму виктимологическую ситуацию как таковую. При этом специфика виктимологической профилактики в отношении кибермошенничества заключается в особенностях самого преступления, происходящего в виртуальной среде.

Исследования жертв кибермошенничества показывают их социально-групповую неоднородность, что осложняет превенцию. В научных исследованиях осуществляется их различная классификация [2]. Отметим, что в целом в широком понимании к жертвам могут быть отнесены не только лица физические, но также и юридические и социальные образования. Современный уровень цифровых технологий, включающий в себя сложные технические взаимодействия, основанные на использовании специальных знаний, потенциально позволяет смоделировать ситуацию, когда вред будет причинен не только граждан, но и обществу в целом (в таком случае можно говорить не об индивидуальной, а о коллективной виктимизации, потому что вред будет «распределен» между членами различных социальных групп и общества в целом). В настоящее время отсутствуют примеры глобальных последствий информационных массированных атак, но в рамках предиктивной аналитики можно прогнозировать саму возможность наступления подобных последствий. В этой связи крайне важным становится формирование и развитие культуры информационной безопасности. Так, по данным исследования, проведенного Е. А. Родиной, наиболее распространенной причиной кибервиктимизации является отсутствие технических познаний [4, с. 104]. Отметим, что соответствующее распоряжение Правительства РФ по вопросу культуры информационной безопасности было принято в декабре 2022 г. [1].

Виктимологическая профилактика осложнена и технической уязвимостью используемых технологий. Условно можно говорить о возможности криминальной уязвимости тех или иных информационных систем, которые с одной стороны могут выступать орудием совершения преступления, а с другой – быть предметом преступных посягательств. В этой связи большое значение приобретают вопросы информационной безопасности, включая виктимологические аспекты ее обеспечения.

Полагаем, что виктимологическая профилактика цифровой преступности, включая и кибермошенничество, должна разрабатываться на интегративной основе с привлечением специалистов различных сфер – юристов, социологов, психологов, IT-специалистов и т. д., что позволит реализовать мультидисциплинарный подход и повысить эффективность предупредительной деятельности.

Также следует отметить, что сотрудники правоохранительных органов как субъекты виктимологической профилактики должны иметь специальную подготовку. В настоящее время необходима разработка различных методических материалов, которые позволили бы улучшить организацию и тактику проведения превентивных мероприятий в цифровой среде и повысить эффективность работы с виктимизированными лицами.

Представляется необходимым и сотрудничество с организациями, являющимися как разработчиками, так и пользователями определенных информационных продуктов, так как подобное взаимодействие позволило бы повысить уровень информационного обеспечения виктимологической профилактики.

Список источников

1. Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22.12.2022 № 4088-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 25.04.2025).
3. Жмуров Д. В. Кибержертва: особенности классификации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 4. С. 463–472.
4. Жмуров Д. В., Протасевич А. А., Костромина А. С. Эра милосердия. Пути развития преступности // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. 2019. Т. 10. № 2. С. 18.
5. Родина Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «Интернет» в киберпространстве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 217 с.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЗАЩИТНИКА НА СОБИРАНИЕ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

***А. А. Лиликин**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

***И. В. Левчук**, слушатель Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается роль защитника в уголовно-процессуальном доказывании, акцентируется внимание на ограниченных полномочиях адвокатов, анализируются пробелы в законодательстве и практике, препятствующие сбору доказательств, а также предлагаются меры для укрепления процессуальных прав защиты.

Ключевые слова: адвокат, защитник, доказывание по уголовным делам, адвокатский запрос, равенство сторон, принцип состязательности.

CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTING THE DEFENDER'S RIGHT TO COLLECT AND PROVIDE EVIDENCE DURING A PRELIMINARY INVESTIGATION

***A. A. Lilikin**, lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***I. V. Levchuk**, the cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the role of the defense attorney in criminal procedural proof, focusing on the limited powers of lawyers. Gaps in legislation and practice that impede the collection of evidence are analyzed, and measures are proposed to strengthen the procedural rights of the defense.

Keywords: attorney, defense attorney, proof in criminal cases, attorney request, equality of the parties, adversarial principle.

Актуальность исследования определяется ключевой ролью доказывания в уголовном процессе. Российские правоведы отмечают, что доказывание выступает центральным элементом процессуальной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства. Качество доказательств напрямую влияет на судьбу лица, подозреваемого в совершении преступления. По этой причине анализ процедур доказывания имеет фундаментальное значение для обеспечения объективности и справедливости в правосудии.

Собирание доказательств представляет собой комплекс действий, обеспечивающих выявление, отыскание, обнаружение, закрепление, изъятие и сохранение полученных сведений и их источников с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения материала проверки сообщения о преступлении или уголовного дела и их производства в разумный срок [1, с. 28]. В этой процедуре могут участвовать как властные субъекты, выступающие на стороне обвинения, так и представители стороны защиты в лице защитника.

Суть методов сбора доказательств заключается в применении методологических подходов и операций, направленных на получение необходимых сведений, которые затем используются участниками процесса. Реализация этих действий регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), что гарантирует формализацию и легитимность всей процедуры.

Для органов власти, участвующих в уголовном процессе, сбор доказательств возможен исключительно через выполнение процессуальных процедур (следственные действия, иные процессуальные действия), закрепленных в УПК РФ. К таким действиям относятся: допрос свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых; проведение очной ставки; назначение экспертизы; осмотр (включая все его виды); производство выемки и обыска; предъявление для опознания; следственный эксперимент; проверка показаний на месте; освидетельствование; контроль и запись телефонных переговоров; получение данных о соединениях между абонентами и или абонентскими устройствами (ст. 164–170, 173–174, 176–184, 186–207, 275 УПК РФ) [4, с. 100].

Средствами доказывания в уголовном процессе признаются также регламентированные законом действия защитника (адвоката). Особый статус адвоката в вопросах о собирании доказательств связан с тем, что защитник является заинтересованным лицом, так как представляет интересы обвиняемого (подозреваемого). В силу своего уголовно-процессуального статуса адвокат ориентирован на получение сведений, оправдывающих подзащитного.

Участие защитника на предварительном следствии может быть очень полезно подозреваемому и обвиняемому, но оно может быть полезно и следователю (дознавателю), получающему возможность исправить иногда допускаемые промахи, обратить внимание на обстоятельства, мимо которых он прошел или которые считал ничего не значащими.

С момента вступления в уголовное дело защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи подзащитному (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Защитник стремиться найти факты, свидетельствующие о невиновности своего подзащитного либо смягчающие его вину. На практике следователь (дознаватель) установлению этих фактов обычно уделяет значительно меньше внимания, так что помощь участвующего в следственном действии защитника в этом плане может быть очень полезной.

Особый статус защитника в доказывании связан с тем, что адвокат не обладает властными полномочиями в вопросах собирания и представления доказательств. Согласно ст. 6 и 6.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе в уголовном процессе.

В целях доказывания согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ адвокат-защитник может осуществлять следующие действия:

1) получать предметы, документы и иные сведения, которые имеют отношение к формированию доказательств. Они могут быть переданы защитнику свидетелями, потерпевшими добровольно. Право истребовать их защитник не имеет. В процессе общения с допрашиваемым лицом защитник может предложить лицу сообщить сведения о событии преступления или имеющихся у него вещественных доказательствах, об обстоятельствах приобретения этого доказательства. Защитник может поинтересоваться какие манипуляции с ним производились, изложить свои соображения о том, какое отношение представленный объект имеет к преступлению. После этого документы (вещественные доказательства) могут быть приобщены к материалам уголовного дела по ходатайству защитника и по усмотрению дознавателя. При этом адвокат должен сообщить источник информации и способ получения таких предметов и документов;

2) представлять результаты опроса лиц с их согласия, сообщивших сведения о фактах совершения преступления. В результате опроса адвокатом не формируется доказательство по уголовному делу, и прежде всего потому, что отсутствует законодательное закрепление порядка проведения и фиксации результатов опроса, а также гарантий соблюдения процессуальной формы получения этих сведений. Представленные данные могут стать только основаниями для производства следственных действий и получения доказательств, имеющих официальный статус;

3) предоставлять справки, характеристики, иные документы, полученные от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций о своем подзащитном. Они могут быть приобщены к делу в статусе иных доказательств;

4) направляемые адвокатом запросы в различные организации также выступают способом получения доказательственной информации. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации обязаны исполнять запросы адвокатов в рамках законодательства, предоставляя запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре). Через такие запросы могут быть получены данные об адресе проживания, образовательных и трудовых данных граждан; местоположении, дате регистрации, деятельности и составе учредителей организаций и т. д. Адвокат вправе заявлять ходатайства о приобщении таких документов к материалам уголовного дела, однако их статус как доказательств приобретается лишь после вынесения следователем (дознавателем) постановления о признании их вещественными доказательствами и приобщении к материалам дела [2, с. 66].

К сожалению, адвокаты в своей практике постоянно сталкиваются с ущемлением права на оказание необходимой помощи в сборе доказательств. Если защитник проявляет настойчивость в сборе доказательств, то следователь (дознаватель) пытается оказать влияние на подозреваемого (обвиняемого). Ответными действиями следователя могут быть отказ приобщить какие-либо сведения к материалам уголовного дела, утаивание информации и др.

Процесс исследования доказательств сторонами и судом подчиняется определенным стандартам и согласно устоявшейся традиции в уголовном процессе бремя доказывания ложится только на органы предварительного расследования. На защитника не возлагается обязанностей по сбору и предоставлению доказательств.

Очевидно, что складывающаяся практика требует внимательного отношения к действиям защитника по сбору и предоставлению доказательств. В работе следователя (дознавателя) чаще реализуется обвинительный уклон. Защитник же, действуя в интересах клиента, целенаправленно собирает доказательства, позволяющие оправдать подзащитного.

Одним из принципов уголовного процесса является равенство сторон при собирании доказательства. Его реализация предполагает равенство и в предоставлении доказательств. Но на практике право стороны защиты представлять доказательства ограничено. В целях реализации данного принципа следует признать за защитниками право активно участвовать в формировании доказательств. С указанной целью следует обязать следователя (дознавателя) принимать доказательства и приобщать их к материалам уголовного дела в процессуальном порядке. Тогда принцип равенства сторон в доказывании будет соблюден [5]. Данное право, по нашему мнению, должно быть реализовано до начала процедуры ознакомления с материалами уголовного дела [3, с. 42].

Таким образом, сбор доказательств в рамках уголовного процесса предполагает активное участие защитника, направленное на выявление и систематизацию фактологических сведений, обладающих признаком относимости, которые в дальнейшем могут быть использованы как доказательства по делу. Участие адвоката в уголовно-процессуальном доказывании реализуется через два основных направления. Во-первых, защитник участвует в проведение следственных действий, проводимых с его доверителем или в иных процессуальных действиях, инициированных ходатайствами обвиняемого, подозреваемого или самого защитника (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Во-вторых, адвокат применяет предусмотренные законом способы получения доказательств, закрепленные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Список источников

1. Бахта А. С., Нуриев И. Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 26–29.
2. Копейкина И. В. Собирание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3 (58). С. 65–68.
3. Кузнецова С. М., Нуриев И. Н. Процессуальный порядок ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования: учеб. пособие / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. 68 с.
4. Мельников В. Ю., Долгополов К. А. Проблемные вопросы уголовного права и процесса: учеб. пособие. Ростов н/Д.: РАП, 2021. В 2 т. Т. 1. С. 538.
5. Ступин А. О. Проблемы самостоятельной деятельности адвоката-защитника по собиранию доказательств в уголовном процессе // Научный Лидер. 2022. № 22 (67). С. 213–216.

УДК 343.13

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

***Т. В. Марусенко**, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат исторических наук;*

***Н. А. Башкирова**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье предлагается к рассмотрению анализ практики применения альтернативных мер наказания в Российской Федерации в отношении несовершеннолетних, проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы.

Ключевые слова: альтернативные меры наказания, надзор, медиация, преступник, несовершеннолетний преступник.

ALTERNATIVE PUNISHMENTS FOR MINORS: PRACTICE OF APPLICATION

***T. V. Marusenko**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in History;*

***N. A. Bashkirova**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article offers for consideration an analysis of the practice of applying alternative punishments in the Russian Federation in relation to minors, the problems and effectiveness faced by law enforcement agencies.

Keywords: alternative punishments, supervision, mediation, offender, juvenile offender

В текущих условиях общественного прогресса обострилась проблема преступности среди несовершеннолетних. Согласно информации, предоставленной Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК РФ), за первые восемь месяцев 2024 г. следственными органами было рассмотрено 13,5 тыс. уголовных дел, фигурантами которых являлись подростки. При этом

зафиксирован рост на 22 % количества особо тяжких преступлений, совершенных подростками, в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. [8]. Согласно ст. 20 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) несовершеннолетними признаются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста. По общему правилу уголовная ответственность предусмотрена за любые преступные деяния с 16 лет, а за тяжкие и особо тяжкие преступления и некоторые преступления средней тяжести – с 14 лет [2].

Можно выделить следующие причины подростковой преступности в России.

1. Негативное влияние семьи. Становление личности подростка происходит именно в семье. Если она является для этого процесса неблагоприятным фоном, то это способно привести подростка в криминогенную среду. К таким факторам относятся неполная семья или случаи, когда у родителей отмечен аморальный образ жизни.

2. Негативное воздействие неформальных групп. Под влияние асоциальных сверстников чаще всего попадает подросток, которого отличает плохая успеваемость и низкая дисциплина. Для подростков-правонарушителей влияние друзей и высказываемые ими мнения оказываются более значимыми, чем замечания взрослых.

3. Подстрекательство взрослых преступников. Подобная причина выявляется практически в 30 % случаев подростковых правонарушений. Нередко молодых людей предварительно вовлекают в азартные игры, пьянство, а также прочие формы антиобщественного поведения.

4. Воздействие медиапространства. Негативные новости, фильмы с криминальным уклоном, видеоролики и компьютерные игры с жестокими сюжетами заполонили медиапространство. Эмоционально нестабильная психика подростков не всегда правильно и позитивно расставляет приоритеты в потоке подобной информации.

5. Отсутствие у части молодежи веры в закон и справедливость. Часто это вызвано недостатками профилактической работы общеобразовательных учреждений, а также упущениями в организации досуга молодежи.

Причины подростковой преступности – это совокупность всех факторов и целостная система взаимодействующих элементов, которые влияют на ребенка [9].

Так, можно привести примеры из судебной практики по делам о несовершеннолетних преступниках.

Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 25.04.2024. Несовершеннолетние были признаны виновными в совершении разбоя (нападение в целях хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни). Суд назначил наказание в виде лишения свободы условно с учетом несовершеннолетнего возраста [6].

Приговор суда по Республике Карелия от 23.03.2023. 16-летнему подростку вынес обвинительный приговор за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). Суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет с отбыванием наказания в воспитательной колонии [7].

Вопросы реабилитации и методов исправления несовершеннолетних преступников остаются одними из особенно важных. Уголовная система Российской Федерации ставит своей основной целью в отношении несовершеннолетних преступников не столько наказание, сколько грамотная их реабилитация.

В целях расширения и развития методов реабилитации данной группы преступников внедряются и активно развиваются так называемые альтернативные меры наказания. Главным образом данный процесс основывается на возрастных и психологических особенностях подростков.

Альтернативные методы наказания в отношении несовершеннолетних преступников – система средств, направленных на перевоспитание, реабилитацию и исключение возможности рецидива у преступников.

Так, 14 глава УК РФ посвящена особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Согласно ст. 88 УК РФ для несовершеннолетних лиц предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. Все они применяются в зависимости от тяжести совершенного деяния с учетом отягчающих и смягчающих обстоятельств [2].

Также в ст. 90 и 91 УК РФ выделяются принудительные меры воспитательного воздействия – альтернатива уголовному наказанию для несовершеннолетних.

К ним относятся следующие.

1. Предупреждение.

2. Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа.

3. Возложение обязанности загладить причиненный вред.

4. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [2].

Суд может назначить одновременно несколько видов таких мер, поскольку они различаются по содержанию и направленности воздействия.

Еще одна альтернатива наказанию для несовершеннолетних – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Туда направляют подростков, которые нуждаются в особых условиях воспитания, обучения и требуют специального педагогического подхода.

Согласно ч. 4 ст. 90 УК, в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия, она отменяется, и материалы направляются для привлечения подростка к уголовной ответственности [2].

Для реализации принудительных мер воспитательного воздействия создаются консультативные центры, центры реабилитации, центры информации, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и другие.

Один из примеров социальной службы по воспитанию несовершеннолетних преступников – центр временного содержания несовершеннолетних преступников. В таком центре дети, которые не достигли совершеннолетия и совершили преступления (кражи, угоны, наркотики, изнасилования и убийства), находятся под наблюдением воспитателей и специалистов [5].

Некоторые методы работы центра:

1) ограничение использования гаджетов. Дети живут без телефонов и интернета, что позволяет им больше времени уделять учебе;

2) раскрытие творческого потенциала. Под присмотром полицейских и психологов некоторым детям удается раскрыть свои таланты, например, научиться рисовать;

3) вовлечение в общественно значимую деятельность. Подростков привлекают к участию в субботниках, к проведению традиционных праздников, к участию в спортивных соревнованиях, к посещению экскурсий и музеев;

4) работа с родителями. Проводятся родительские собрания, посещения на дому, индивидуальные беседы.

В работе с несовершеннолетними правонарушителями также используются такие технологии социальной работы, как социальная диагностика, социальная адаптация, социальная реабилитация, коррекция, социальная терапия и ресоциализация.

В заключение стоит подчеркнуть значимость применения альтернативных мер в работе с несовершеннолетними правонарушителями. Подобные подходы предоставляют возможность существенно воздействовать на процесс формирования личности подростка, что, в свою очередь, потенциально сокращает вероятность рецидивов. Тем не менее, несмотря на преимущества, альтернативные виды наказаний пока не получили должного распространения в российской системе. К числу основных проблем можно отнести несовершенство законодательной базы, ограниченность ресурсов и квалифицированных кадров для реализации соответствующих программ, а также преобладающие в обществе стереотипы о необходимости жесткого реагирования на преступления.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. 21.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 20.03.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Приговором Зюзинского районного суда г. Москвы от 25.04.2024 установлено, что несовершеннолетние совершили разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия опасного для жизни // Муниципальный округ Южное Бутово: [сайт]. URL: https://south-butovo.ru/prokuratura/prokuratura-informiruet/?ELEMENT_ID=8493 (дата обращения: 13.03.2025).
7. Судом вынесен приговор в отношении несовершеннолетнего о совершении особо тяжкого преступления // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Карелия: [сайт]. URL: https://karelia.sledcom.ru/news/item/1775814 (дата обращения: 13.03.2025).
8. КоммерсантЪ: СКР сообщил о росте преступности среди подростков // Следственный комитет Российской Федерации: [сайт]. URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1921454/ (дата обращения: 13.03.2025).
9. Коблева М. М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебновоспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового характера // Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева: [сайт]. URL: https://rgup.ru/rimg/files/_M.M.Коблева.pdf (дата обращения: 13.03.2025).

УДК 343.13

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДОКАЗЫВАНИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ BIG DATA, ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

***Т. В. Марусенко**, доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат исторических наук;*

***С. С. Тараева**, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В последние десятилетия мир стал свидетелем стремительного развития технологий, что оказало значительное влияние на различные сферы человеческой деятельности, включая уголовный процесс. Одним из наиболее заметных изменений стало внедрение концепции Big Data, которая открывает новые горизонты для анализа и обработки информации в правоохранительных органах.

Ключевые слова: Big Data, цифровизация, уголовный процесс, технологии, раскрытие преступлений, информация.

NEW TECHNOLOGIES IN EVIDENCE: USING BIG DATA, ARTIFICIAL INTELLIGENCE, AND DIGITAL FOOTPRINTS

***T. V. Marusenko**, associate professor of the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in History;*

***S. S. Taraeva**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

In recent decades, the world has witnessed the rapid development of technology, which has had a significant impact on various areas of human activity, including the criminal process. One of the most notable changes was the introduction of the Big Data concept, which opens up new horizons for information analysis and processing in law enforcement agencies.

Keywords: Big Data, digitalization, criminal procedure, technology, crime detection, information.

В Российской Федерации действующее законодательство в целом и уголовно-процессуальное, в частности, в данный момент не содержит положений, прямо регламентирующих применение технологий искусственного интеллекта, однако отсутствует и запрет на их использование при условии соблюдения иных норм.

Значимость данного вопроса подтверждается наличием как в науке, так и на практике острой дискуссии относительно применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства.

Актуальность вопроса находит свое отражение в актах Президента Российской Федерации. В частности, в соответствии с п. 9 Перечня поручений по итогам заседаний Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президента Российской Федерации от 14 января 2024 г. № Пр-64 Верховному Суду Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России и Минюстом России было рекомендовано проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию.

В условиях, когда объем данных, генерируемых различными источниками, растет с каждым днем, становится очевидным, что традиционные методы обработки информации уже не способны эффективно справляться с задачами, стоящими перед современными правоохранительными органами. В этом контексте предлагается использование различных нейросетей и баз данных, позволяющих быстро найти нужную информацию о лицах, установить событие преступления, предметов преступления, похищенного имущества и т. д. В качестве примера можно привести такое программное обеспечение, как Big Data – это огромные объемы данных, которые невозможно обработать с помощью традиционных методов. Они могут быть структурированными (например, информация из баз данных) или неструктурированными (например, текстовые данные из социальных сетей) [5, с. 130].

Анализ огромных массивов данных, не поддающихся обработке человеком, открывает новые возможности. Например, финансовые потоки, детально описывающие миллионы транзакций, так ручная проверка займет годы, а алгоритмы Big Data способны обнаружить скрытые связи, доказательства, указывающие на мошенничество, отмывание денег или финансовые махинации. Это касается и не только финансов, анализ данных датчиков IoT (Интернет вещей) может помочь реконструировать события происшествия с высокой точностью, например, определить местоположение транспортного средства в момент аварии или восстановить картину пожара по показаниям датчиков температуры и дыма. Анализ данных о передвижении людей, получаемых с помощью GPS-трекеров или данных мобильных операторов, помогает установить лицо или подтвердить причастность к преступлению. Более того, анализ больших данных позволяет

выявить системные нарушения, такие как дискриминация в найме или картельные сговоры, путем анализа данных множества участников, выявляя повторяющиеся паттерны, указывающие на злонамеренную деятельность [5, с. 135].

Цифровой след – это совокупность данных, которые пользователь оставляет в интернете осознанно или неосознанно. Цифровой след содержит личные данные, которые могут быть использованы злоумышленниками. Например, мошенники могут создать копию профиля для фишинга или социальной инженерии – обмана людей под прикрытием личности пользователя. Цифровые следы – неотъемлемая часть современной жизни. Все наши действия в цифровом мире оставляют следы – от посещения веб-сайтов до телефонных звонков и сообщений в социальных сетях. Эти цифровые следы, полученные легальным путем, становятся неопровержимыми доказательствами в суде. Однако сбор и использование таких данных требуют строгого регулирования, чтобы защитить конфиденциальность и права граждан. Необходимо ясно определить границы допустимого сбора и использования цифровых следов, установить процедуры получения согласия и обеспечения защиты от злоупотреблений [8, с. 200].

В цифровом мире мы постоянно оставляем за собой множество следов. Эти следы – наши цифровые данные от посещенных веб-сайтов до сообщений в социальных сетях. Они разбросаны по огромному количеству различных онлайн-сервисов и баз данных. Технологии обработки больших данных (Big Data) позволяют собирать и анализировать эти разрозненные фрагменты информации, создавая полную картину совершенного преступления. Big Data играет роль мощного инструмента, способного «видеть» и объединять эти, казалось бы, незаметные цифровые доказательства, извлекая из них ценную информацию.

Социальные сети: цифровые следы проявляются в виде постов, отметок «нравится», комментариев, фотографий, геометок и сложных сетей связей между пользователями.

Веб-активность: история поиска, посещенные страницы, время, проведенное на сайте, клики и файлы cookie образуют детальный цифровой портрет пользователя.

Данные сенсоров (IoT): умные часы, отслеживающие пульс и шаги, системы «умного дома», регулирующие освещение и температуру, и телематические устройства в автомобилях, собирающие данные о скорости и местоположении, формируют поток данных, отражающих физическую активность и окружающую среду, данный анализ позволит установить событие совершенного преступления.

Мультимедиа: анализ изображений и видео с камер наблюдения позволяет обнаруживать объекты и распознавать лица.

Тексты: электронные письма, чаты и документы содержат ценную информацию о лицах умысел, поиск соучастников, места хранения похищенного имущества и предметов преступления.

Инструменты Big Data собирают разрозненные следы воедино, используя следующие методы.

ETL/ELT процессы (Extract, Transform, Load): автоматизированные конвейеры извлекают данные из различных источников, очищают их от дубликатов и ошибок, преобразуют в нужный формат и загружают в централизованные хранилища данных.

Distributed Computing (распределенные вычисления): фреймворки, такие как Apache Hadoop (HDFS, MapReduce) и Apache Spark, позволяют обрабатывать огромные объемы данных параллельно на кластерах серверов, значительно сокращая время обработки.

Потоковая обработка (Stream Processing): технологии, такие как Apache Kafka, Apache Flink и Apache Storm, обрабатывают данные в режиме реального времени, позволяя мгновенно обнаруживать следы активности, и форматировать их базы данных [8, с. 202].

Такое программное обеспечение пока не используется в российском уголовном судопроизводстве, но в зарубежной практике Big Data активно используется в уголовном процессе и следственной деятельности, улучшая прогнозирование, раскрываемость преступлений и оптимизацию судопроизводства.

Например, система PredPol (США): анализирует исторические данные о преступлениях (место, время, тип инцидента) для прогнозирования «горячих точек». Внедрена в Лос-Анджелесе и Чикаго, что снизило уличную преступность на 12–25 % за счет перенаправления патрулей. Использует машинное обучение для выявления паттернов, например, рост краж при высокой температуре воздуха или вблизи парков.

Так же данная система проводит финансовые расследования (Mastercard) система выявляет мошеннические схемы, анализируя транзакции в реальном времени. Например, обнаруживает механизмы в цепочках платежей, связанных с отмыванием денег или финансированием терроризма и расследования киберпреступлений, анализ больших массивов логов интернет-пользователей помогает отслеживать координаторов сетевых атак. ФБР использует систему PRISM для сбора данных из соцсетей и коммуникационных сервисов (Microsoft, Google).

В России внедрение Big Data в уголовный процесс и следственную деятельность уже началось фрагментарно, но системное общефедеральное применение – вопрос среднесрочной перспективы (ориентировочно 2025–2030 гг.), а не ближайшего будущего. Процесс сдерживается комплексом правовых, технических и этических барьеров. Сегодня эксперименты ведутся в пилотном режиме: МВД России и Следственного комитета Российской Федерации тестируют предиктивные алгоритмы для анализа преступности в Москве, Санкт-Петербурге и Татарстане, где системы на основе исторических

данных прогнозируют «горячие точки» уличной преступности, оптимизируя маршруты патрулей. Параллельно Федеральная налоговая служба (ФНС) и Росфинмониторинг используют Big Data для выявления финансовых мошенничеств, анализируя транзакционные аномалии в реальном времени, что частично пересекается с уголовными делами об экономических преступлениях. Однако эти инструменты работают преимущественно на доследственной стадии или в оперативно-розыскной деятельности.

Непосредственно в уголовном судопроизводстве применение ограничено: например, в Единой информационной системе судов (ЕИС) аккумулируются данные о делах, но глубокая аналитика (прогнозирование решений, выявление судебных тенденций) остается редкостью из-за фрагментированности баз данных и отсутствия межведомственных стандартов. Ключевые препятствия для масштабирования: законодательный вакуум – отсутствие прямого регулирования алгоритмических решений в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) (риски ошибок искусственного интеллекта, ответственность за «цифровые улики»), техническая отсталость – 80 % регионов не имеют ИТ-инфраструктуры для обработки больших массивов данных (особенно видео с камер распознавания лиц), и кадровый дефицит – следователи и судьи не обучены работе с алгоритмическими инструментами. Кроме того, сохраняется сопротивление консервативных кругов правоохранительной системы, опасающихся потери контроля над процессами [6, с. 100].

Значимым шагом стала Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р, предполагающая создание «регуляторных песочниц» для тестирования искусственного интеллекта в госсекторе, включая суды и следствие [4, с. 100]. Однако этика остается камнем преткновения: по аналогии с американским COMPAS, российские алгоритмы рискуют усилить дискриминацию (например, из-за тренировки на данных с расовыми или социальными предубеждениями). Перспективы связаны с проектом «Цифровой следственный комитет» (анонсирован в 2023 г.), где Big Data должны ускорить анализ связей между фигурантами дел через интеграцию баз МВД России, ФСБ и ФНС России. Параллельно разрабатывается ИИ-платформа «Правосудие 4.0» для судов, которая к 2026 г. может автоматизировать анализ похожих приговоров. Решающим фактором станет финансирование: текущие расходы на «цифровизацию» правоохранительной системы составляют менее 1,5 % от общего бюджета силового блока. Оптимистичный сценарий предполагает, что к 2028 г. Big Data станут рутинным инструментом для прогнозирования рецидивов, оптимизации нагрузок следователей и оценки судебных перспектив дела – но лишь при условии принятия законов и нормативно-правовых актов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 18.06.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 02.10.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 02.10.2024 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. №. 2. С. 130–139. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-teorii-ugolovno-protsessualnogo-dokazyvaniya-kotorye-nado-reshat-v-svyazi-s-perehodom-v-epohu-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 08.06.2025).
6. Батоев В. Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. №. 1 (52). С. 11–17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-big-data-i-prediktivnaya-analitika-v-operativno-razysknoy-deyatelnosti-problemy-ispolzovaniya-i-puti-resheniya (дата обращения: 08.06.2025).
7. Батоев В. Б. Использование предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Общество и право. 2022. №. 4 (82). С. 99–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-prediktivnoy-analitiki-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 08.06.2025).
8. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта / Андреева О. И. [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2019. №. 449. С. 197–208. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-raspoznavaniya-lits-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-problema-osnovaniy-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya (дата обращения: 08.06.2025).

УДК 343.13

ВОПРОСЫ ВОЗЛОЖЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ДОЗНАВАТЕЛЯ НА ИНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

М. Ю. Мордяшов, *преподаватель кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматривается понятие правомочного и уполномоченного дознавателя, неоднозначность толкования указанных понятий, пределы полномочий правомочного и уполномоченного дознавателя и необходимость их разграничения, правовая неопределенность, связанная с возложением полномочий дознавателя на должностное лицо органа дознания.

Ключевые слова: уполномоченный дознаватель, правомочный дознаватель, должностное лицо органа дознания, начальник органа дознания.

ISSUES OF ASSIGNING THE POWERS OF THE INQUIRER TO OTHER OFFICIALS OF THE BODY OF INQUIRY

M. Y. Mordyashov, *lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the concept of a competent and authorized inquirer, the ambiguity of interpretation of these concepts, the limits of the powers of a competent and authorized inquirer and the need to distinguish them, the legal uncertainty associated with assigning the powers of an inquirer to an official of the body of inquiry.

Keywords: authorized investigator, authorized investigator, official of the body of inquiry, head of the body of inquiry.

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» расширил понятие «дознавателя», определенное п. 7 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не только как правомочное, но и как уполномоченное начальником органа дознания должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование в форме дознания, а также

иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. В пояснительной записке проекта указанного закона сообщалось, что суть изменений заключается в обеспечении точного и единообразного применения закона, устранении выявленных возможностей двойного толкования отдельных норм и обнаруженных правовых пробелов, однако указанным определением законодатель внес неоднозначность толкования понятия «дознаватель».

Относительно указанного в законе понятия «уполномоченного» дознавателя в теории и практике сложились различные мнения и пути применения.

Что касается понятия «правомочный» дознаватель, здесь исследователи схожи во мнениях и определяют их как лиц, которые назначены на должность в штат (подразделение) дознания в установленном порядке (соответствующим приказом) и осуществляют свои полномочия по замещаемой должности, основной функцией (назначением) которых является предварительное расследование в форме дознания [6, с. 28; 7, с. 132; 5, с. 10].

Одни исследователи определяет «уполномоченного» дознавателя как должностное лицо органа дознания, которое по поручению начальника органа дознания уполномочено выполнять отдельные процессуальные действия [7, с. 132], другие как должностное лицо органа дознания, выполняющее процессуальные действия в пределах своей компетенции, но по поручению начальника органа дознания, например статус уполномоченного дознавателя приобретет участковый уполномоченный полиции, которому начальником органа дознания поручено проведение проверки сообщения о преступлении и принятие по нему решения в порядке, предусмотренном ст. 144–145 УПК РФ [6, с. 28–30].

Мнения указанных авторов заслуживают внимания, но соглашаясь с понятием правомочного дознавателя не можем согласится с понятием уполномоченного дознавателя, поскольку органу дознания УПК РФ предоставляет полномочия по проведению проверки сообщения о преступлении и производству отдельных процессуальных действий, которые также могут быть проведены дознавателем и в во всех случаях по поручению начальника органа дознания, а в таком случае, если органу дознания закон предоставляет указанные полномочия, зачем отдельно выделять статус такого должностного лица, как дознаватель?

Полагаем, что ответ кроется в основной функции дознавателя, а именно – осуществлять дознание, а сотрудники органа (органов) дознания по своей основной должности часто выполняют должностные функции, не связанные с уголовным судопроизводством, поэтому даже если они и выполняют отдельные процессуальные действия, не следует считать их «уполномоченными» дознавателями. Дознаватель отличается от остальных должностных лиц органа дознания именно полномочиями по производству дознания. В уголовном процессе должностным лицам органа дознания, не являющимся по правомочию либо уполномочению дознавателями, отведены вспомогательные функции

такие как: исполнение поручений по производству отдельных следственных и иных процессуальных действий, содействие этим действиям, проведение оперативно-розыскных мероприятий, исполнение постановления о приводе, задержании, заключении под стражу, производство неотложных следственных действий и другие.

Должности дознавателей имеются в органах внутренних дел, пограничных органах федеральной службы безопасности, органах принудительного исполнения, органах государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, таможенных органах (ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Понятие «орган дознания» намного шире понятия дознавателя. Помимо перечисленных органов, в которых имеются должности дознавателей, к органам дознания так же следует относить органы безопасности, органы государственной охраны, службы внешней разведки, исполнения наказаний, командиров воинских частей, соединений, военных учреждений, гарнизонов начальников органов военной полиции Вооруженных сил (ч. 1 ст. 40 УПК, ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») и во многих органах отсутствуют штатные подразделения дознания. Очевидно, что органов дознания намного больше органов, в которых существуют штатные подразделения дознания.

Но даже несмотря на отсутствие в некоторых органах штатных должностей дознавателей и подразделений, дознаватели в таких органах все равно имеются. Так, например, Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов [2] (далее – Инструкция) позволяет командирам воинских частей, соединений, военных учреждений, гарнизонов начальников органов военной полиции Вооруженных сил возложить на наиболее подготовленных и дисциплинированных офицеров своим приказом обязанности дознавателя при том, что в штате указанных органов не предусмотрены подразделения дознания.

В органах внутренних дел подразделения полиции, за исключением дознания, в силу взаимосвязанных положений Перечня подразделений полиции в территориальных органах МВД России [1] и п. 24 ст. 5, п. 1 части первой ст. 40 УПК РФ, как разъясняет Уголовно-правовое управление Договорно-правового департамента МВД России, являются органом дознания [4].

Вопреки указанным разъяснениям считаем, что нельзя произвольно наделять должностных лиц органов дознания статусом дознавателя. Многие сотрудники полиции, как и органы дознания других ведомств, далеки от уголовного судопроизводства, не сталкиваются с ним и не всегда соответствуют уровню образования, предъявляемому к дознавателю, лишь некоторые выполняют уголовно-процессуальные функции частично, такими могут являться подразделения участковых уполномоченных полиции, оперуполномоченные различных оперативных подразделений, экспертно-криминалистические подразделения.

Сразу стоит отметить, что экспертно-криминалистические подразделения, основной функцией которых является производство судебных экспертиз, проведение исследований и оказание помощи в следственных действиях в качестве специалистов, не находятся на стороне обвинения или защиты, они независимы в уголовном процессе и вопрос уполномочивания должностных лиц указанных подразделений обязанностями дознавателя неприемлем либо требует определенной тщательной процедуры, определяющей служебную деятельность, исключающую ранее либо дальнейшее участие в производстве по уголовному делу в качестве эксперта, оперуполномоченные так же не могут осуществлять дознание, если они проводили или проводят по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия (ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

В связи с изложенным, нам близко мнение, что уполномоченным дознавателем является сотрудник органа дознания, на которого приказом начальника органа дознания возложены полномочия осуществлять дознание [5, с. 10].

Разберем порядок наделения полномочиями дознавателя должностного лица органа дознания на примере органов внутренних дел. Из ч. 1 ст. 40 УПК РФ следует, что именно дознаватель уполномочен осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а не должностное лицо органа дознания. В силу контракта о прохождении службы (ст. 20 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе в органах внутренних дел) и п. 85 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации [3], а также приложение № 33 к указанному Порядку) сотрудник полиции (органов внутренних дел) не был обязан выполнять обязанности по должности дознавателя, соответственно для приобретения статуса дознавателя, поручения начальника органа дознания не только недостаточно, но и незаконно, поскольку для других должностных лиц возникает изменение правоотношений на службе в органах внутренних дел.

Временное возложение исполнения обязанностей дознавателя на должностных лиц иных подразделений органа дознания происходит путем издания организационно-распорядительного документа, а именно приказа уполномоченного руководителя о временном возложении обязанностей в соответствии с п. 8 ст. 31 Закона о службе в органах внутренних дел.

Таким образом можно считать, что *правомочным дознавателем* является должностное лицо органа дознания, назначенное на должность дознавателя в установленном законом порядке, входящего в штат подразделения дознания, выполняющее обязанности дознавателя на постоянной основе, основным назначением которого является производство дознания, *уполномоченным дознавателем* является должностное лицо органа дознания, не являющееся назначенным

на штатную должность дознавателя, но в силу организационно-распорядительного документа начальника органа дознания: 1) на которого возложено временное исполнение обязанности штатного дознавателя (временное исполнение обязанностей); 2) которому делегировано осуществление полномочий дознавателя, в случае отсутствия в штате подразделения дознания.

Полномочиями на издание соответствующего приказа в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 1 Закона о службе в органах внутренних дел обладают должностные лица не ниже начальника территориального органа, соответственно начальники отделов (отделений) полиции, являющиеся в уголовном процессе начальниками органа дознания, не правомочны наделять должностных лиц органа дознания полномочиями дознавателя.

Придерживаясь мнения, что нельзя произвольно наделить любое должностное лицо органа дознания полномочиями дознавателя, следует предусмотреть определенный порядок, элементами которого будут являться: 1) выяснение факторов, влияющих на возможность приобретения статуса уполномоченного дознавателя, соответствия квалификационных требований (характеристик), например: наличие высшего юридического образования (приложение 13 к Порядку организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации) и других обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу в качестве дознавателя: например, проведения по данному уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий, исследований, экспертиз и других; 2) определение перечня начальников органов дознания, наделенных полномочиями по возложению на должностных лиц органов дознания обязанностей дознавателя; 3) определение вида издаваемого организационно-распорядительного документа, которым должностное лицо органа дознания наделяется обязанностями дознавателя; 4) прохождение обучения (подготовки) по должности дознавателя.

Важно отметить, что для органов дознания, в которых не предусмотрены штатные подразделения дознания, должны действовать: 1) определенные пределы полномочий, такие как: возбуждение уголовного дела, производство неотложных следственных действий и дальнейшая передача уголовного дела по подследственности; 2) запреты, такие как: отказ в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 2–5 ч. 1 ст. 24 УПК, привлечение лица в качестве обвиняемого, соединение уголовных дел, выделение уголовного дела, выделение в отдельное производство материалов уголовного дела, приостановление предварительного следствия, прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в отношении подозреваемого. Такие ограничение необходимы поскольку ст. 151 УПК РФ не определяет подследственность, органам, в которых отсутствуют «штатные» дознаватели, соответственно не уполномочены в полном объеме осуществлять предварительное расследование. Для дознавателей Вооруженных сил такие пределы полномочий определены

ст. 61 вышеупомянутой Инструкции. В случае же исполнения обязанностей дознавателя в штатном подразделении дознания пределы его полномочий будут ограничены лишь УПК РФ и такой дознаватель будет обладать правом производства дознания в полном объеме.

Таким образом, вопрос уполномочивания должностного лица органа дознания полномочиями дознавателя требует законодательного и ведомственного регулирования. Полагаем необходимым внесения изменений в УПК РФ: дополнить статью 40 УПК РФ частью четвертой следующего содержания: «Порядок возложения полномочий дознавателя на должностных лиц органа дознания и пределы его полномочий определяются руководителями федеральных органов исполнительной власти, указанных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ».

Список источников

1. О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30.04.2011 № 333: ред. 06.02.2025. Документ опубликован не был. Доступ из специализир. территориально распределен. автоматизир. системы «Юрист».
2. Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150: ред. от 20.07.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50: ред. от 30.01.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Является ли оперативный дежурный дежурной части территориального органа МВД России сотрудником органа дознания или дознавателем, имеет ли он право направлять запрос на проведение исследований в ходе проверки сообщения о преступлении: письмо УПУ ДПД МВД России от 23.01.2018. Документ опубликован не был. Доступ из специализир. территориально распределен. автоматизир. системы «Юрист».
5. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие / Н. Ю. Дутов, Е. В. Касьянова. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2021. 83 с.
6. Клементьева Е. С. К вопросу о понятии «дознаватель» в УПК России // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 4. С. 28–30.
7. Корякина З. И. К вопросу о понятии дознавателя в уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2022. № 8 (212). С. 132–134.

УДК 343.132.1

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С УМЫШЛЕННЫМ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

***А. В. Неустроева**, профессор кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***А. Н. Гутникова**, слушатель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье авторами рассмотрены особенности применения тактических приемов в ходе проведения осмотра места происшествия по уголовным делам, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Аналитический обзор статистических показателей позволяет сделать вывод о совершении на территории Российской Федерации значительного количества общественно опасных деяний против личности и собственности, анализ судебно-следственной практики, в свою очередь, свидетельствует об отклонении сотрудниками правоохранительной системы от разумных сроков уголовного преследования из-за нехватки элементов доказательственной базы. Кроме того, рассматривается проблема данного вопроса – отсутствие акцента должностных лиц органов внутренних дел на применение криминалистических рекомендаций в процессе обнаружения, фиксации, изъятия следов.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактический прием, биологические следы, тяжкий вред, осмотр места происшествия.

TACTICAL FEATURES OF INSPECTION OF THE INCIDENT SCENE IN CRIMINAL CASES RELATED TO INTENTIONAL CAUSING OF SERIOUS BAD BLOW

***A. V. Neustroeva**, professor of the Department of Criminalistics and Special Techniques of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***A. N. Gutnikova**, the cadet of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

An analytical review of statistical indicators allows us to conclude that a significant number of socially dangerous acts in the sphere of personality and property are committed on the territory of the Russian Federation. An analysis of judicial and investigative practice, in turn, indicates that law enforcement officers deviate from reasonable terms of criminal prosecution due to a lack of elements of the evidentiary base. We consider the problematic of this issue to be the lack of emphasis by officials of the internal affairs bodies (hereinafter referred to as the IAB) on the use of forensic recommendations in the process of detection, recording, and seizure of traces. In this article, the authors consider the possibilities of using tactical techniques when conducting an inspection of the scene of a crime in criminal cases related to the intentional infliction of serious bodily harm.

Keywords: forensic tactics, tactical technique, biological traces, serious harm, inspection of the scene of a crime.

Преобладание в настоящее время преступлений информационно-телекоммуникационной сферы снижает представление молодого поколения сотрудников правоохранительной системы о значимости производства осмотра места происшествия, а тем более учета тактических рекомендаций, предусмотренных криминалистической наукой. Расследование умышленного причинения вреда здоровью – это иная категория общественно опасных деяний, в которой вышеуказанное следственное действие играет огромную роль, ввиду наличия большого массива следов, имеющих доказательственную ценность.

Целесообразно обратиться к судебно-следственной практике, в рамках которой было замечено о достаточно медленном сборе следственно-оперативной группы после поступления сообщения о преступлении в дежурную часть территориального органа, что в прогрессии приводило к утрате ряда следов, имеющих

важное идентификационное значение. Кроме того, в ходе непосредственного производства осмотра места происшествия по рассматриваемой категории уголовных дел, должностными лица предварительного расследования не были реализованы возможные тактические приемы, что приводило к аналогичному вышеупомянутому исходу. В связи с изложенным, представляется важным изучение особенностей применения криминалистической тактики при осуществлении работы в рамках осмотра места происшествия по уголовным делам, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью.

Традиционно доктринально закреплены три ключевых этапа при проведении исследуемого следственного действия [1, с. 68].

Рассматривая каждый из них в отдельности, следует отметить незначительность или вовсе отсутствие как таковой подготовки к производству осмотра места происшествия. Крайне негативным в упомянутом аспекте является отсутствие критерия должного сбора технико-криминалистических средств. Представляется важным, что при производстве осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, необходимо обязательное присутствие набора для работы с биологическими следами, так как это ценный информационный ресурс для установления дальнейшего тождества между доказательствами. Однако интервьюирование сотрудников следственных и экспертных подразделений показало, что они располагают недостаточным количеством реагентов, что, в свою очередь, нередко приводит к уничтожению биоматериала, и как следствие, невозможности проведения ДНК-профилирования.

На наш взгляд, обязательными компонентами криминалистического чемодана при производстве осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, являются: реагенты для обнаружения скрытых, труднодоступных следов биологических выделений; пробационные наборы для определения к какому именно биоматериалу относится тот или иной след; тест-полоски, по типу HemoPHAN, являющиеся более эффективной альтернативой перекиси водорода; ватные палочки или приспособления подобного вида с ершистой поверхностью; средства индивидуальной защиты (перчатки без талька, марлевые повязки, медицинские шапочки, маска и иное); стерильные приборы (ножницы, скальпель, пинцет и так далее); бумажная дышащая упаковка.

Рабочий этап включает в себя методы статического и динамического осмотра, в частности, изучение обстановки преступного события без нарушения ее первоначального состояния и исследование предметов и объектов, с изменением их первоначального месторасположения и состояния, соответственно [3, с. 95].

Целесообразно упомянуть о необходимости правильного выбора тактического приема. При производстве осмотра места происшествия по исследуемой

категории уголовных дел, приемлемо использование концентрического тактического приема, который определяет проведение осмотра от периферии к центру (к ключевому объекту). Данный метод помогает в более полном построении следовой картины, возможности не упустить значимые объекты. При этом непосредственная реализация рабочего этапа содержит необходимость акцента внимания на таких объектах, как: характер, расположение осматриваемой местности, находящиеся поблизости объекты строения, дороги, учреждения; следы, механизм отражения которых приводит к выдвижению версии о применении насилия – разбитая посуда, опрокинутая мебель, объекты на предметах обстановки; предметы, посредством которых пострадавшему был причинен вред здоровью; предметы и их части, потерянные, брошенные преступником; недоеденная пища; возможная посуда с остатками предполагаемого отравляющего вещества; специфические для места происшествия объекты, которые могли остаться на теле, одежде, обуви преступника или потерпевшего (цементная, угольная пыль, краска и иное) [3, с. 96].

Заключительный этап осмотра места происшествия предполагает составление протокола, фототаблицы или иных приложений. Как правило, на данном этапе ошибки не допускаются, за исключением неприемлемых формулировок при непосредственном составлении указанных документов.

Анализ фототаблиц к протоколам осмотров мест происшествий, к сожалению, часто демонстрирует неполные пояснительные тексты. Например, «…обстановка в камере № 147 на момент проведения осмотра». В тоже время, с учетом криминалистических требований, описание должно включать порядковый номер фотографии, съемочные приемы и методы криминалистической фотографии.

Еще одним негативным примером при составлении процессуальных документов является использование формулировок, таких как «след, похожий на кровь» или «изымается кровь». С учетом доктринально закрепленных правил, считаем недопустимым употребление похожих терминов, ввиду отсутствия уверенности в данном факте. Неприемлемым это является и с точки зрения того, что подобные утверждения возможно приравнять к выводам, что нельзя считать верным [2].

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что каждое противоправное деяние имеет свою направленность, а это предполагает наличие индивидуально подобранного процесса проведения того или иного следственного действия с учетом криминалистических рекомендаций, направленных на оптимизацию реализации такового. По уголовным делам, связанным с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, использование тактики наиболее приемлемо, ввиду наличия достаточно обширного перечня следов, позволяющих идентифицировать виновное лицо.

Список источников

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с.
2. Гилинский Я. И. Преступность в обществе постмодерна: учеб. пособие // URL: http://www.crimpravo.ru/my/gilinski/ (дата обращения: 29.04.2025).
3. Трифонов И. В. Особенности проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2024. №1. С. 95–98.

УДК 343.3/.7

ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

***И. В. Никитенко**, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, доктор юридических наук, профессор;*

***Н. В. Подгорная**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье представлен краткий обзор развития сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией и укрепление межгосударственных отношений в области противодействия трансграничной преступности, что связанно с географическим положением стран партнеров. Автор отмечает, что результаты криминологических исследований позволяют прийти к выводу о том, что развитие двусторонних отношений в разных сферах должны сопровождаться развитием межгосударственных связей в области противодействия трансграничной преступности. Данное направление деятельности между Россией и Китаем влечет за собой необходимость совершенствования взаимодействия правоохранительных органов.

Ключевые слова: Китай, криминологические исследования, межгосударственные отношения, Россия, сотрудничество, трансграничная преступность.

ISSUES OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA IN THE FIELD OF COMBATING CROSS-BORDER CRIME

***I. V. Nikitenko**, professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Doctor of Law, Professor;*

***N. V. Podgornaya**, senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article provides a brief overview of the development of cooperation between the PRC and the Russian Federation and the strengthening of interstate relations in the field of combating cross-border crime, which is related to the geographical location of the partner countries. The author notes that the results of criminological research allow us to conclude that the development of bilateral relations in various fields should be accompanied by the development of interstate relations in the field of combating cross-border crime. This area of activity between Russia and China entails the need to improve cooperation between law enforcement agencies.

Keywords: China, criminological research, interstate relations, Russia, cooperation, cross-border crime.

Развитие сотрудничества между Китаем и Россией имеет многогранный характер. Очевидно, что укрепление межгосударственных отношений во многом определяется географическим положением наших государств.

Так, протяженность сопредельных территорий Китайской Народной Республики и России весьма значительна.

Известно, что в приграничных районах Российской Федерации и Северо-Восточной части Китайской Народной Республики сосредоточены несколько крупных административно-территориальных образований, среди которых Забайкальский, Хабаровский и Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области. На сопредельных северо-восточных территориях Китая располагаются два весьма крупных административно-территориальных образования, среди которых провинция Хэйлунцзян и провинция Цзилинь. Также к приграничным территориям со стороны России относится Республика Алтай, а со стороны Китая – Внутренняя Монголия.

Как отмечают ученые, столь близкое соседство двух великих держав, какими являются Россия и Китай, дает значительные экономические и другие преимущества. Однако очевидно и то, что динамичный рост межгосударственных экономических связей может сопровождаться, негативными и криминальными явлениями, такими как трансграничная и транснациональная преступность. Поэтому возникает необходимость укрепления межгосударственного взаимодействия по противодействию указанным криминальным вызовам. Одним из направлений такого сотрудничества является противодействие преступлениям в сфере лесопромышленного комплекса.

Так, уже в 2018 г. на заседании в Шанхае российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств сторонами были высоко оценены совместные усилия стран в природоохранной деятельности и рациональном использовании природных ресурсов. Среди обсуждаемых тем особое внимание уделяется вопросам охраны амурского тигра, сохранению и восстановлению популяций перелетных птиц, совместным мероприятиям в международном заповеднике «Даурия» и заповеднике «Озеро Ханка» [4].

17–18 июля 2023 г. в Пекине состоялось 18-е заседание Постоянной Российско-Китайской рабочей группы по освоению и использованию лесных ресурсов. Главной темой стала реализация сотрудничества России и Китая в области освоения, использования и охраны лесных ресурсов. В формате указанного мероприятия состоялся круглый стол, на котором обсуждались вопросы развития российской-китайского сотрудничества в сфере лесопромышленного комплекса и были представлены материалы об опыте реализации проектов в области охраны лесов. Было акцентировано внимание на том, что Россия продолжит конструктивное сотрудничество с Китаем по пресечению незаконных поставок российской древесины в КНР, а также по восстановлению лесов. Стороны сошлись во мнении о необходимости укрепления межгосударственного сотрудничества в области охраны природных ресурсов, чтобы не навредить сторонам-участницам законного экспорта и не доводить до ограничительных мер [3].

В связи с этим эксперты акцентируют внимание на том, что природные ресурсы представляют повышенный интерес со стороны криминальных структур. Поэтому Китай и Россия должны тесно взаимодействовать, чтобы пресекать незаконную заготовку древесины и других природных ресурсов, а также легализацию преступных доходов, полученных от такой деятельности.

С опорой на исследования особенностей экономического развития и сопровождающих эти процессы криминогенные факторы в регионах Сибирского и Дальневосточного федерального округа РФ можно прийти к выводу о специфике экологической преступности на обозначенных территориях. Так указанное направление преступности составляют преступленные деяния в сфере лесопромышленного комплекса, незаконной добычей и последующей контрабандой редких животных и биологических ресурсов в целом, легализацией вырученных от подобной преступной деятельности доходов и так далее.

Стоит отметить, что распространенность указанных преступлений обусловлена тем, что природные ресурсы являются одними из основных и доступных источников доходов на указанных территориях.

В этой связи некоторые эксперты приходят к выводу, что вопросы противодействия трансграничной преступности стали важным аспектом развития межгосударственных связей в вопросах обеспечения национальной безопасности [2, с. 134–140].

Борьба с трансграничной преступностью и защита прав инвесторов стали главными темами на переговорах Генеральной прокуратуры России и Китая, которые состоялись 25 июля 2024 г. в столице Киргизской Республики городе Бишкеке.

По итогам переговоров Генеральный прокурор России Игорь Краснов и Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры КНР Ин Юн подписали в Бишкеке программу сотрудничества прокуратур двух стран.

Как отметил в ходе встречи со своим китайским коллегой на полях заседания генпрокуроров государств-членов ШОС глава российской Генпрокуратуры, это уже седьмая программа совместных российско-китайских мероприятий.

Подписанная программа сотрудничества между Генеральной прокуратурой РФ и Верховной народной прокуратурой КНР на 2025–2026 гг. основана на соглашении о сотрудничестве прокуратур двух стран от 12 июля 2023 г. и предусматривает обмен материалами об опыте работы органов и организаций прокуратуры, встречу экспертов по вопросам защиты предпринимателей, в том числе инвесторов, с привлечением представителей прокуратур приграничных регионов России и Китая, круглый стол по теме борьбы с правонарушениями в экологической сфере. Также она предусматривает обучение для прокурорских работников в ведомственных образовательных учреждениях другой страны, которое ежегодно будут проходить по пятнадцать прокуроров от каждой стороны. Генеральный прокурор России, отметил, что «успешная реализация достигнутых между нашими ведомствами договоренностей, безусловно, внесет весомый вклад в развитие межгосударственных отношений в целом, повысит результативность борьбы с транснациональной преступностью» [1].

В заключение необходимо отметить, что результаты криминологических исследований позволяют сделать вывод о том, что развитие двусторонних экономических отношений России и Китая должны сопровождаться укреплением межгосударственного сотрудничества в области противодействия трансграничной преступности. Данное направление деятельности между двумя государствами влечет за собой необходимость совершенствования взаимодействия правоохранительных органов наших стран.

Список источников

1. Генпрокуратуры России и Китая подписали программу сотрудничества // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/20240725/prokuratury-1961855293.html (дата обращения: 31.03.2025).
2. Кобец П. Н., Никитенко И. В. Правовое обеспечение предупреждения трансграничной преступности в формате полицейского сотрудничества стран СНГ: ретроспективный анализ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 133–140.

3. Рослесхоз: Россия и Китай сотрудничают в области лесного хозяйства // Федеральное агентство лесного хозяйства: [сайт]. URL: https://rosleshoz.gov.ru/news/federal/rosleskhoz-rossiya-i-kitay-sotrudnichayut-v-oblasti-lesnogo-khozyaystva-n10630/ (дата обращения: 31.03.2025).
4. Состоялась 26-я регулярная встреча глав правительств России и Китая // Посольство России в Китае: [сайт]. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/26_ya_regulyarnaya_vstreche_glav_pravitelstv_rossii_i_kitaya/ (дата обращения: 31.03.2025).

УДК 343.13

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: СЛОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ, СТАТЕЙ 226^3–226^6 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Ю. Г. Овчинников**, начальник кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***Д. В. Ли**, инспектор группы анализа, планирования и контроля отдела МВД России по г. Уссурийску Приморского края*

Статья посвящена проблемным вопросам применения положений, закрепленных статьями 226^3–226^6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Исследуется сущность согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме, а также обязанность дознавателя разъяснить подозреваемому право подачи ходатайства на производство дознания. Анализируются положения процессуального законодательства и научные позиции исследователей относительно целесообразности согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме, и его право заявить ходатайство о прекращении производства в данной форме расследования, выявлены недостатки, связанные с ограниченными сроками дознания.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, предварительное расследование, разумный срок, согласие потерпевшего, подозреваемый, эффективность и достаточность действий дознавателя.

INQUIRY IN ABBREVIATED FORM: DIFFICULTIES IN APPLYING THE PROVISIONS OF ARTICLES 226^3–226^6 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Yu. G. Ovchinnikov**, head of the Department of Criminal Procedure of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***D. V. Li**, inspector of the Analysis, Planning and Control Group of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Ussuriysk, Primorsky Krai*

The article is devoted to problematic issues of the application of the provisions stipulated in Articles 226^3–226^6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article examines the essence of the victim's consent to conduct an inquiry in an abbreviated form, as well as the duty of the inquirer to explain to the suspect the right to file a petition for an inquiry. The provisions of the procedural legislation and the scientific positions of researchers regarding the expediency of the victim's consent to conduct an inquiry in an abbreviated form, and their right to file a motion to terminate proceedings in this form of investigation are analyzed, and shortcomings related to the limited time of the inquiry are identified.

Keywords: inquiry in abbreviated form, preliminary investigation, reasonable time, consent of the victim, suspect, effectiveness and sufficiency of the investigator's actions.

Институт дознания в сокращенной форме, закрепленный в главе 32^1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), уже более десяти лет остается неотъемлемым элементом системы досудебного производства. Несмотря на длительный период функционирования, нормативное регулирование данного института характеризуется определенным консерватизмом – соответствующие положения УПК РФ не подвергались существенной законодательной корректировке. Анализ правоприменительной практики и доктринальных исследований позволяет констатировать, что нормативная конструкция обозначенной главы не в полной мере отвечает требованиям юридической техники и процессуальной эффективности.

Дознание в сокращенной форме введено в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. Данное законодательное решение было обусловлено необходимостью оптимизации досудебного производства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, не представляющих большой общественной опасности и сложности в установлении обстоятельств дела. Она применяется дознавателем по ходатайству подозреваемого, с согласия потерпевшего в соответствии с установленной законом процедурой.

Дознание в данной форме является важным инструментом оптимизации уголовного судопроизводства и предполагает упрощение процесса сбора доказательств и сужение рамок доказывания. Данный механизм направлен на ускорение процесса расследования преступлений небольшой и средней тяжести и, как следствие, снижение нагрузки на органы предварительного расследования и суды. Разделение дознания на общий и сокращенный порядок положительно

влияет на эффективность предварительного следствия, уменьшая связанные с ним затраты и ускоряя реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса. Данная форма расследования представляет собой двойное упрощение предварительного следствия. По справедливому высказыванию отдельных авторов, даже дознание в общем порядке уже является упрощенным вариантом по сравнению с полноценным расследованием, проводимым следователем [4, с. 38].

Дознание в сокращенной форме представляет собой особый процессуальный режим, применение которого обусловлено совокупностью нормативно закрепленных в главе 321 УПК РФ условий. Вместе с тем, заслуживает особого внимания анализ положений статей 226^3–226^6 УПК РФ, регламентирующих порядок инициирования этой формы расследования.

Примечательной особенностью процессуальной конструкции дознания в сокращенной форме является возможность предварительного формирования решения о его производстве еще на стадии проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), то есть до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. После выполнения требований, предусмотренных ст. 226^1–226^2 УПК РФ, дознаватель переходит к выполнению требований, установленных ст. 226^3–226^4 УПК РФ.

В соответствии со ст. 226^4 УПК РФ на дознавателя возлагается обязанность до первого допроса разъяснить подозреваемому право ходатайствовать о применении сокращенной формы дознания, особенности данного процессуального механизма и его последствия. Ключевым преимуществом для подозреваемого является положение о том, что при применении этого вида дознания размер наказания не может превышать половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей особенной части Уголовного кодекса РФ. Процессуальный механизм инициирования данной формы расследования характеризуется четкими временными рамками: подозреваемому предоставляется 2 суток на подачу соответствующего ходатайства, а дознавателю – 24 часа на принятие решения о его удовлетворении либо отказе в удовлетворении. При этом о принятом решении в течение 24 часов уведомляются прокурор и потерпевший.

Принципиальное значение имеет положение ч. 3 ст. 226^3 УПК РФ, согласно которому производство дознания в сокращенной форме возможно только при условии согласия потерпевшего. Данная норма вызывает дискуссии в научном сообществе. Некоторые исследователи, в частности В. А. Середнев, полагают, что «предоставление потерпевшему фактического права вето на применение сокращенной формы дознания противоречит принципу публичности уголовного процесса, основанному на ст. 2 Конституции Российской Федерации» [5, с. 80].

Диденко Н. С. и Лапатников М. В. предлагают «ограничить права подсудимого возражать против производства дознания в сокращенной форме путем закрепления за ним права заявить об этом в течение всего досудебного производства и на подготовительной части судебного разбирательства, и оставить право возвращения уголовного дела только суду при выявлении фактов, свидетельствующих о самооговоре подсудимого или указывающих на существенные нарушения закона, не позволяющие вынести правосудное итоговое решение» [3, с. 142].

В части того, что потерпевший имеет право возражать против производства дознания в сокращенной форме, в полном объеме реализуются его конституционные права, закрепленные в ст. 2 Конституции РФ, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, и ст. 52 Конституции РФ – права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, так как на стадии досудебного производства потерпевшему дано право принять значимое процессуальное решение. От воли потерпевшего будет зависеть судьба лица, совершившего преступление, и таким образом законодатель придает воле потерпевшего основополагающее значение при принятии им решения о переходе на расследование уголовного дела в сокращенной форме. Все это способствует соблюдению принципов законности и состязательности в уголовном процессе. Право потерпевшего на переход к сокращенному расследованию возникает после ходатайства подозреваемого. При этом права подозреваемого не нарушаются, что соответствует нормам Конституции РФ.

Законодательный подход, отраженный в ч. 3 ст. 226^3 УПК РФ, устанавливает своеобразный процессуальный паритет между сторонами, наделяя как подозреваемого (обвиняемого), так и потерпевшего (его представителя) идентичным правом инициировать прекращение дознания в сокращенной форме до момента удаления суда в совещательную комнату. Императивный характер данной нормы, выраженный в обязательности удовлетворения соответствующего ходатайства, создает предпосылки для возможных злоупотреблений процессуальными правами со стороны участников судопроизводства.

Потерпевший может использовать свое право для шантажа подозреваемого, а подозреваемый – для влияния на органы уголовного преследования и суд. Предлагается нормативно закрепить исчерпывающий перечень оснований, при которых участники уголовного процесса могут ходатайствовать о прекращении дознания в сокращенной, или же предусмотреть правовой механизм компенсации за умышленное нарушение порядка производства по уголовному делу путем изменения позиции относительно формы расследования, что обеспечит процессуальную дисциплину и соблюдение разумных сроков судопроизводства.

Требует концептуального переосмысления и процедура получения согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме. Представляется необходимой законодательная регламентация порядка процессуальной фиксации волеизъявления потерпевшего, с приоритетом его допроса до первого допроса подозреваемого и обязательным разъяснением всех процессуальных последствий применения сокращенной формы дознания. Подобный подход соответствовал бы принципам состязательности и процессуальной экономии, укрепляя при этом особый статус потерпевшего как лица, пострадавшего от преступления и понесшего соответствующие неблагоприятные последствия физического, психологического или имущественного характера.

Представляется целесообразным законодательное совершенствование процедуры получения согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме. Оптимальным механизмом фиксации волеизъявления является отражение позиции потерпевшего в протоколе допроса с обязательным разъяснением процессуальных последствий применения данной формы расследования. По делам, возбужденным в отношении конкретного лица, необходимо нормативно закрепить императивное требование о проведении допроса потерпевшего до первого допроса подозреваемого. Альтернативным вариантом может служить вручение потерпевшему специального процессуального документа (уведомления), содержащего исчерпывающую информацию о порядке и правовых последствиях сокращенной формы дознания. При этом следует уведомлять потерпевшего о том, что первоначальный отказ от производства дознания в сокращенной форме не исключает возможности последующего изменения процессуальной позиции. В свою очередь, подозреваемому должна разъясняться не безусловность права на заявление соответствующего ходатайства, а возможность его реализации при наличии согласия потерпевшего.

Еще одна проблема дознания в сокращенной форме, по нашему мнению, содержится в статье 226^{6} УПК РФ, согласно которой срок дознания в сокращенной форме не может превышать 15 суток. В исключительных случаях он может быть продлен до 20 суток. Такие сжатые сроки создают трудности в полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела. Дознавателю часто не хватает времени на проведение необходимых следственных действий, что может привести к выходу из сокращенной формы дознания в обычную, и, как следствие, потерю предусмотренных ч. 6 ст. 226^{9} УПК РФ «преференций» в виде максимального порога вероятного наказания, который в настоящее время составляет не более 1/2 от максимально возможного.

В практической деятельности нередко встречаются ситуации, когда преступление, изначально кажущееся простым и очевидным, в процессе дознания оказывается значительно сложнее в расследовании, чем предполагалось при возбуждении уголовного дела и требующее проведения, в том числе, сложных и затяжных экспертиз.

Так, адвокат в своей кассационной жалобе указывал на незаконный отказ в удовлетворении ходатайства Щ. о проведении дознания в сокращенной форме. Затягивание сроков дознания по вине правоохранительных органов повлияло на окончательный срок назначенного наказания. Однако кассационный суд установил, что материалы дела свидетельствуют о том, что дознание проведено в сроки, установленные ст. 223 УПК РФ. Несмотря на своевременное назначение криминалистической экспертизы (через 5 дней после возбуждения уголовного дела), ее проведение заняло более пятнадцати дней, превысив срок, предусмотренный ч. 1 ст. 226^6 УПК РФ. В связи с этим проведение дознания в общем порядке, согласно ст. 226^7 УПК РФ, обосновано [2].

Таким образом, в данном случае выход в общую форму дознания произошел ввиду объективных и ни от кого независящих причин, только лишь в связи со сроками проведения экспертизы по делу.

В этой связи полагаем необходимым внести законодательные изменения в статью 226^6 УПК РФ, увеличив срок сокращенного дознания до 20 суток с возможностью увеличения до 30. Кроме того, полагаем необходимым возможность дознавателю приостанавливать течения указанного срока одновременного с назначением экспертизы, чтобы избежать как в приведенном выше примере из судебной практики необходимости переходить на обычную форму дознания по формальному основанию – истечение предельного срока. Полагаем, что указанное изменение благоприятно скажется на целях дознания в сокращенной форме с учетом вектора на гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, несмотря на существующие несовершенства положений в статьях 226^3–226^6 УПК РФ, права потерпевшего при производстве уголовного дела в сокращенной форме дознания защищаются более полно, чем при иных формах расследования. Для перспективного развития сокращенной формы дознания в обозначенных нормах требуется закрепление поэтапного порядка получения согласия у потерпевшего на расследования уголовного дела в сокращенной форме дознания, введение обязательных конкретных условий при которых участники уголовного процесса (потерпевший, его представитель, подозреваемый, обвиняемый) имели возможность заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме, или же предусмотреть возможность требования компенсации органами предварительного расследования, а также увеличение максимального срока дознания в сокращенной форме до 20 суток с возможностью продления до 30 суток.

Список источников

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.
2. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2024 № 7У-10514/2023, 77–9/2024, 77–4040/2023 (УИД 77RS0018–02–2023–007110–08). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Диденко Н. С., Лапатников М. В. Перспективы развития дознания в сокращенной форме как института отечественного уголовно-процессуального права // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 137–145.
4. Рябчиков В. М., Савельев И. И., Решетняк К. В. Дознание в сокращенной форме // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 37–40.
5. Середнев В. А. Дознание в сокращенной форме как отказ от института допустимости доказательств // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях: сборник науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (14 января 2015 г.). Т. 2. Санкт-Петербург. 2015. С. 80–83.

УДК 343.143.5

ПОКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

***Ю. Г. Овчинников**, начальник кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент;*

***А. А. Максименко**, оперуполномоченный отдела межведомственного взаимодействия и профилактики управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Приморскому краю*

Статья посвящена уголовно-процессуальному механизму формирования и использования допустимости показаний несовершеннолетних потерпевших. Авторами предлагается снизить возраст уголовной ответственности за дачу ложных показаний до 14 лет, а также сократить продолжительность непрерывного допроса несовершеннолетних до 45 минут.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, несовершеннолетний, потерпевший, допустимость доказательств.

TESTIMONY OF A MINOR VICTIM: PROBLEMS OF USE IN EVIDENCE ON A CRIMINAL CASE

***Yu. G. Ovchinnikov**, head of the Department of Criminal Procedure of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor;*

***A. A. Maksimenko**, operative Officer of the Department of Interdepartmental Interaction and Prevention of the Drug Trafficking Control Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Primorsky Krai*

The article is devoted to the criminal procedure mechanism for the formation and use of the admissibility of testimony of minor victims. The authors propose lowering the age of criminal responsibility for giving false testimony to 14 years, as well as reducing the duration of continuous interrogation of minors to 45 minutes.

Keywords: criminal proceedings, interrogation, mino, victim, admissibility of evidence.

Надлежащее расследование уголовных дел требует неукоснительного соблюдения процессуальных норм, установленных законодательством. Особую значимость данное требование приобретает при проведении предварительного следствия с участием несовершеннолетних, в том числе потерпевших, поскольку процессуальные действия с их участием имеют ряд специфических особенностей.

Процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего предполагает его участие в различных следственных действиях, включая допрос, очную ставку, проверку показаний на месте. Среди указанных процессуальных действий наиболее информативным с точки зрения формирования доказательственной базы является допрос.

В соответствии с положениями ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предварительное расследование по делам с участием несовершеннолетних может осуществляться как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд специальных *требований* к проведению допроса несовершеннолетних потерпевших, что обусловлено необходимостью обеспечения их психологической безопасности и достоверности получаемых показаний:

1) обязательное участие педагога или психолога до шестнадцатилетнего возраста, а также лиц, достигших этого возраста, но имеющих психические отклонения (ч. 1, 4 ст. 191 УПК РФ). Данное требование является существенным процессуальным условием, несоблюдение которого влечет недопустимость полученных доказательств (п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ);

2) дифференцирован временной режим проведения следственных действий в зависимости от возрастной категории несовершеннолетних «чем младше ребенок, тем более сокращена продолжительность допросов»: для лиц до 7 лет – не более 30 минут без перерыва и не более часа в день; от 7 до 14 лет – не более часа без перерыва и двух часов в день; старше 14 лет – не более двух часов без перерыва и четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ);

3) установлен особый порядок допроса до 16 лет, освобождая их от предупреждения об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания (ст. 307, 308 Уголовного кодекса РФ) (далее – УК РФ). При этом следователь разъясняет им важность сообщения правдивых сведений (ч. 2 ст. 191 УПК РФ);

4) обязательная видеофиксация показаний при наличии согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя. Данное требование направлено на минимизацию психологического травмирования от повторных допросов и обеспечение полноты фиксации не только вербальной информации, но и невербальных реакций (ч. 5 ст. 191 УПК РФ).

Примечательно, что протокол допроса несовершеннолетнего, по мнению отдельных исследователей, рекомендуется составлять после завершения устной части, а не в процессе допроса [1, с. 184]. Это позволяет обеспечить непрерывный психологический контакт с допрашиваемым и не отвлекать его внимание.

В следственной практике возникает проблема оценки достоверности показаний несовершеннолетних потерпевших. Психологические особенности данной категории лиц, включая склонность к фантазированию, внушаемость, ограниченный понятийный аппарат, требуют особой осмотрительности при оценке полученных сведений.

Перед допросом следователь обязан предупредить несовершеннолетнего старше 16 лет об ответственности за лжесвидетельство для того, чтобы получить от него правдивые сведения. При допросе до 16 лет нет необходимости в подобном предупреждении, в связи с невозможностью привлечения его к уголовной ответственности за данное преступление.

Полагаем, что эта норма закона малоэффективна, поскольку убедить допрашиваемого говорить правду достаточно трудно, в особенности, когда оно заинтересовано в конкретном исходе расследования. Целесообразно внести изменения в УК РФ и УПК РФ, понизив возраст несовершеннолетних, с которого их можно привлечь к ответственности за лжесвидетельство до 14-летнего возраста.

Рассматривая проблему допроса ювенальной юстиции, следует обратить внимание на обстоятельства, отрицательно воздействующие на достоверность показаний несовершеннолетнего. Например, специфика физиологического и психического развития, выражающаяся в непонимании деталей (склонность сосредотачиваться на важных, незначительных деталях или думать, что нужно убедить других, привлечь их внимание к себе, склонности к фантазированию) [3] или синдром дефицита внимания, вызванный состоянием отвлечения внимания, которое возникает гораздо быстрее, чем у взрослых.

Законодатель при определении времени допроса подростка не учел тот факт, что он может уставать по различным причинам. К таковым относятся различные виды заболеваний или психических состояний [9, с. 7]. По мнению И. А. Сикорского «состояние переутомления, приводящего к ослаблению концентрации внимания, у подростков наступает примерно через 1–2 часа непрерывной интеллектуальной работы» [8].

Допрос – одно из распространенных следственных действий, требует от ребенка максимального использования воображения. Полагаем, что для повышения достоверности показаний несовершеннолетнего целесообразно внести в УПК РФ несколько изменений.

Во-первых, *необходимо ограничить время* на допрос. При определении продолжительности допроса подростков от 7 лет и выше, следует учитывать длительность уроков в школе, установленную детской психологией, которая,

как правило, составляет 45 минут. При этом общую длительность данного следственного действия оставить неизменной (не более 2 или 4 часов) [8; 5, с. 28–30; 2, с. 228–235; 6, с. 62].

Во-вторых, в ст. 191 УПК РФ целесообразно закрепить обязанность следователя *прекратить допрос в случае усталости* несовершеннолетнего в момент его допроса. Примечательно, что схожая норма закреплена в ч. 4. ст. 209 УПК Республики Казахстан, где установлено право прекратить допрос до прекращения времени, установленного УПК Республики Казахстан, для его проведения в случае бесспорной усталости допрашиваемого ребенка.

Думается, что предложенные изменения в отечественном законодательстве позволят устранить возможность дачи ложных сведений и усталость подростка на допросах.

Продолжая рассуждения в данном направлении, отметим, что проблемным аспектом допроса несовершеннолетнего потерпевшего также является *вопрос о допустимости его показаний*.

В доктринальном пространстве представлены различные подходы к определению допустимости показаний несовершеннолетних. С. В. Матвеев придерживается традиционного определения допустимости как «соответствия формальным требованиям закона: получение надлежащим лицом, законным способом, из законного источника» [4, с. 937]. Однако данная формулировка не учитывает специфику показаний несовершеннолетних, требующих наличия особой «эталонной формы» их получения.

Существенный вклад в разработку теоретических аспектов допустимости показаний несовершеннолетних внес В. Т. Томин, критически оценивающий «генезисный подход» к доказательствам [7, с. 8]. Согласно данной точке зрения, формирование доказательства происходит в процессе его получения. Автор противопоставляет ему «доказывание через тождество», предполагающее сопоставление полученных показаний с некой идеальной моделью преступного события.

Терминология, применяемая несовершеннолетними, имеет специфическое содержание, отличное от понятийного аппарата взрослых лиц. Учитывая данные обстоятельства, генезисная теория оценки показаний несовершеннолетних представляется более обоснованной, поскольку учитывает возрастные особенности конкретного потерпевшего.

Таким образом, изучение процессуального механизма формирования, исследования и использования показаний несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве выявило ряд теоретических и практических проблем, требующих законодательного разрешения. Установлено, что действующая модель уголовно-процессуального регулирования допроса несовершеннолетних потерпевших не в полной мере учитывает их возрастные и психологические особенности.

Представляется обоснованным снижение возраста уголовной ответственности за дачу ложных показаний до 14 лет, а также сокращение продолжительности непрерывного допроса несовершеннолетних до 45 минут. Данные изменения позволят повысить достоверность получаемых сведений и обеспечить психологическую безопасность несовершеннолетних потерпевших.

Список источников

1. Варламова А. А., Зашляпин Л. А. Допустимость показаний несовершеннолетнего свидетеля в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 184–189.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
3. Кривошеев Д. А. Проблемы обеспечения достоверности показаний несовершеннолетних свидетелей, потерпевших // Политика, государство и право: электронный научно-практический журнал. 2016. № 5. URL: https://politika.snauka.ru/2016/05/3878 (дата обращения: 25.04.2025).
4. Матвеев С. В. Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // Lex Russica. 2022. Т. 65. № 5. С. 936–942.
5. Подымова Л. С., Головятенко Т. А. Организация персонифицированного образовательного пространства как проблема // Высшее образование сегодня. 2020. № 1. С. 28–30.
6. Рубенштейн С. Л. Основы общей психологии: Питер, 2002. 153 с.
7. Томин В. Т. Острые углы доктринального обеспечения радикальной реформы уголовного судопроизводства // Цель и средства в уголовном судопроизводстве. Н. Новгород, 1991. С. 3–19.
8. Хаматова Р. М. Возрастная анатомия, физиология и гигиена: учеб. М.: Наука, 2023.
9. Шигуров А. В. Проблемы реализации принципа случайной выборки при формировании коллегии присяжных заседателей в российском уголовном процессе // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 7–15.

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ПРИОСТАНОВЛЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВОМ В 2023 ГОДУ. ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИМЕРЫ, ДИНАМИКА, ПРИНИМАЕМЫЕ МЕРЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

***Т. В. Осипова**, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии, уголовного процесса Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*

В статье рассмотрены проблемы применения в практической работе следователей ст. 332, 337, 338 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые приостанавливаются по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в связи с неустановлением местонахождения подозреваемого). Приведена статистика 2022–2023 гг., предложены меры процессуального и административно-управленческого характера для снижения негативных показателей, приведены примеры из практической деятельности следователей.

Ключевые слова: специальная военная операция, мобилизация, уголовная ответственность, федеральный розыск, меры процессуального и административно-управленческого характера.

THE REASONS FOR THE INCREASE IN THE NUMBER OF CRIMINAL CASES SUSPENDED IN2023. TYPICAL EXAMPLES AND DYNAMICS. MEASURES TAKEN AND ORGANIZATION OF PROCEDURAL CONTROL

***T. V. Osipova**, senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology, and Criminal Procedure of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The article discusses the problems of applying Articles 332, 337, 338 of the Criminal Code of the Russian Federation in the practical work of investigators, which are suspended on the grounds provided for in paragraph 2, Part 1, Article 208 of the Criminal Procedure Code (due to

failure to establish the location of the suspect). Statistics for 2022–2023 are presented. Procedural and administrative–managerial measures are proposed to reduce negative indicators. Examples from the practical activities of investigators are given.

Keywords: special military operation, mobilization, criminal liability, federal search, procedural and administrative measures.

С 24 февраля 2022 г. в России началось проведение специальной военной операции (далее – СВО). С 21 сентября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации № 647 в России объявлена частичная мобилизация. 24 сентября 2022 г. в России ужесточено законодательство об ответственности за целый ряд воинских преступлений, предусмотренных гл. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (ст. 332, 337, 338 УК РФ). В частности, увеличена санкция за невыполнение приказа, самовольное оставление части и дезертирство в условиях мобилизации, военного положения и боевых действий.

При этом в силу внесения изменений в примечания к ст. 332, 337, 338 УК РФ для преступлений, совершенных в период мобилизации, перестало действовать правило о прекращении уголовного преследования лица, впервые совершившего преступление при стечении тяжелых обстоятельств. Уголовная ответственность за самовольное оставление части наступает после двухдневного отсутствия (ранее этот срок для основной массы военнослужащих наступал при превышении 10-суточного срока незаконного нахождения вне сферы воинских правоотношений), а при отсутствии на службе в условиях мобилизации свыше 10 суток – преступления ужесточились до их отнесения к категории тяжких.

Указанная мера, как видится, была направлена на исключение массового оставления военнослужащими своих позиций в условиях проведения СВО под угрозой более строгого наказания за совершение данных действий. При этом рядом законодательных актов снижены требования по поступлению на военную службу по контракту, с июня 2023 г. перестало являться препятствием наличие судимости, а также ограниченная годность к военной службе по состоянию здоровья. Указанные меры направлены на поддержание требуемой численности личного состава, обеспечивающей боеспособность группировки сил в зоне проведения СВО и для исключения новой волны мобилизации. Вместе с тем, статистика показывает, что число лиц, уклоняющихся от военной службы, неуклонно растет.

Так, по данным статистического учета военного следственного управления по Восточному военному округу (далее – ВСУ и ВВО) число лиц, пребывающих в розыске по состоянию на октябрь, в сравнении с аналогичным периодом

прошлого года (далее – АППГ), составило 294 (против 175 в 2022 г. – далее в скобках приводятся показатели АППГ – 2022 г.), динамика роста – 68 %. Из указанного числа за совершение преступлений, предусмотренных ст. 332, 337, 338 УК РФ – 280 (162) динамика роста 72,8 %. В военном следственном отделе СК России по гарнизону Сосновый Бор данный показатель в относительных значениях (по динамике) существенно выше и составил 160 % роста по числу лиц, находящихся в розыске, также 175 % роста по числу лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 337, 338 УК РФ [1].

При этом динамика числа разысканных в 2023 г. едва ли дотягивает до показателя 1/3 от числа лиц, находящихся в розыске.

Приведенная статистика, с учетом существенного роста уголовных дел, связанных с уклонением от прохождения военной службы, красноречиво свидетельствует о том, что количество приостановленных производством уголовных дел по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением местонахождения подозреваемого) в 2023 г. существенно возросло в сравнении с АППГ и увеличилось в среднем в три раза.

Руководством ВСУ по ВВО в целях снижения указанных негативных показателей по количеству уголовных дел, приостановленных производством на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, приняты следующие меры процессуального и административно-управленческого характера:

– по всем уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 337, 338 УК РФ, и по которым местонахождение подозреваемых не установлено – материалы на их розыск направляются в органы внутренних дел (далее – ОВД) не позднее 3 суток с момента возбуждения уголовных дел, добиваясь объявления таких лиц в федеральный розыск;

– незамедлительно после возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 337, 338 УК РФ, в которых местонахождение подозреваемых не установлено, направлять в адрес командования, военных комендантов гарнизона, глав администрацией и военных комиссариатов извещения для принятия мер административного характера (приостановления выплат денежного довольствия, осуществление поквартирных обходов, разъяснительной работы среди родственников и соседей, трансляция информации о разыскиваемом в средствах массовой информации и др;

– в срок, не превышающий 5 суток с момента возбуждения уголовного дела по указанной категории уголовных дел, заявлять ходатайства перед судами о разрешении производства обыска в местах возможного проживания разыскиваемых (в порядке ст. 182 УПК РФ), а также о разрешении на получение детализации соединений между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), наложении ареста на счета, при наличии оснований, предусмотренных ст. 115 УПК РФ;

– направление поручений в ОВД по местам социализации разыскиваемых для установления их возможных связей с иными лицами (бывшие жены, друзья, коллеги по работе);

– активная работа с общественными организациями и объединениями (профсоюзами и ассоциациями) – в качестве примера такого воздействия работа по розыску военнослужащих именного батальона «Байкал», сформированного из числа жителей Республики Бурятия с привлечением общественных организаций «Ветераны России», «Совет старейшин» и др., в том числе на уровне Правительства Республики Бурятия и региональных управлений уполномоченного по правам человека (рост преступлений в данном подразделении аномально высок).

Реже в практике военных следственных органов СК России встречаются случаи приостановления следствия по иным основаниям, хотя в абсолютных цифрах, в сравнении с периодом до объявления СВО, количество уголовных дел, следствие по которым приостановлено на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, также увеличилось в несколько раз.

Часто такие решения принимаются в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, не связанные с нарушением порядка прохождения военной службы.

Наиболее распространенной категорией преступлений, предварительное следствие по которым приостанавливается на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, являются уголовные дела по ст. 264.1 УПК РФ (повторное управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения). Так, обнаружена тенденция на рост данного вида преступлений среди военнослужащих, пребывающих в отпусках после участия в СВО. В ряде случаев такие преступления совершаются сознательно, чтобы, находясь под следствием за совершение преступления небольшой тяжести, получить возможность для отсрочки от убытия в зону боевых действий в связи с участием в производстве по уголовному делу. В этих случаях – при наличии согласованной позиции с командованием и самим подозреваемым. С учетом нецелесообразности удержания такого подозреваемого в тыловом районе в связи с осуществлением уголовного преследования, подозреваемый направляется в служебную командировку в зону проведения СВО, а расследование приостанавливается по приведенному основанию.

Решения о приостановлении следствия по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, носят единичный характер и с началом СВО практически сохранили свои показатели 2022 г.

Таким образом, в настоящее время количество уголовных дел, следствие по которым приостанавливается по основаниям, предусмотренным п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и в виду наличия изложенных объективных причин, существенно

возросло и требует от органов следствия выработки действенных и эффективных мер, как процессуального, так и административного характера, по контролю за данной тенденцией и действенным снижением данного негативного фактора.

В связи с вышеизложенным приведем примеры из практической деятельности.

Военнослужащий А., осознавая, что после окончания отпуска ему надлежит вернуться в зону проведения СВО, организовывает оформление подложной справки о собственной смерти, якобы выданной органами ЗАГС. После окончания отпуска А. остается проживать в своем жилище, проводя инструктаж домочадцев о необходимости представления органам военного управления в случае розыскных мероприятий указанного поддельного свидетельства, что и сделал его сын А. по прибытию поисковой группы военной комендатуры. После изучения представленных документов в адрес соответствующего органа ЗАГС направлен запрос о подтверждении выдачи свидетельства о смерти А., на который получен отрицательный ответ. Возбуждено уголовное дело – А. объявлен в розыск, после чего задержан и доставлен в часть. Квалификация содеянного – ч. 3 ст. 338 и ч. 4 ст. 327 УК РФ – дело передано в суд для рассмотрения по существу.

Органом дознания возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3.1 ст. 337 УК РФ в связи с отсутствием в части мобилизованного В.

В ходе производства неотложных следственных действий установлено, что В. в составе другого подразделения убыл в зону СВО, при этом в списках на убытие корректировки не внесены, так как В. стоял в штате другой воинской части (в связи с отсутствием вакантных должностей в части пребывания, развернутой по штатам мирного времени).

Следствие по делу прекращено по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Военнослужащему В. разъяснено право на реабилитацию. Внесено представление – виновные, ответственные за учет личного состава, наказаны.

Источник

1. Статистические сведения ВСУ СК России по ВВО // ruspofile: [сайт]. URL: https://www.rusprofile.ru/ (дата обращения: 12.03.2025).

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О РАЗЪЯСНЕНИИ МАТЕРИАЛОВ О РАЗЪЯСНЕНИИ СОМНЕНИЙ И НЕЯСНОСТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Н. В. Осодоева**, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России*

Статья посвящается проблемам, связанным с рассмотрением материалов в порядке исполнения приговора. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, какие вопросы подлежат рассмотрению и разрешению в связи с исполнением приговора. Автор анализирует мнения ученых и обосновывает вывод о том, что главу 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» нецелесообразно помещать в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Обосновывается мнение, согласно которому решения, принимаемые в связи с разъяснением сомнений и неясностей при исполнении приговора, являются дополнительными. Указывается, какие вопросы подлежат рассмотрению в порядке п. 15 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор отражает, что должно быть в материалах, поступивших для рассмотрения в суды, а также раскрывает порядок рассмотрения материалов в судебном заседании.

Ключевые слова: осужденный, правосудие, исполнение приговора, судебное заседание, сомнения и неясности.

ON THE QUESTION OF CLARIFICATION OF MATERIALS ABOUT CLARIFICATION OF DOUBTS AND UNCLEARANCES ARISING UPON THE EXECUTION OF A SENTENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***N. V. Osodoeva**, associate professor East Siberian Institute of the MIA of Russia*

The article is devoted to problems related to the consideration of materials in the order of enforcement. The criminal procedure law provides for what matters are to be considered and the permit for execution of

sentence. The author analyses the opinions of scholars and substantiates the conclusion that that chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation «Proceedings for review and resolution of issues related to the execution of sentence» it is not advisable to place in Penal Enforcement Code of the Russian Federation. The opinion that decisions made in connection with the clarification of doubts and ambiguities during the execution of the sentence are additional. Indicated what materials are considered at the court hearing. The author reflects what should be in the material submitted to the courts for review from penal inspections and also disclose the procedure for consideration of materials in court.

Keywords: convicted person, justice, execution of sentence, court hearing, doubts and ambiguities.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает положения, согласно которым суд рассматривает как уголовные дела, так и материалы в порядке досудебного контроля, а также материалы после вступления приговора в законную силу на последующих стадиях.

Так, А. А. Сумин утверждает о необходимости исключения из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) гл. 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» [8, с. 79–81].

Считаем, что глава 47 УПК РФ подлежит оставлению в УПК РФ. Указанное следует из положений гл. 39 УПК РФ «Постановление приговора». Так, в частности, положение ст. 304 УПК РФ предусматривает, что должно быть отражено во вводной части приговора. Анализ положений ст. 304 УПК РФ свидетельствует о том, что в судебном заседании подлежат выяснению все анкетные данные лица. В приговоре могут быть данные, например, о месте регистрации подсудимого, о месте его проживания до заключения под стражу, наличии несовершеннолетних детей у него на иждивении, о неснятых и непогашенных судимостях, является ли он военнообязанным либо нет и др. Соответственно, после вступления приговора суда в законную силу копии приговора подлежат направлению для исполнения в уголовно-исполнительную инспекцию, в СИЗО, ИЦ МВД по субъекту РФ, в военный комиссариат по субъекту РФ, в УФССП по субъекту РФ, в иные органы и учреждения. Положения ст. 308 УПК РФ предусматривают, какие реквизиты должны содержаться в резолютивной части обвинительного приговора. Анализ положений гл. 47 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что именно эти вопросы в том числе и подлежат рассмотрению в судебном заседании в случаях, если суд не принял решения по ним при вынесении приговора. Учитывая, что решения, вынесенные судом первой инстанции, обжалованные

в вышестоящий суд, могут быть отменены с вынесением нового приговора и изменены, соответственно, исполнить приговор (постановление) может только тот суд, который рассматривал дело, то есть только после его направления из суда апелляционной инстанции. Следует учесть, что вышестоящие суды могут отменить приговоры с направлением дел на новое рассмотрение, либо отменить приговоры с возвращением уголовных дел прокурору, в этом случае исполнение итогового решения возможно только после рассмотрения дела в новом составе суда и вступления его в законную силу.

Вместе с тем в теории уголовного процесса обсуждается вопрос, к каким видам решений следует относить постановления, которые выносятся при разъяснении сомнений и неясностей.

Некоторые исследователи судебных решений отмечают недостатки термина «промежуточные решения», так как он не отражает правовую природу ряда решений [2, с. 70–73; 4, с. 97–99].

Как считает С. А. Закарян, указанные решения следует относить к «иным судебным решениям» [5].

Считаем, что наиболее обоснованным является мнение ученых, полагающих, что указанные решения являются все же дополнительными [7, с. 28; 6, с. 247–248; 3, с. 30]. Постановления, принимаемые по результатам рассмотрения материалов о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, дополняют приговор, разрешая вопросы, которые не нашли отражения в приговоре, либо устраняют технические ошибки и опечатки, либо восполняют пробелы, допущенные судом при вынесении судебного решения. Кроме того, следует признать, что указанные постановления выносятся далеко не по всем уголовным делам.

В соответствии с п. 15 ст. 397 УПК РФ суд рассматривает вопрос о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора.

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» указал, что с учетом положений п. 15 ст. 397 УПК РФ суды вправе в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, разрешают вопросы, которые не затрагивают существо приговора и не влекут ухудшение положения осужденного, например: а) о применении акта об амнистии, если применение его является обязательным и суд при постановлении приговора не входил в обсуждение этого вопроса; б) об отмене меры пресечения в случаях, когда при оправдании подсудимого или осуждении его с освобождением от наказания в приговоре суда не содержится указание об отмене меры пресечения; в) об отмене мер обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества, если при вынесении оправдательного приговора или отказе в иске либо неприменении конфискации приговором, эти меры не отменены;

г) о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания, если судом была допущена неточность при его исчислении; д) о зачете отбытого наказания при назначении наказания по совокупности приговоров, если такой зачет не произведен приговором суда либо произведен неточно; е) о вещественных доказательствах, если эти вопросы не решены судом в приговоре; ж) об определении размера и распределении процессуальных издержек, если эти вопросы не получили разрешения в приговоре суда; з) об оплате труда защитника, участвовавшего в деле по назначению суда, если этот вопрос не разрешен одновременно с вынесением приговора; и) о судьбе детей осужденного, оставшихся без надзора, и передаче их на попечение родственников либо других лиц или учреждений в случаях, когда суд не решил эти вопросы при вынесении приговора; к) о принятии мер по охране имущества или жилища осужденного, оставшихся без присмотра, когда суд не решил этот вопрос при вынесении приговора; л) об освобождении имущества от ареста в случаях, когда арест наложен на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания; м) о конкретизации ограничений и обязанностей, установленных осужденному к наказанию в виде ограничения свободы в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ (например, уточнение времени суток, в период которого осужденному предписано не уходить из дома, уточнение числа явок в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденным наказания, для регистрации); н) об устранении ошибок, допущенных в приговоре при написании фамилии, имени, отчества или иных биографических данных осужденного, а также описок и арифметических ошибок, если они очевидны и исправление их не может вызвать сомнение [1].

Все же следует признать, что на практике достаточно часто рассматриваются материалы, а именно: о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания, если судом была допущена неточность при его исчислении; о конкретизации ограничений и обязанностей, установленных осужденному к наказанию в виде ограничения свободы в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ; об устранении ошибок, допущенных в приговоре при написании фамилии, имени, отчества или иных биографических данных осужденного, а также описок и арифметических ошибок, если они очевидны и исправление их не может вызвать сомнение; о зачете времени пребывания в лечебном учреждении; о зачете отбытого наказания при назначении наказания по совокупности приговоров, если такой зачет не произведен приговором суда либо произведен неточно; о решении вопросов, связанных с рассмотрением гражданского иска.

При направлении материалов в суды соответствующие учреждения выносят представление, к которому обязательно прилагают следующие документы: копию приговора суда либо копии приговоров судов; требование Информационного

центра МВД России по субъекту; копию постановления о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы; копию протокола задержания подозреваемого; копию паспорта.

При получении указанного материала суд назначает судебное заседание, в котором принимают участие осужденный, его защитник, прокурор, а также представитель учреждения.

Судебное заседание начинается с открытия председательствующим судебного заседания, доклада секретарем судебного заседания о присутствующих в судебном заседании лицах. Затем суд устанавливает личность осужденного, сверяя их с приговором, после чего разъясняет право отвода участникам судебного заседания. В тех случаях, если участники судебного заседания заявили отвод судье, прокурору, секретарю, то суд обязан заслушать мнения всех участвующих в суде по заявленному отводу, а впоследствии удалиться в совещательную комнату для разрешения этого вопроса. При этом если будет заявлен отвод каждому из участников процесса, то суд после заслушивания мнения участников судебного заседания будет удаляться в совещательную комнату для разрешения каждого отвода, соответственно, сколько раз будет заявлен отвод, то столько и постановлений о рассмотрении отвода будет в материале. В случае удовлетворения ходатайства об отводе судебное заседание будет проводиться в составе другого судьи, либо с участием иных прокурора и секретаря судебного заседания. Если отводов не заявлено, суд разъясняет осужденному его права, обязанности, предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством, затем выясняет, имеются ли у участников судебного заседания ходатайства. После этого суд выносит постановление о возможности продолжения судебного заседания в отсутствие неявившихся лиц. Затем в судебном заседании представитель учреждения выступает и оглашает представление, а суд исследует письменные материалы. В случае, если возникают вопросы по поступившим материалам, суд задает вопросы по материалам участникам процесса, осужденный дает объяснение, ему могут быть заданы вопросы по поводу поступившего представления, в частности: согласен осужденный с поступившим представлением или не согласен с представлением, поступившим из учреждения.

Затем суд заслушивает мнения защитника и прокурора. После чего председательствующий удаляется в совещательную комнату для постановления решения. По выходу из совещательной комнаты суд оглашает постановление, порядок и сроки его обжалования.

Список источников

1. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. М., 2013. С. 70–73.
3. Бурмагин С. В. Дополнительные судебные решения в уголовном судопроизводстве: сущность и особенности принятия // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 30.
4. Бурмагин С. В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106). С. 97–99.
5. Закарян С. А. Постановления, устраняющие недостатки приговора, как иные судебные решения в российском уголовном процессе. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2021. С. 247–248.
7. Квициния Д. А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 28.
8. Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81.

УДК 347.73

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 172 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Д. А. Рыжков**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье поднимаются актуальные вопросы правоприменения ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации и раскрываются проблемные аспекты, которые считаются таковыми из-за недостаточности законной проработки норм, регулирующих отношения в сфере осуществления банковской деятельности. Анализируются проблемы законодательной дефиниции понятия банковской деятельности с опорой на мнение ученых и положения существующего правопорядка и дается оценка приведенных учеными возможных признаков, присущих данному явлению. Методом ситуативного анализа следственной практики раскрывается одна из проблем исследуемого явления. По результату исследования сделаны выводы и предлагаются рекомендации по совершенствованию существующего законодательства о банках и банковской деятельности.

Ключевые слова: кредитная организация, банк, Центральный банк России, лицензия, банковская сделка, банковская операция, банковская деятельность, уголовная ответственность, незаконная банковская деятельность.

ACTUAL PROBLEMS IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT OF ARTICLE 172 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***D. A. Ryzhkov**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article raises topical issues of law enforcement of Article 172 of the Criminal Code and reveals problematic aspects that are considered such due to the lack of legal elaboration of the norms governing relations in the field of banking. The problems of the legislative definition of the concept of banking activity are analyzed, based on the opinion

of scientists and the provisions of the existing legal order, and an assessment of the possible signs inherent in this phenomenon is given by scientists. The method of situational analysis of investigative practice reveals one of the problems of the phenomenon under study. Based on the results of the study, conclusions are drawn and recommendations are proposed for improving the existing legislation on banks and banking activities.

Keywords: credit institution, bank, Central Bank of Russia, license, banking transaction, banking operation, banking activity, criminal liability, illegal banking activity.

Правонарушения в банковской деятельности являются следствием несовершенства законодательства в сфере регулирования общественных отношений, возникающих в процессе осуществления предпринимательской деятельности кредитными организациями. Ввиду отсутствия законодательного определения банковской деятельности до сих пор существуют некоторые спорные вопросы, касающиеся выяснения природы и сущности деятельности организаций, позиционирующих свою деятельность как банковскую.

Из буквального толкования положений ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) следует, что «осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере – наказывается … » [2]. В этом ключе стоит вопрос о выяснении того, чем является банковская деятельность, какие существенные признаки ей присущи и какие деяния, связанные с ней, будут считаться незаконными.

Понятие банковской деятельности, исходя из ее сущности, является межотраслевым. Вопросы его определения стоят в равной степени между наукой финансового права и экономики. На сегодняшний день в нормативно-правовых актах не существует законодательной дефиниции понятия «банковская деятельность». Отдельные признаки, из содержания которых можно судить, что они присущи банковской деятельности содержатся в различных актах, в том числе в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации», Гражданском кодексе, Уголовном кодексе, Налоговом кодексе и других федеральных законах, а также в актах, принимаемых аппаратом мониторинга за данным видом деятельности, в том числе Центральным банком, например – Положение Банка России № 630-П от 29.01.2018 «О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных

организациях на территории Российской Федерации». При этом всем ни в одном нормативно-правовом акте не дается четкого определения понятия «банковская деятельность», что не дает правоприменителю возможности полноценно определить, в чем такая деятельность является незаконной.

Для полного и цельного понимания требуется установить ключевые признаки данного вида предпринимательской деятельности, основываясь на результатах исследования М. А. Осиповой, которая предлагает считать, что «у банковской деятельности существуют следующие характерные ей черты:

– это предпринимательская деятельность, т. е. экономическая по своей природе, следовательно, направлена на получение прибыли;

– осуществляется только специальными субъектами (кредитными организациями и Центральным банком);

– кредитные организации осуществляют ее только после получения и на основании лицензии, выдаваемой Центральным банком России;

– основным ее содержанием является систематическое совершение банковских операций и банковских сделок, а равно организационные мероприятия, призванные обеспечить совершение таких операций и сделок» [6].

Останавливаясь подробнее на указанных признаках, можно заключить, что банковская деятельность является одним из видов предпринимательской деятельности, под которой согласно положениям ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [1]. В этом ключе осуществление данного вида деятельности из своей сущности предполагает систематическое получение прибыли через оказание каких-либо услуг: банковские операции, заключение банковских сделок и иных сделок гражданско-правового характера. Соответственно при установлении законности необходимо установить характер проводимых данной организацией действий.

По нашему мнению, следующие два признака, выделенные М. А. Осиповой, тесно взаимосвязаны. Банковская деятельность обладает характеристикой, присущей предпринимательской деятельности, а именно, требует от лица, ее осуществляющего, наличия специфических признаков субъекта предпринимательских правоотношений.

Основными участниками в рамках таких правоотношений являются кредитные организации и Центральный банк Российской Федерации. При этом возможность участия указанных организаций в денежно-кредитной системе напрямую обусловлена наличием у них лицензии – специального разрешения, предоставленного Центральным банком. Неразрывная связь банковской деятельности с предпринимательской деятельностью проявляется также в том,

что для ее реализации кредитное учреждение должно быть создано в форме юридического лица. Это, в свою очередь, порождает вопрос о законности осуществления банковских операций со стороны лица, имеющего соответствующую лицензию, а также о наличии информации о нем в Едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Банковские операции и банковские сделки имеют специфическое применение и единственные, кто имеет право их совершать, – кредитные организации. Их перечень содержится в ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О банках и Банковской деятельности» [3].

1. Привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады.

2. Размещение указанных в п. 1 привлеченных средств от своего имени и за свой счет.

3. Открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

4. Осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам.

5. Инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц.

6. Купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах.

7. Привлечение драгоценных металлов физических и юридических лиц во вклады, за исключением монет из драгоценных металлов.

8. Осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств.

Согласно той же статье, организации вправе осуществлять следующие банковские сделки.

1. Выдачу поручительств за третьих лиц, предусматривающих исполнение обязательств в денежной форме.

2. Приобретение права требования от третьих лиц исполнения обязательств в денежной форме.

3. Доверительное управление денежными средствами и иным имуществом по договору с физическими и юридическими лицами.

4. Осуществление операций с драгоценными металлами, монетами из драгоценных металлов, обработанными природными алмазами, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

5. Предоставление в аренду физическим и юридическим лицам специальных помещений или находящихся в них сейфов для хранения документов и ценностей.

6. Лизинговые операции.

7. Оказание консультационных и информационных услуг.

8. Выдача банковских гарантий.

В данном ключе существует следующая проблема, заключающаяся в том, что между наличием у лица лицензии и возможности осуществлять банковскую деятельность нет никакой реальной взаимообусловленной связи. Это своеобразное «законное основание» – разрешение, предающее данной деятельности законный характер. Эта проблема фигурирует и в правоприменительной деятельности.

Как следует из обвинительного заключения по уголовному делу № 12301080059000234, возбужденному по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ 18 июля 2023 г. в отношении Проценко В. В. «…Основным направлением незаконной деятельности Проценко В. В., связанной с осуществлением незаконной банковской деятельности (банковских операций), являлось извлечение незаконного дохода путем создания преступной сети подконтрольных ему (Проценко В. В.) коммерческих организаций без намерения осуществлять реальную предпринимательскую и законную банковскую деятельность, и использования их банковских счетов для оказания услуг контрагентам («клиентам») по незаконному обналичиванию денежных средств…

…Так, Проценко В. В., достоверно зная, что задуманная им банковская деятельность может осуществляться исключительно юридическими лицами, зарегистрированными в установленном порядке в качестве кредитных организаций, а также имеющими лицензию на осуществление банковских операций, наличие которой обязательно, разработал план совершения преступления, согласно которому решил в нарушение перечисленных выше требований нормативно-правовых актов не регистрировать подконтрольные ему юридические лица в качестве кредитных организаций, а завуалировав свою преступную деятельность, связанную с осуществлением незаконной банковской деятельности (банковских операций), под легальные гражданско-правовые отношения, осуществляя фиктивные операции (не соответствующие действительности), в основание платежей которых вносить ложные сведения о назначении платежа для создания нормальных оснований движения денежных средств по расчетным счетам. При этом фиктивность проводимых финансово-материальных ценностей либо выполнения работ и оказания услуг, при наличии надлежащим образом оформленных первичных бухгалтерских документов» [7].

Приведенный случай наглядно показывает необходимость разработки эффективного механизма надзора за деятельностью субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность в области банковского дела, включая предоставление кредитов, с целью недопущения незаконного осуществления такой деятельности. По нашему мнению, данный механизм должен обеспечивать возможность проверки правомерности и подлинности сделок и операций, проводимых кредитными организациями.

Реализация такого подхода может быть достигнута за счет формирования специализированных информационных систем – как открытого, так и ограниченного доступа, содержащих важные реквизиты и данные о банковских операциях. Кроме того, такие системы должны позволять устанавливать наличие у организации действующей лицензии и соблюдение установленного порядка ее получения. С учетом необходимости профилактики нарушений и обеспечения своевременного реагирования предлагается органам внутренних дел обеспечить доступ к указанным ресурсам, поскольку расследование подобных дел находится в компетенции следователей данных органов.

С целью обеспечения более точного применения норм права, следуя позиции М. А. Осиповой относительно признаков банковской деятельности, целесообразно детально проработать законодательное определение данного понятия. Оно должно включать указание на специфические особенности такой деятельности, ее цели, а также круг субъектов, имеющих право ее осуществлять.

Предполагается, что окончательная формулировка определения банковской деятельности может быть следующей: это вид экономической, разрешенной законом и направленной на получение прибыли деятельности, заключающийся в совершении различных банковских операций и сделок, а также действий, обеспечивающих их реализацию, осуществляемый на основании лицензии, выданной Центральным банком Российской Федерации.

Установление четкой правовой природы банковской деятельности позволит эффективнее выявлять случаи ее незаконного осуществления и квалифицировать такие действия надлежащим образом, что в последующем благоприятным образом скажется на сроках проведения доследственной проверки и расследовании уголовных дел по данному преступлению [4, 5].

Кроме того, важно отметить, что оказание банковских услуг и выполнение банковских операций не всегда напрямую зависят от наличия у лица соответствующей лицензии. В этой связи представляется необходимым разработать иной подход к регулированию банковской деятельности, согласно которому лицензия должна не просто предоставлять право на ее осуществление, но и являться единственным законным основанием для занятия данной деятельностью.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О банках и Банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395–1 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Бахта А. С., Нуриев И. Н. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 2. С. 26–29.
5. Кузнецова С. М., Нуриев И. Н. Право участников уголовного судопроизводства на осуществление проверки сообщения о преступлении в разумный срок // Вестн. Дальневост. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (48). С. 13–19.
6. Осипова М. А. О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // CYBERLENINKA: научная электронная библиотека. Известия БГУ. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 13.02.2025).
7. Материалы уголовного дела № 12301080059000234, возбужденного по п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ СЧ СУ УМВД России по Хабаровскому краю от 18.07.2023.

УДК 343.7

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 197 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРАКТИКЕ

***П. Е. Рязанова**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена анализу актуальности и проблем применения статьи 197 Уголовного кодекса Российской Федерации на практике. Особое внимание уделяется крайне редкому применению данной нормы на практике, что обусловлено как ее несоответствием современному законодательству о банкротстве, так и сложностями доказывания состава преступления. Анализируются основные признаки фиктивного банкротства, а также обсуждаются возможные пути реформирования статьи 197 Уголовного кодекса Российской Федерации: ее декриминализация либо модернизация с учетом современных реалий.

Ключевые слова: фиктивное банкротство, статья 197 Уголовного кодекса Российской Федерации, расследование преступлений, несостоятельность, экономические преступления, декриминализация.

ANALYSIS OF THE RELEVANCE AND PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 197 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON FICTITIOUS BANKRUPTCY

***P. E. Ryazanova**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes the relevance and problems of applying Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for fictitious bankruptcy. Particular attention is paid to the extremely rare application of this rule in practice, due to both its inconsistency with modern bankruptcy legislation and the difficulties of proving the corpus delict. The main signs of fictitious bankruptcy are analyzed, as well as possible ways of reforming Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation are discussed: its decriminalization or modernization taking into account modern realities.

Keywords: fictitious bankruptcy, Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation, investigation of crimes, insolvency, economic crimes, decriminalization.

При изучение различных норм уголовного законодательства Российской Федерации первостепенное значение имеет реализация их практического применения, а также частоты возникновения применения нормы. Норма, которая не имеет практического применения, на практике, а также в научной литературе, именуется «мертвой».

В сфере экономических преступлений, регламентированных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], особое место занимают деяния, связанные с нарушениями банкротного законодательства. Однако статистические данные свидетельствуют о крайне редком применении ст. 197 УК РФ: за период с 2017 по 2024 гг. было возбуждено лишь три уголовных дела (два – в 2017 г., одно – в 2018 г.) [3]. Вместе с тем в данной статистике не отражена большая часть фиктивных банкротств, так как они не были доказаны. При этом латентность исследуемого вида банкротства остается высокой, поскольку их сложно отграничить от законной хозяйственной деятельности [11].

В современных правовых реалиях диспозиция ст. 197 УК РФ, предусматривающая ответственность за фиктивное банкротство, утратила актуальность в связи с изменениями в законодательстве. Согласно Федеральному закону № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2], публичное объявление о несостоятельности более не является основанием для признания физического или юридического лица банкротом и не влечет правовых последствий. Более того, публичное объявление о своем банкротстве вообще больше не встречается в банкротном законодательстве, не влечет никаких правовых последствий, и таким образом ни на что не влияет. Заявление должника не подлежит обязательному опубликованию, значит, его нельзя признать публичным объявлением себя банкротом [5]. Публичное объявление лица банкротом по действовавшему ранее законодательству о банкротстве влекло такие юридические последствия, которые сейчас не наступают [5]. Стоит также отметить, что фиктивность сама по себе не образует состава преступления, если не сопряжена с сокрытием имущества, поскольку без этого деяние не представляет общественной опасности [12].

Проблемы применения исследуемой нормы усугубляются рядом причин. Во-первых, обязательным условием для привлечения лица к ответственности, является причинение крупного ущерба (свыше 3,5 млн рублей, согласно примечанию к статье 170.2 УК РФ) потерпевшей стороне. Во-вторых, как указывает А. В. Макаров, правоприменители сталкиваются с недостатком знаний в области финансового и банкротного законодательства, отсутствием

методических рекомендаций по расследованию подобных преступлений. Вместе с этим он указывает на противоречивость и недостаточную четкость в формулировках норм во всех банкротных статьях УК РФ [7].

Проблемой неверной квалификации фиктивного банкротства в правовой науке являются не только несовершенство юридической техники, но и отсутствие наработанной судебной практики [8], без которой сформировать методики выявления преступлений невозможно. Однако такая практика при несоответствии ст. 197 УК РФ Закону о несостоятельности и не может складываться.

Для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом должник обязан приложить к нему комплект документов, подтверждающих как наличие задолженности, так и невозможность ее полного погашения. Однако ключевой проблемой является включение в эти материалы заведомо недостоверных сведений о мнимой несостоятельности. При этом выявление действительного финансового состояния заявителя сопряжено со значительными сложностями, поскольку субъекты преступного банкротства тщательно подходят к сокрытию следов преступлений: формируют фиктивные договоры, скрывают активы путем их перевода на альтернативные счета, вносят изменения в бухгалтерскую отчетность, а также иными аналогичными действиями.

Таким образом, выявление признаков состава преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ, возможно лишь по завершении конкурсного производства, когда будут установлены реальные последствия процедуры банкротства. Однако подобный «ожидательный» подход нивелирует саму суть противодействия преступлениям в сфере преднамеренного или фиктивного банкротства, поскольку к моменту выявления противоправных действий идеальные и материальные следы могут быть утрачены, уничтожены или фальсифицированы, что существенно затруднит доказывание вины лиц, причастных к незаконным действиям [6].

Отсутствие в современной редакции Закона о банкротстве института публичного заявления должника о своей несостоятельности, а также определение фиктивного банкротства делает ст. 197 УК РФ «мертвой» [7]. Из этих обстоятельств вытекает вопрос – как быть с данной статьей УК РФ? Мнения существуют разные.

Учитывая несоответствие ст. 197 УК РФ современному банкротному законодательству, в правовой доктрине обсуждаются два подхода: декриминализация или модернизация нормы. Представители правоохранительных органов склоняются к первому варианту. Ввиду этого подобные преступные деяния проще всего квалифицировать по схожим, более наработанным практикой расследования, статьям УК РФ (159, 160 или 201 УК РФ) [4]. Идею невостребованности нормы разделяют также и в юридической науке [6], однако ученые, напротив, предлагают адаптировать диспозицию статьи. Ведь неприменимость нормы еще не говорит о ее неактуальности.

Как уже было замечено ранее, выявлять такие преступления сложно, затратно по времени, органы исполнительной власти идут по пути привлечения лиц по другим, наработанным практикой расследования, статьям УК РФ. Уже сейчас учеными предпринимаются попытки актуализировать диспозицию статьи. Так, предлагается под объявлением о несостоятельности понимать также и подачу должником заявления в арбитражный суд для признания его банкротом [14], однако применение уголовного закона по аналогии недопустимо.

Таким образом, статья 197 УК РФ в ее текущей редакции требует пересмотра. Она осталась практически неизменной с момента появления в УК РФ, в то время как в Закон о банкротстве внесено уже более сотни изменений. Выбирая, пойти по пути модернизации или декриминализации, законодатель должен проанализировать необходимость установлений уголовной ответственности причинение имущественного ущерба должником или руководителем должника кредиторам, путем введения их в заблуждение о своей «несостоятельности». Если существующие механизмы (гражданско-правовые или иные уголовные нормы) обеспечивают достаточную защиту интересов кредиторов, декриминализация может быть оправданной. В противном случае требуется глубокая реформация статьи с учетом современных экономико-правовых реалий.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 02.05.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: ред. от 26.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. 2025. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 22.01.2025).
4. В МВД просят исключить из УК статьи о преднамеренном и фиктивном банкротстве // ТАСС. 2019. URL: https://tass.ru/ekonomika/6372976 (дата обращения: 28.02.2025).
5. Витвицкая С. С. Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые должностными лицами (проблемы квалификации и совершенствования законодательства) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 3. С. 98–101.
6. Гладких В. И. Особенности квалификации фиктивного банкротства // Вестник ГУУ. 2013. № 8. С. 127–132.
7. Гуров А. А. Нужны ли УК РФ банкротные составы? // Закон.ру. 2019. URL: https://zakon.ru/blog/2019/05/21/nuzhny_li_uk_rf_bankrotnye_sostavy#_ftn1 (дата обращения: 05.02.2025).
8. Жижилева А. А. Банкротство в условиях нестабильности экономической ситуации в России: уголовно-правовой аспект // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов конф. / Воронежский экономико-правовой ин-т. 2018. С. 127–133.

9. Клепицкий И. А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // М.: Наука. 2021. № 2. С. 52–60.
10. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право: моногр. М.: Проспект. 2021. № 2. 984 с.
11. Лазарева О. С., Нелюбов Н. Г. Банкротство юридических лиц. Фиктивное и преднамеренное банкротство // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 6 (22). С. 376–382.
12. Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. СПб.: Юридический центр Пресс. 2001. № 1. 131 с.
13. Назаренко А. Е., Примаков А. М. Определение признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 4 (4). С. 130.
14. Попов Д. А. Преднамеренное и фиктивное банкротство в уголовном законодательстве Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 12. С. 308–320.

УДК 343

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ И СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

***М. А. Сережкина**, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России*

В работе анализируется различие между средствами исправления и пенитенциарной пробацией в уголовно-исполнительном праве. Основное отличие заключается в том, что исправление направлено на глубокую трансформацию правосознания осужденного, а пенитенциарная пробация – на практическую социальную адаптацию и реинтеграцию, не требуя внутреннего принятия правовых норм. Подчеркивается, что эффективность и усвоение средств исправления существенно влияют на возможность условно-досрочного освобождения осужденного, тогда как участие в пробации носит добровольный характер и не может рассматриваться как обязательное условие.

Ключевые слова: пенитенциарная пробация, средства исправления, лишение свободы, ресоциализация.

PENITENTIARY PROBATION AND MEANS OF CORRECTION: THEORETICAL AND PRACTICAL DISTINCTIONS

***M. A. Serezhkina**, senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

The article examines the distinction between means of correction and penitentiary probation in criminal-executive law. The primary difference is that correction is directed at a deep transformation of the convict's legal consciousness, while penitentiary probation is aimed at practical social adaptation and reintegration, without requiring the internal acceptance of legal norms. It is highlighted that the effectiveness and assimilation of correctional means have a substantial impact on the possibility of conditional early release of the convict, whereas participation in probation is voluntary and cannot be considered a mandatory condition.

Keywords: penitentiary probation, means of correction, deprivation of liberty, resocialization.

Для эффективного воплощения в практической деятельности любого функционального института требуется ясное и детальное осознание границ его реализации. Рассматривая пенитенциарную пробацию в качестве функционального субинститута уголовно-исполнительного права, возникает необходимость в тщательном определении и проведении границы между ней и иными субинститутами данной отрасли права. Особенно актуальным становится вопрос о разграничении пенитенциарной пробации и средств исправления, которые применяются в процессе исполнения уголовных наказаний и служат достижению одной из ключевых целей уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осужденных.

В соответствии с положениями Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10 «О пробации в Российской Федерации», к числу основных задач пробации отнесены коррекция социального поведения, содействие ресоциализации, обеспечение социальной адаптации и проведение социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяются меры пробационного воздействия, а также профилактика совершения ими новых уголовно-наказуемых деяний [3, с. 144]. Указанный нормативно-правовой акт детализирует цель пенитенциарной пробации, используя формулировку, подчеркивающую ее направленность на достижение исправления осужденных, а также их подготовку к освобождению из учреждений, где они отбывают наказание в виде лишения свободы либо принудительных работ.

Особого внимания заслуживает тот факт, что законодатель последовательно раскрывает механизмы реализации пенитенциарной пробации, указывая на осуществление комплекса мероприятий, включающих проведение социальной и воспитательной работы, предоставление психологической поддержки осужденным, реализацию программ социальной реабилитации, подготовку к освобождению, а также оказание содействия в получении социальной помощи, трудоустройстве и решении бытовых вопросов [4, с. 329]. Из данного перечня следует, что арсенал средств пенитенциарной пробации охватывает воспитательные, социальные и психологические воздействия, которые, согласно положениям уголовно-исполнительного законодательства, одновременно выступают и средствами исправления осужденных. Однако в данном контексте выявляется существенное теоретико-правовое противоречие. Традиционно средства исправления применяются к осужденным с целью формирования у них устойчивых позитивных ценностно-правовых установок, а также трансформации их правосознания и мировоззрения в целом [2, с. 324]. Иными словами, исправление предполагает глубокие качественные изменения внутреннего отношения личности к установленным в обществе правовым нормам и социальным ценностям, что выражается в осознанном и добровольном следовании требованиям закона.

В то же время пенитенциарная пробация, несмотря на использование схожих инструментов воздействия, преимущественно ориентирована на создание благоприятных внешних условий, способствующих интеграции осужденного в общество и формированию у него навыков законопослушного поведения. При этом достижение внутреннего принятия правовых норм и изменение ценностных ориентаций личности не является обязательной целью пробационного воздействия. Таким образом, наблюдается концептуальное различие в конечной направленности применения идентичных средств: если в рамках исправления как цели уголовного наказания акцент делается на глубинной трансформации правосознания осужденного, то пенитенциарная пробация направлена преимущественно на обеспечение практических инструментов социальной реинтеграции, не ставя во главу угла внутреннюю переориентацию ценностей и установок личности.

Дополнительно следует подчеркнуть, что степень эффективности применения средств исправления и уровень их усвоения осужденным являются важными критериями при решении вопроса о возможности его условно-досрочного освобождения. В то время как отказ от участия в программах пенитенциарной пробации не должен рассматриваться в качестве обстоятельства, способного негативно повлиять на положение осужденного при рассмотрении ходатайства о предоставлении условно-досрочного освобождения, поскольку участие в пробации носит исключительно добровольный характер и является правом, а не обязанностью осужденного. Вместе с тем активное участие осужденного в пробационных мероприятиях может быть принято судом во внимание при вынесении решения о возможности условно-досрочного освобождения, однако не выступает обязательным условием для удовлетворения соответствующего ходатайства. Такой подход соответствует принципу добровольности участия в пробации и обеспечивает соблюдение прав осужденных в процессе исполнения наказания.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным констатировать наличие принципиального различия в конечной целевой установке использования идентичных средств воздействия на осужденных. В частности, при реализации исправления как одной из фундаментальных целей уголовного наказания акцент делается на осуществлении глубокой и устойчивой трансформации правосознания лица, отбывающего наказание, что выражается в изменении его внутренних убеждений, отношения к социально-правовым ценностям и формировании позитивной правовой мотивации. В противоположность этому, пенитенциарная пробация, несмотря на применение схожих инструментов воздействия, преимущественно ориентирована на создание и поддержание эффективных практических механизмов социальной адаптации и реинтеграции осужденных в общество. При этом достижение внутреннего принятия социально-правовых

норм не выступает в качестве обязательного условия, а основное внимание уделяется формированию у лиц, находящихся в местах лишения свободы или принудительных работ, навыков конструктивного взаимодействия с социумом, а также подготовке к самостоятельной жизни после освобождения.

Список источников

1. О пробации в Российской Федерации: федер. закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Курс уголовно-исполнительного права: учеб. В 3 т. Т. 1. Общая часть / общ. ред. Г. А. Корниенко, науч. ред. А. В. Быков. М.: ФКУ НИИ ФСИН России; Криминологическая библиотека, 2017. 512 с.
3. Сережкина М. А. Институт пробации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 141–146.
4. Сережкина М. А. Пенитенциарная пробация – комплекс мер пенитенциарной ресоциализации // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступлений и докл. участников (приурочен к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 нояб. 2023 года. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 328–331.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

***Р. В. Тарасенко**, преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

***А. С. Харченко**, старший научный сотрудник группы по изучению проблем оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел научно-исследовательского отдела Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф Шилова*

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании уголовных дел в сфере финансовой деятельности. Необходимость изучения данной проблемы обусловлена важностью использования результатов оперативно-розыскной деятельности для установления самого факта противоправного поведения и защиты прав граждан и организаций. Именно поэтому координация действий следователя и оперативных органов играет существенную роль в обеспечении эффективности противодействия финансовым преступлениям.

Ключевые слова: финансовые преступления, взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, раскрытие преступлений, расследование преступлений.

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL CASES OF FINANCIAL CRIMES

***R. V. Tarasenko**, lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov;*

***A. S. Kharchenko**, senior researcher of the Group for the Study of Problems of Operational and Official Activities of the Internal Affairs Bodies of the Scientific Research Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the key aspects of the interaction between the investigator and operational staff in the investigation of criminal cases in the field of financial activities. The need to study this problem is due to the importance of using the results of operational investigative activities to establish the very fact of illegal behavior and protect the rights of citizens and organizations. That is why the coordination of the actions of the investigator and the operational authorities plays an essential role in ensuring the effectiveness of countering financial crimes.

Keywords: financial crimes, investigator's interaction with operational units, crime detection, crime investigation.

Финансовые преступления обычно понимаются как противоправные деяния, связанные с мошенничеством, хищением денежных средств путем присвоения или растраты, незаконным получением кредитов, изготовлением или сбытом поддельных денег, ценных бумаг и платежных карт, а также преднамеренным банкротством, нарушениями в сфере налогообложения и другими аналогичными деяниями. Объектом финансовых преступлений являются денежные средства, ценные бумаги и их функциональные заменители.

По мнению М. Ю. Тарасова и А. А. Дрога, указанные преступления, как правило, характеризуются высокой степенью скрытности, формальной законностью действий их участников, а также использованием сложных схем реализации противоправных деяний. Нередко преступники прибегают к внешне правомерным финансовым и хозяйственным операциям с целью получения незаконной выгоды. При этом корыстный умысел маскируется путем заключения множества формальных сделок, перевода денежных средств на счета организаций, зарегистрированных на так называемых «подставных» лиц, конвертации денежных средств в ценные бумаги и валютные ценности, а также их вывода за пределы Российской Федерации [2, с. 50].

Особенностью проверки информации о финансовых преступлениях является значительный временной разрыв между фактом их совершения и моментом выявления. В связи с этим следователи, занимающиеся расследованием подобных категорий дел, нередко сталкиваются с рядом трудностей при сборе доказательств, достаточных для направления уголовного дела в суд. Эти обстоятельства обусловливают особую значимость оперативности действий следователя, а также необходимость четкого планирования и тесного взаимодействия с органами, наделенными полномочиями на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

В системе органов внутренних дел подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции выполняют ключевые функции по борьбе с финансовыми преступлениями. Вместе с тем другие оперативные подразделения МВД России также реализуют свои полномочия в этой сфере

в соответствии с их функциональным назначением. Учитывая сложившуюся практику совершения данных преступлений, очевидна необходимость разработки и применения специализированных подходов к планированию и организации оперативно-розыскных мероприятий.

В рамках выявления признаков потенциально проблемных ситуаций правоохранительные органы, включая МВД России, Следственный комитет РФ, ФСБ России при участии Генеральной прокуратуры РФ, осуществляют межведомственное взаимодействие с такими надзорными и контролирующими структурами, как Банк России, Счетная палата, Росфинмониторинг и Агентство по страхованию вкладов. Основной задачей данного сотрудничества является выявление подозрительных финансовых операций и иных форм противоправных деяний в экономической сфере.

Нормативное регулирование межведомственного взаимодействия в сфере противодействия легализации преступных доходов закреплено в Инструкции, утвержденной совместным приказом от 21.08.2018 перечисленными федеральными органами [3]. Данный документ определяет формы и порядок обмена информацией между участниками антикоррупционного и противоправного взаимодействия. Тем не менее, как показывает судебная и правоохранительная практика, включая взаимодействие Центрального банка РФ с правоохранительными структурами, реализация положений Инструкции на практике сталкивается с рядом трудностей, среди которых – несвоевременное предоставление данных и недостаточная согласованность действий.

Согласно статистике, в январе – мае 2024 года количество преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информацией, возросло на 1,3 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Вместе с тем практика показывает, что значительное число финансовых преступлений, особенно совершаемых в киберпространстве, остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Норма статьи 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет особые условия возбуждения уголовного дела в случае противоправных деяний, не затрагивающих интересы государства, общества или права третьих лиц. Такие дела могут быть возбуждены только при наличии заявления или с согласия руководителя юридического лица, в отношении которого совершены данные деяния [1].

Таким образом, из анализа нормы следует, что возможность выявления факта совершения финансового преступления правоохранительными органами напрямую зависит от наличия заявления со стороны руководителя юридического лица – будь то генеральный директор коммерческой организации, управляющий филиалом банка или глава Совета директоров кредитной организации.

Норма статьи 144 УПК РФ закрепляет за следователем право инициировать такие процессуальные действия, как документальные проверки, ревизии и исследования документов и предметов уже на этапе предварительной проверки. Однако сама формулировка закона не определяет, кто именно наделен обязанностью исполнять такие поручения, в какой форме они должны быть оформлены и при каких условиях возможно их исполнение.

Между тем использование информации, полученной на указанном этапе, в качестве доказательства возможно исключительно при соблюдении положений ст. 75 и 89 УПК РФ, направленных на обеспечение законности и допустимости доказательств в уголовном процессе.

В рамках уголовно-процессуального законодательства результаты оперативно-розыскной деятельности определяются как информация, собранная в соответствии с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», о фактах подготовки, совершения или совершенных преступлениях, а также о лицах, причастных к ним или скрывающихся от правосудия. Такое определение закреплено в пп. 36.1 ст. 5 УПК РФ.

Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю закреплен в Инструкции, утвержденной межведомственным приказом от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Согласно положениям данного документа, рапорт или сообщение о результатах оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом для возбуждения уголовного дела. При этом рапорт должен составляться в соответствии с требованиями ст. 143 УПК РФ, тогда как правовая природа и процессуальное значение самого сообщения законодательно не определены [4].

Особую дискуссию вызывают положения п. 9 и 10 Инструкции. Так, предоставление материалов ОРД следователю для проведения проверки и принятия процессуального решения по основаниям, предусмотренным ст. 144–145 УПК РФ, не вызывает существенных вопросов. Однако, согласно Инструкции, на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, указанные материалы могут направляться непосредственно для приобщения к материалам уголовного дела.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 86 УПК РФ, сбор доказательств в рамках уголовного судопроизводства осуществляется исключительно дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Никаких прямых указаний на возможность использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве самостоятельных доказательств в рамках уголовного процесса в законе не содержится.

Норма ст. 1 Федерального закона № 144-ФЗ закрепляет двойственный характер оперативно-розыскной деятельности – она может осуществляться как публично, так и в скрытой форме. При этом, как указывает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31.10.1995 № 8, возможность использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств в уголовном процессе обусловлена строгим соблюдением процессуальных гарантий, а именно – наличием судебного разрешения на проведение таких мероприятий и последующей их проверкой следственными органами в рамках УПК РФ.

Одной из актуальных проблем применения материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе является ограниченная возможность следователя проверить источник информации. Как правило, такие сведения предоставляются сотрудниками оперативных подразделений в конфиденциальной форме, что препятствует полноценной оценке их достоверности и допустимости в качестве доказательств.

С учетом анализа действующего правового регулирования и выявленных проблем правоприменения представляется обоснованным перенос положений, регулирующих порядок представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности, из межведомственных инструкций и приказов в основной процессуальный закон – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Это повысит уровень правовой определенности, снизит вероятность признания таких материалов недопустимыми доказательствами и усилит гарантии законности при их использовании.

Таким образом, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовных делах о финансовых преступлениях играет ключевую роль в установлении истины. Однако эффективность такого использования зависит от соблюдения процессуальных норм, профессионализма участников процесса и качественной организации взаимодействия между правоохранительными структурами.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. 20.03.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Тарасов М. Ю., Дрога А. А. Деятельность следователя по выявлению и предупреждению обстоятельств, способствующих совершению преступлений в ЖКХ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 4.

3. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем: приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

***Е. В. Теплова**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье автором рассматриваются проблемы, связанные с пресечением легализации доходов, полученных от наркоторговли. В статье выделены ключевые трудности, с которыми сталкиваются оперативные и следственные подразделения МВД России в данной сфере. Среди них: разрозненность в подходах к квалификации правонарушений, связанных с денежными переводами, получаемыми наркосбытчиками; применение преступниками технологий шифрования и криптовалют; отсутствие разработанной методики выявления легализации наркодоходов и т. д. В заключение статьи представлены авторские рекомендации по преодолению обозначенных проблем.

Ключевые слова: легализация, криптовалюта, наркоторговля, наркодоходы, электронные кошельки.

SOME PROBLEMS ASSOCIATED WITH COMBATING THE LEGALIZATION OF INCOME FROM ILLEGAL DRUG TRAFFICKING.

***E. V. Teplova**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article by the author examines the problems associated with the suppression of the legalization of income received from drug trafficking. The article highlights the key difficulties faced by the operational and investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in this area. Among them: fragmentation in approaches to the qualification of offenses related to money transfers received by drug traffickers; the use

of encryption technologies and cryptocurrencies by criminals; lack of a developed methodology for identifying the legalization of drug profits, etc. At the end of the article, author's recommendations for overcoming the indicated problems are presented.

Keywords: legalization, cryptocurrency, drug trafficking, drug profits, electronic wallets.

Отмывание криминальных доходов ослабляет экономику, создает теневую экономику и подрывает усилия по борьбе с преступностью, также помогает преступным организациям финансировать незаконные операции, включая терроризм.

Наркоторговля представляет собой глобальную угрозу, негативно влияющую на политическую стабильность, социально-экономическое развитие и безопасность. Эта проблема давно привлекает внимание международного сообщества. Доходы от этой деятельности вредят здоровью людей, вовлеченных в употребление наркотиков, и приводят к росту насилия, коррупции и дестабилизации в регионах, вовлеченных в производство и транспортировку наркотиков. Глобализация, развитие финтеха и новые платежные системы, включая цифровые валюты, усугубляют проблему незаконных финансовых потоков и трансграничной организованной преступности.

Наиболее значимыми для борьбы с легализацией преступных доходов являются деяния, предусмотренные ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Под эту статью подпадают профессиональные «легализаторы», включая организаторов отмывочных площадок, которые поддерживают экономическую основу организованной наркопреступности. В последнее время среди преступников широко используется метод бесконтактной продажи наркотиков, исключающий личный контакт [2].

Оплата за наркотики осуществляется переводами через терминалы или электронные сети на виртуальные счета, такие как WebMoney, Яндекс.Деньги и другие. Средства затем переводятся на другие счета или обналичиваются через легальную финансовую систему. Однако сложные схемы переводов часто рассматриваются прокурорами и судами не как легализация доходов, а как часть других преступлений или их прикрытие. Иногда различные судьи могут по-разному квалифицировать финансовые операции с доходами, полученными преступным путем [3].

Признаки легализации наличных в последующих операциях с наличностью: вклады, зачисление на сторонние счета, инвестиции в недвижимость и предметы роскоши. Оперативно-розыскные мероприятия должны быть направлены на выявление таких операций. Использование преступниками криптовалюты и технологий, скрывающих их личности, указывает на необходимость усиления

возможностей подразделений технического наблюдения в правоохранительных органах. Это можно достичь как за счет расширения прав доступа к информации операторов связи, так и создания новых технических средств и методов.

Исследования показывают, что цифровые финансовые активы широко используются для легализации преступных доходов. Криптовалюты позволяют переводить средства по всему миру, обходя традиционные банковские системы. Количество криптовалют стремительно растет. По данным ресурса Coingecko на октябрь 2019 г., насчитывалось 5802 вида криптовалют, популярность которых среди преступников продолжает расти [1].

Отмывание преступных доходов подрывает экономику, создавая теневой сектор, ослабляет финансовую систему и затрудняет борьбу с преступностью. Это позволяет преступным организациям финансировать свою незаконную деятельность, включая терроризм.

Незаконный оборот наркотиков представляет собой глобальную угрозу для политической стабильности, социально-экономического развития и безопасности. Эта проблема давно находится в поле зрения международного сообщества. Прибыль от наркоторговли не только наносит вред здоровью наркозависимых, но и способствует росту насилия, коррупции и дестабилизации в странах, вовлеченных в производство, транспортировку и потребление наркотиков.

Глобализация, развитие финансовых технологий и появление новых платежных систем, включая цифровые валюты, усугубляют проблему незаконных финансовых потоков и транснациональной организованной преступности.

В интернете действуют сайты-обменники, такие как 24PAYBANK, которые позволяют обменивать деньги из электронных платежных систем на криптовалюты и обратно, а также выводить деньги из криптовалют в легальную банковскую систему. Важно отметить, что криптовалюты используют не только для расчетов за наркотики, но и для других незаконных товаров и услуг: оружие, взрывчатку, наем убийц, просмотр порнографических материалов и так далее. Криптовалюты можно разделить на условно анонимные (их транзакции и владельцев можно выявить в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий) и практически анонимные [4].

Практика показывает, что выявление и предотвращение легализации преступных доходов посредством использования условно анонимных криптовалют, таких как Bitcoin, является достижимой задачей для оперативных подразделений МВД России. Преступники, стремясь усложнить документирование своей незаконной деятельности, часто прибегают к использованию «миксеров» – интернет-сервисов, которые запутывают следы криптовалютных транзакций. Основная задача «миксера» заключается в перемешивании переводов различных владельцев криптовалюты и последующем их выводе на другие кошельки, что затрудняет установление первоначального владельца. Поэтому легализация

доходов от наркооборота отличается высокой сложностью их выявления и документирования, обусловленной вышеупомянутыми техническими и организационно-правовыми факторами. Текущая практика борьбы с легализацией доходов от наркотиков не подрывает финансовые основы наркопреступности.

Для решения этих проблем важно следующее.

1. Разработать и принять единый подход к квалификации преступлений, связанных с финансовыми операциями перевода средств, полученных от наркосбытчиков.

2. Признать все деньги, поступающие на электронные кошельки, используемые для оплаты наркотиков, наркодоходами.

3. Расширить возможности ПСТМ по снятию информации с каналов связи наркоторговцев.

4. Создать методику выявления легализации наркодоходов в современных условиях и внедрить ее в работу оперативных и следственных подразделений МВД России.

5. Внести изменения в законодательство, позволяющие блокировать безналичные средства лиц, подозреваемых в причастности к наркоторговле и легализации наркодоходов.

6. Закрепить презумпцию незаконности приобретения имущества наркосбытчиками и их родственниками. Реализация этих мер позволит значительно повысить эффективность борьбы с легализацией доходов от незаконного оборота наркотиков.

Список источников

1. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
2. Васюков В. Ф. Расследование дел о сбыте наркотиков с использованием мессенджеров и криптовалюты // Уголовный процесс. 2019. № 9 (177).
3. Гусев В. А. Современные тенденции качественных изменений организованной преступности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79).
4. Ключников А. Ю. Криптовалюта как предмет обеспечения по уголовному делу // Уголовный процесс. 2018. № 6.

УДК 343.3/.7

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

***Н. В. Уварова**, начальник кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена отдельным аспектам понятия финансовых преступлений через определение объекта и предмета исследуемой группы преступлений.

Ключевые слова: финансовые преступления, классификация, финансы, денежные средства.

FINANCIAL CRIMES IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA: CONCEPT AND TYPES

***N. V. Uvarova**, head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to individual aspects of the concept of financial crimes through the definition of the object and subject of the studied group of crimes.

Keywords: financial crimes, classification, finance, money.

Определение понятия группы преступлений, а также его видов способствует их эффективному противодействию. Актуальность противодействия финансовым преступлениям обусловливается такими факторами, как ослабление экономической сферы в результате совершения таких преступлений, снижения уровня благосостояния общества, регулирование рассматриваемых общественных отношений нормами различных отраслей права.

Финансовые преступления располагаются как в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Экономические преступления», так и в других главах УК РФ, что подчеркивает их многоплановость, а также влияние на различные стороны сферы общественной жизни.

Противодействию данному виду преступлений в последнее время уделяется повышенное внимание. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ одной из задач обеспечения экономической безопасности определено сокращение вывода финансовых активов за границу, противодействие финансовым операциям [1].

Для формирования понятия той или иной группы преступлений, необходимо определиться с объектом и предметом преступлений такой группы. В рамках нашего исследования мы говорим именно о нормах, регулирующих уголовно-правовые отношения. Исследователи, в целом, сходятся на том, что финансовые преступления являются видом экономических преступлений. Также существуют различные классификации экономических преступлений, мы представим те из них, в которых выделяется отдельно и группа финансовых преступлений. Так, Л. Д. Ермакова выделяет в гл. 22 УК РФ преступления в сфере финансовых правоотношений, связанных с оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней [7, с. 237].

В. С. Комиссаров и Л. В. Иногамова-Хегай в структуре экономических преступлений выделяют преступления, посягающие на финансовые отношения, к числу которых относят: преступления, посягающие на отношения по обращению денег и ценных бумаг; преступления, посягающие на отношения по обращению валютных ценностей; преступления, посягающие на отношения по уплате налогов [6, с. 332].

Кроме того, финансовые преступления могут посягать не только на экономические отношения, но и причинять вред другим объектам. Так, к финансовым преступлениям содержащимся в иных главах УК РФ, помимо гл. 22 УК РФ некоторые исследователи относят, например, ст. 285.1, 285.2 УК РФ [2, с. 88–89].

Согласно положениям Большого экономического словаря, финансы – это обобщающая категория, отражающая экономические отношения в процессе создания и использования фондов денежных средств, денежным обращением; термин, означающий денежные средства, рассматриваемые в их создании и движении, распределении и перераспределении, использовании и экономические отношения, обусловленные взаимными расчетами между хозяйственными субъектами, движением денежных средств, денежным обращением, использованием денег [4].

Большой толковый словарь русского языка толкует финансы, как совокупность всех денежных средств, находящихся в распоряжении государства, предприятия и т. п., система их формирования, распределения и использования [3].

Согласно, этим двум определениям, финансы связывают с денежными средствами. При этом не всегда денежные отношения являются финансовыми. Так, в систему финансовых отношений не входят денежные отношения, которые не регулируются нормативными правовыми актами, а субъекты таких отношений самостоятельно определяют права и обязанности и другие условия (например, бытовое обслуживание, транспортное обслуживание).

Юридическая природа финансов определяется государством. Социально-экономическая сущность финансов в государственной сфере определяется источником получения государством финансовых ресурсов, а также интересами потребляемой стороны. При этом наряду с централизованными денежными фондами государства в последние годы получили развитие децентрализованные денежные фонды предприятий. То есть определение финансов перестало ограничиваться государственной сферой, а стало включать в себя и финансы организаций различных форм собственности. Исходя из вышеизложенного, под финансами понимаются экономические отношения, связанные с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, возникающих во всех сферах движения стоимости общественного продукта и национального доходов, с целью выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства на макро- и микроуровне [5, с. 12].

Проведенный анализ позволяет согласиться с выводом о том, что объектом финансовых преступлений являются общественные отношения, связанные с формированием, распределением и использованием фондов денежных средств государства, а также хозяйственных субъектов. Предметом являются денежные средства, указанных субъектов.

Список источников

1. Стратегия национальной безопасности: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 27, ст. 5351.
2. Арсланбекова А. З. Понятие и классификация финансовых преступлений // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. Вып. 2.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова // Herzena.ru: электронные словари русского языка. URL: https://herzena.ru/index.php/words/show/17410 (дата обращения: 01.04.2025).
4. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003.
5. Подъяблонская Ф. М. Финансы: учеб. // FREEGRANT: [сайт]. URL: https://freegrant.3dn.ru/files/podyablonskaya_l_m_finansy.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
6. Российское уголовное право / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М., 2007.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай и др. М., 2010.

УДК 343.5

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В СТАТЬЕ 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***А. О. Швейгер**, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент*

Статья посвящена анализу оценки эффективности включения административной преюдиции в структуру статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Анализируются некоторые подходы относительно института административной преюдиции в уголовном праве. Делается вывод о том, что в настоящее время административная преюдиция в рамках статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации продемонстрировала достаточную эффективность и способствовала либерализации уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: алименты, неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, административная преюдиция, уголовная ответственность.

ON THE QUESTION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN ARTICLE 157 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***A. O. Shveyger**, professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor*

The article is devoted to the analysis of the assessment of the effectiveness of the inclusion of administrative prejudice in the structure of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for failure to pay funds for the maintenance of children or disabled parents. Some approaches to the institution of administrative prejudice in criminal law are analyzed. It is concluded that at present,

administrative prejudice within the framework of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation has demonstrated sufficient effectiveness and contributed to the liberalization of criminal law policy.

Keywords: alimony, failure to pay funds for the maintenance of children or disabled parents, administrative prejudice, criminal liability.

Вопросы развития и поддержки семьи, материнства и детства всегда являлись одними из приоритетных в государственной политике. Это нашло свое отражение в ст. 67.1 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), в которой говорится о том, что государство создает необходимые условия для всестороннего развития детей, а также в ст. 72 Конституции РФ, устанавливающей совместное ведение РФ и субъектов РФ вопросов создания условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Содержательно условия, определяющие характер достойности воспитания, имеют отношение к различным аспектам жизни человека. К ним можно отнести духовно-нравственные, психологические, психические, физические, социальные и иные условия, в которых существует и развивается человек. Важным аспектом в современных экономических условиях является также вопрос материального обеспечения воспитания и развития детей, существования нетрудоспособного взрослого населения.

Данная политика реализуется системой государственных мер обеспечительного характера, частью которых является уголовно-правовое регулирование вопросов материального обеспечения таких лиц. В частности, в ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) устанавливается уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Ранее обязательным признаком данной нормы являлась злостность неуплаты алиментов, которая имела выраженный оценочный характер, что создавало определенные правоприменительные проблемы при привлечении к уголовной ответственности виновных лиц.

Внесенными изменениями в 2016 г. конструкция нормы была трансформирована: был исключен признак злостности, который был заменен признаком неоднократности неуплаты алиментов. Это произошло в рамках общей тенденции курса государственной уголовной политики, направленной на гуманизацию уголовной ответственности. Таким образом конструкция нормы приобрела характер преюдициальной.

Необходимо отметить, что ранее институт административной преюдиции был исключен с принятием УК РФ 1996 г. Однако через относительно незначительный период времени в 2009 г. вопрос о реанимации данного института был поднят вновь. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ

отмечалось, что необходимо использовать административную преюдицию чаще при совершении преступлений небольшой и средней тяжести [4]. В результате последующих изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ, административная преюдиция вновь стала обязательным признаком некоторых составов преступлений, в число которых вошла и ст. 157 УК РФ.

Данный шаг законодателя вновь возродил дискуссии о возможности и допустимости существования предикатного административного правонарушения как условия последующей уголовной ответственности.

Известная критика административной преюдиции в уголовном праве базируется на отрицании допустимости межотраслевой преюдиции в самой репресссивной отрасли права. Спектр научных мнений, приводимых в качестве аргументов достаточно широк. Не акцентируя внимания на их подробном анализе отметим, что озвучиваемые мнения заслуживают внимания. Вместе с тем, вопрос существования института административной преюдиции, как и остальных правовых институтов вообще – вопрос политико-правовой целесообразности, основанной на необходимости регулирования возникающих отношений в конкретном обществе в конкретное время с учетом всех аспектов социально-экономического, политического и пр. характера.

В научной литературе имеются точки зрения о том, что институт административной преюдиции является ничем иным, как формой усиления репрессивности уголовного закона, поскольку административное правонарушение при повторном его совершении приобретает уже характер криминального деяния [1]. Однако необходимо отметить, что некоторые авторы, наоборот, рассматривают ее как инструмент «мягкой криминализации деяний» [3, с. 79–81].

Кроме того, нельзя односторонне рассматривать механизм действия данного института только как усиливающего репрессивность УК РФ. Административная преюдиция может не только ужесточать государственную уголовную политику, но и работать в обратную сторону, существенно смягчая ее.

Так, ст. 157 УК РФ с момента принятия УК РФ 1996 г. предусматривала уголовную ответственность за неуплату алиментов без промежуточных межотраслевых этапов воздействия на виновного. После вынесения судебного решения об уплате алиментов и передачи исполнительного листа в службу судебных приставов-исполнителей, при наличии признака злостности неуплаты средств должник сразу привлекался к уголовной ответственности. Это повлекло рост количества осужденных по данной статье. С 2010 по 2015 г. среднее количество осужденных в России составляло порядка 60–65 тыс. человек в год. После внесения изменений в ст. 157 УК РФ и замены признака злостности неуплаты алиментов признаком неоднократности количество осужденных существенно снизилось и уже с 2016 по 2024 г. в среднем составляло 40–45 тыс. человек [2].

Необходимо напомнить, что с введением института административной преюдиции в ст. 157 УК РФ, в Кодекс РФ об административных правонарушениях была введена ст. 5.35.1, которая ранее в нем отсутствовала, устанавливающая административную ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Таким образом можно констатировать, что фактически произошла частичная декриминализация ст. 157 УК РФ, позитивно отразившаяся на состоянии количества осужденных, позволившая снизить их количество в среднем на треть, а в некоторые годы – на половину.

Такая позитивная тенденция стала возможной благодаря изменению инструментария правового воздействия на лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. Предварительное привлечение к административной ответственности, как показал опрос некоторых судебных приставов-исполнителей Федеральной службы судебных приставов РФ, побуждает многих должников начать выплату средств на содержание своих детей и родителей. Такой подход позволяет достичь сразу несколько целей. Во-первых, реализуются задачи материальной поддержки несовершеннолетних, их развития и воспитания. Во-вторых, снижение карательной нагрузки уголовной политики и отсутствие судимости у лица, оступившегося впервые и не плативщего алименты.

Ранее для установления признака злостности судебными приставами-исполнителями выносилось письменное предупреждение об уголовной ответственности и если лицо после этого продолжало уклоняться от уплаты алиментов, оно привлекалось к уголовной ответственности. Такая практика была менее эффективной еще и потому, что эфемерное предупреждение, не влекущее за собой реального воздействия на должника, не всеми воспринималась как серьезная угроза следующих за ним последствий.

Первоначальное же привлечение к административной ответственности, имея выраженный объективный характер, проявляющийся в принудительном ограничении прав лица, которое он испытал в результате наложенного административного наказания, в том числе демонстрирует ему всю серьезность последующего уклонения от уплаты алиментов и реальность привлечения к уголовной ответственности. Эффективность такого механизма была доказана последующей практикой и снижением количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Поэтому нельзя односторонне воспринимать институт административной преюдиции в уголовном праве лишь как инструмент повышения репрессивности уголовного закона. В некоторых случаях она может наоборот быть основой либерализации уголовного законодательства за счет перераспределения репрессивной нагрузки в межотраслевую плоскость. Фактически это инструмент усмотрения законодателя, как и для каких целей он будет использован.

Отрицать межотраслевые связи права, пытаясь различными аргументами изолировать отрасли права друг от друга, равносильно попытке изолировать цветы от пчел. Право универсально, являясь главным регулятором общественных отношений. И каждая ее отрасль симбиотично интегрирована в общеправовое поле и немыслима вне взаимосвязи с другими отраслями.

Высказанные соображения позволяют поддержать решение законодателя о возвращении в уголовное право административной преюдиции и, в частности, вплетения ее в структуру ст. 157 УК РФ.

Список источников

1. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина / Л. В. Головко, А. И. Коробеев, Н. А. Лопашенко [и др.]; коммент. А. И. Коробеева, Н. А. Лопашенко, С. А. Пашина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
2. Данные судебной статистики за 2010–2024 гг. Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 07.04.2025).
3. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНИКА

***А. А. Шевченко**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются социально-психологические факторы, детерминирующие преступное поведение несовершеннолетних в сети Интернет. Особое внимание уделяется механизмам формирования делинквентных установок в подростковой среде и роли цифровой социализации в генезисе преступного поведения.

Ключевые слова: детерминирующие факторы, интернет-преступник, несовершеннолетний, подросток, преступное поведение.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF CRIMINAL BEHAVIOUR OF A MINOR INTERNET CRIMINAL

***A. A. Shevchenko**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article examines the socio-psychological factors that determine the criminal behavior of minors in the Internet. Special attention is paid to the mechanisms of formation of delinquent attitudes in the adolescent environment and the role of digital socialization in the genesis of criminal behavior.

Keywords: determining factors, Internet criminal, minor, teenager, criminal behavior.

Психология личности несовершеннолетних с преступным поведением обусловлена спецификой подросткового и юношеского возраста.

Несовершеннолетним свойственно в основном стремительное физическое развитие организма, избыточная энергия, инициативность, активность. Причинами нарушения дисциплины являются повышенная возбудимость, неуравновешенность, доминирование процессов возбуждения над процессами торможения. У несовершеннолетних также отмечается восприимчивость и к внешним воздействиям, подобная впечатлительность способствует формированию черт

характера, мировоззрения и свойств личности. Снижение эффективности социальной регуляции поведения и замедленность развития общественно полезных установок обеспечивается за счет нравственной неустойчивости, обусловленной наличием у несовершеннолетних интернет-преступников некритического отношения к себе, неадекватной оценки действительности. Именно нравственная неустойчивость и повышенная чувствительность к негативным воздействиям, оказываемым в сети Интернет, в совокупности с психолого-возрастными особенностями развития несовершеннолетних служат предпосылками для совершения противоправных действий в интернет-пространстве.

Среди характерологических особенностей следует отметить акцентуации характера, трудности коммуникации с окружающими, которые связаны с отсутствием практики живого общения ввиду замены реального общения на виртуальное. Кроме того, у несовершеннолетних ярко выражены такие негативные личностные свойства, как грубость, озлобленность, агрессивность, безответственность, отсутствие сострадания к окружающим.

Систематическая неудовлетворенность потребности в социальном признании способствует актуализации враждебного, негативного отношения к окружающему миру и вызывает недоверие к людям, что приводит к усилению внутреннего конфликта, провоцирующего тревожность и различные формы проявления агрессии.

А. Е. Личко, описывая подростковый и ранний юношеский возраст, отмечал, что среди общих особенностей этого возраста наблюдается изменчивость настроения с переходами от безудержного веселья к унынию и сочетание ряда полярных качеств, выступающих попеременно [3, с. 8]. П. М. Якобсон подчеркивает, что склонность к подражанию у подростков продиктована отсутствием собственного опыта для выбора оптимальной стратегии поведения [5, с. 24]. А. А. Реан указывает на первоочередную потребность подростков в общении со сверстниками для становления норм поведения [4, с. 28].

Таким образом, указанные криминогенные сдвиги и деформации нравственной, моральной и эмоционально-волевой сфер приводят к тому, что несовершеннолетние часто совершают преступления.

Кроме того, для возникновения делинквентного поведения необходимо наличие факторов, детерминирующих совершение преступных действий. Среди данных факторов можно выделить социальные условия, неблагополучие семьи, потребность в заботе со стороны родителей, школьную дезадаптацию, наличие которых провоцирует формирование ранних травматических переживаний и усвоение подростком антиобщественных ценностей [1, с. 14]. Потребность несовершеннолетних в ощущении собственной значимости служит причиной отчуждения подростка от сверстников, что также является детерминирующим фактором формирования делинквентностного поведения подростков.

Совершению противоправных поступков способствуют не только индивидуально-личностные характеристики, но и нравственная деградация личности несовершеннолетнего Интернет-преступника. Недостатки нравственного воспитания основаны на том, что несовершеннолетний не обладает представлениями о чести, долге и достоинстве, и ориентирован на достижение собственной выгоды посредством других людей и нарушения их прав.

М. Ю. Кашинский отмечает, что психопатологические детерминанты противоправного поведения, связанные с личностными аномалиями, также способны привести к преступному поведению и активизировать такие черты характера, как раздражительность, агрессивность, жестокость и снижение волевой саморегуляции [2, с. 140].

Асоциальные установки также могут формироваться у несовершеннолетних под влиянием среды, ближайшего окружения, либо выступать в качестве последствий нарушенных механизмов социализации. Семья, являясь первичной средой социализации, может рассматриваться как ведущее условие развития патологических девиантных форм поведения, которым может способствовать асоциальный образ жизни родителей, что закладывает основу для социального неблагополучия ребенка.

В конфликтных семьях также наблюдается деформация воспитательных функций. Подросток является свидетелем постоянных конфликтов родителей друг с другом и объектом непроизвольного вымещения родителями агрессии. Подобная психотравмирующая атмосфера в семье способствует снижению порога адаптационных возможностей подростка и создает благоприятную среду для развития преступного поведения.

В семьях с асоциальной направленностью поведения подростки непроизвольно усваивают нормативную систему, которая отражает ценности субкультуры семьи.

При этом личность несовершеннолетнего Интернет-преступника может формироваться не только в условиях антисоциальной семьи, но и в достаточно благополучной семье.

Доминантная гиперопека со стороны родителей препятствует развитию у несовершеннолетних автономности, а подростковая эмансипация приобретает уже гипертрофированный характер, что приводит к формам активного подросткового протеста и антидисциплинарному поведению.

Сложные семейные взаимоотношения, неблагоприятный статус в среде сверстников приводит к тому, что подростки начинают поиски среды, в которой им представится возможность заслужить определенный статус, самоутвердиться. Первоначально объединение подростков происходит в группы по интересам в социальных сетях, так как для несовершеннолетних важно чувствовать принадлежность к группе, чтобы реализовать значимое для формирующейся

личности чувство принадлежности. При этом подростки могут вступать в группы, осуществляющие преступную деятельность, например, незаконный оборот наркотических средств. Приобщение к подобным сообществам также обусловлено стремлением подростков стать финансово независимыми от родителей.

Образовательное учреждение выступает еще одним фактором социализации подростков. Применительно к учебно-воспитательной работе общеобразовательного учреждения можно выделить следующие недостатки:

– несвоевременное выявление учащихся, склонных к нарушению морально-нравственных и правовых норм;

– неправильные педагогические подходы к учащимся, склонным к нарушению морально-нравственных и правовых норм, которые влекут за собой возникновение психологических барьеров между учителем и учащимся: недоброжелательное отношение, отсутствие поддержки и помощи, применение мер негативного стимулирования;

– недостаточный уровень профессионализма учителя: психологическая неподготовленность к работе с «трудными детьми», отсутствие дифференцированного подхода к ученикам и учета индивидуально-возрастных особенностей учащихся.

Таким образом, детерминация преступного поведения несовершеннолетнего интернет-преступника основывается на совокупности причин и факторов: социальных, экономических, политических и психологических, предопределяющих соответствующую стратегию поведения.

Список источников

1. Васягина Н. Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики // Вестник практической психологии образования. 2018. Т. 15. № 1. С. 12–17.
2. Кашинский М. Ю. Роль личностных детерминант в генезе преступности и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2 (36). С. 139–144.
3. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983. 126 с.
4. Реан А. А. Психология личности. СПб., 2018. 286 с.
5. Якобсон П. М. Чувства. Их развитие и воспитание. М., 1976. 64 с.

Секция «Административное право, государственные и гражданско-правовые дисциплины»

УДК 316.32

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАБОТЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Ван Сяоцянь**, сотрудник юридического факультета Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности КНР*

Основное внимание в статье уделяется взаимосвязи между деятельностью сотрудников полиции и социокультурными факторами. Поднимается вопрос о том, как на правоприменительные полномочия и действия органов общественной безопасности – подразделений по поддержанию стабильного развития социальной безопасности – влияют ценности окружающей среды.

Ключевые слова: общественная безопасность, полномочия правоохранительных органов, ценности.

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS – A BRIEF ANALYSIS FROM THE POINT OF VIEW OF WORK TO ENSURE PUBLIC SAFETY

***Wang Xiaoqian**, employee of faculty of Law of the Heilongjiang Institute of Professional Officer Training of the People's Republic of China*

The article focuses on the relationship between the activities of police officers and socio-cultural factors. The question is raised about how the values of the environment affect the law enforcement powers and actions of public security agencies – units responsible for maintaining the stable development of social security.

Keywords: public safety, powers of law enforcement agencies, values.

Органы общественной безопасности являются важными подразделениями, ответственными за поддержание социальной стабильности и защите жизни и имущества людей. Правоохранительные полномочия сотрудников полиции постоянно меняются. Например, в 1912 г. британское правительство распорядилось создать в Лондоне организацию по управлению дорожным движением, включив управление дорожным движением в сферу обеспечения общественной безопасности, что положило начало созданию дорожной полиции.

Правоприменительные действия как важное проявление деятельности государственной власти не только ограничены правовыми нормами, но и укоренены в определенной социальной культуре. В работе по обеспечению общественной безопасности связь между действиями сотрудников правоохранительных органов и социальной культурой все более заметна, становится важным фактором, влияющим на эффективность работы правоохранительных органов и социальную гармонию.

1. Влияние социальной культуры на правоприменительную деятельность органов общественной безопасности.

В работе по обеспечению общественной безопасности на поведение сотрудников правоохранительных органов влияют разные социальные и культурные факторы. Во-первых, традиционная правовая культура. В Китае существуют давние традиции правовой культуры, а именно идеи «добродетели как главного и наказания как вспомогательного», а также «единства ритуала и законов».

В процессе обеспечения соблюдения закона идея, например, «добродетели как главного и наказания как вспомогательного» может повысить эффективность процесса. При рассмотрении дел сотрудники полиции должны не только действовать в соответствии с законом, но и уделять внимание нравственному

воспитанию. При рассмотрении незначительных нарушений закона можно использовать воспитательные меры, меры предупреждения и т. д., чтобы заставить правонарушителя осознать свои ошибки, тем самым достигая цели повышения уровня воспитания и профилактики преступлений.

Традиционные концепции могут не только предоставлять богатые культурные ресурсы для правоохранительных органов, но и противоречить современным концепциям верховенства права. Такие необходимо выявить и отказаться от них на практике.

Влияние социальной культуры на действия сотрудников правоохранительных органов – многослойно и всеобъемлюще, особенно учитывая специфику и сложность среды, в которой они работают. Социальный и культурный фон оказывает глубокое влияние на ценности и модели поведения сотрудников правоохранительных органов.

Сотрудники правоохранительных органов, выросшие в разных культурах, могут иметь разное понимание закона, справедливости и порядка, особенно в современном культурно разнообразном мире, но их когнитивная сущность – это государственная власть, поддержание социальной стабильности и защита личных и имущественных прав людей от посягательств.

Строгое соблюдение закона является основным принципом современной правоохранительной деятельности, требующим от всех сотрудников полиции совершать административные действия в соответствии с законом. «Поскольку есть правила, их следует соблюдать. Мы не можем брать то, что хотим, основываясь на наших личных симпатиях и антипатиях. В противном случае правила станут простой формальностью, и все виды порядка будут нарушены. Если правила устарели или неприменимы, их следует изменить, но игнорировать их нельзя» [2].

При принятии решений сотрудники полиции часто неосознанно находятся под влиянием культурных ценностей общества, в котором живут. Например, в некоторых культурах поддержание социальной гармонии может считаться высшей ценностью, что может привести к тому, что сотрудники полиции будут более склонны выступать посредниками при разрешении конфликтов, а также будут способны упрощать и упорядочивать сложные вопросы. Напротив, в культуре, которая подчеркивает верховенство закона и верховенство правил, сотрудники полиции более жестко склоняются к строгому соблюдению закона, действия сотрудников правоохранительных органов также оказывает большое влияние на социальную культуру.

Посредством правоприменения ценности, воплощенные в законе, распространяются и укрепляются, тем самым влияя на модели поведения и образ мышления членов общества. Например, строго соблюдая закон и пресекая

незаконную и преступную деятельность, органы общественной безопасности не только поддерживают общественный порядок, но и укрепляют юридическую и правовую грамотность членов общества.

Эти интерактивные отношения формируют динамичную и сложную систему взаимодействий между действиями правоохранительных органов и социальной культурой. Соответственно, это также приводит к значительному повышению уровня социальных масс, требования к цивилизованному поддержанию правопорядка со стороны сотрудников полиции становятся все более строгими. Вследствие этого обеспечение правопорядка должно быть стандартизированным и должно осуществляться строго в соответствии с процедурами, предписанными законами и правилами. В таком формате сотрудники полиции глубоко понимают законы и правила, которые они используют, и обеспечивают соблюдение закона в строгом соответствии с правовыми процедурами, а взаимодействие между социальной культурой и сотрудниками правоохранительных органов имеет особое значение.

По мере того, как общество продолжает развиваться, а законы и нормативные акты – совершенствоваться, требования к обеспечению общественной безопасности возрастают, необходимость детального и гуманного соблюдения законов в правоохранительной деятельности усиливается.

2. Интерактивные отношения между правоохранительными органами и социальной культурой.

Между действиями сотрудников правоохранительных органов и социальной культурой существует тесная интерактивная связь. Социальная культура как совокупность ценностей, поведенческих норм и образа жизни, сформированных в многолетней жизненной практике человека, оказывает глубокое влияние на концепции, методы и результаты деятельности правоохранительных органов. Законы и нормативные акты диктуют сотрудникам правоохранительных органов процедуры и конкретные указания по обеспечению соблюдения законов. Общества с разным культурным наследием по-разному понимают такие понятия, как справедливость, порядок и права, и эти различия напрямую отражаются на постановке целей и выборе средств обеспечения соблюдения закона. Например, в культуре, которая делает упор на коллективизм, правоохранительные органы могут больше концентрироваться на поддержании общих интересов общества; в то время как в культуре, которая делает упор на индивидуализм, правоохранительные органы могут больше концентрироваться на защите индивидуальных прав.

В то же время действия правоохранительных органов также имеет важное взаимодействие с социальной культурой. Действия сотрудников полиции в сфере охраны правопорядка не только отражает социальную культуру, но и формирует ее. Административные действия, предпринимаемые полицией, взаимодействуют с поведенческими моделями и способами мышления членов

общества. Эти отношения создают сложную динамическую систему между действиями правоохранительных органов и социальной культурой. Однако в связи с быстрым развитием общества наблюдается определенное отставание в применении законов и иных нормативных актов, что приводит к своеобразному испытанию гибкости их применения при обеспечении соблюдения закона.

Прогресс социальной культуры, улучшение качества жизни людей и личных качеств способствовали прогрессу и развитию законов и правил. В то же время в процессе обеспечения правопорядка сотрудники полиции должны содействовать совершенствованию законов и нормативных актов, а также развитию правового мышления общественности.

3. Предложения по оптимизации работы правоохранительных органов в сфере общественной безопасности.

Со временем полиция сталкивается со все более сложной средой обеспечения правопорядка и должна принимать последовательные меры для оптимизации правоохранительной практики.

Прежде всего, следует повысить культурную грамотность сотрудников полиции, особенно юридическую, уделить особое внимание формированию правовой грамотности. Благодаря систематической подготовке и обучению сотрудники правоохранительных органов смогут глубже понять и усвоить правовые знания, чтобы иметь возможность правильно и эффективно применять закон в процессе правоохранительной деятельности, достигать эффективного единства правовых и социальных эффектов и достигать цели поддержания общественного порядка. Сфера деятельности полиции охватывает многие аспекты повседневной жизни, включая чрезвычайные ситуации, требующие экстренного реагирования, в том числе урегулирование повседневных бытовых споров [3]. В то же время необходимо также развивать навыки межкультурного общения у сотрудников правоохранительных органов и повышать их способность решать культурные конфликты и деликатные вопросы. Исходя из необходимости соблюдения правовых принципов и правил, следует в полной мере учитывать культурную составляющую и реальное положение сторон, чтобы повысить уместность и своевременность принятия правоохранительных мер. Например, при рассмотрении дел этнических меньшинств представители этнических групп могут быть приглашены для участия в посредничестве, что не только подчеркнет уважение к этнической культуре, но и повысит эффективность работы правоохранительных органов.

Во-вторых, сотрудники полиции должны совершенствовать методы своей работы, чтобы адаптироваться к социальным и культурным изменениям. В условиях непрерывного развития общества традиционные методы обеспечения правопорядка могут оказаться неспособными отвечать требованиям новой эпохи, особенно в современных реалиях, когда один за другим появляются новые виды преступлений.

Сотрудникам полиции следует расширить свое обучение более передовым технологиям, особенно новейшим методам обеспечения правопорядка, таким как применение искусственного интеллекта и беспилотных летательных аппаратов, а также взять на себя инициативу в обучении, чтобы способствовать эффективному обеспечению правопорядка. Наконец, нам необходимо создать эффективный механизм взаимодействия между правоохранительными органами и общественностью. Органы общественной безопасности должны взять на себя инициативу по укреплению коммуникации и сотрудничества с сообществами, средствами массовой информации и общественными организациями, а также создать регулярный механизм обмена информацией и обратной связи.

Регулярно проводя дни открытых дверей, оценку деятельности правоохранительных органов и другие мероприятия, мы повышаем уровень понимания и поддержки общественностью работы по обеспечению общественной безопасности. Мы должны умело использовать новые медиа-платформы, своевременно реагировать на острые вопросы, усиливать руководство для масс, давать им возможность рационально оценивать действия правоохранительных органов по обеспечению общественной безопасности и создавать благоприятную среду для обеспечения правопорядка.

В условиях новой эпохи органам общественной безопасности необходимо глубоко понимать социальные и культурные аспекты поведения правоохранительных органов, добиваться органической интеграции правовых норм и социальной культуры, содействовать качественному развитию работы по обеспечению общественной безопасности и закладывать прочную основу для построения правового и гармоничного общества.

Список источников

1. Чжан Чжаодуань. Анализ концепций «полиция», «общественная безопасность» и «общественная безопасность» // Журнал политической науки и права. 2001 (4). С. 34–36.
2. Чжоу Эньлай. Избранные труды о едином фронте. Пекин: Народное издательство, 1984.
3. Юй Сяоци. Поономочия полиции по обеспечению соблюдения закона в соответствии с принципом минимальной силы // Журнал теоретических исследований. 2011 (11).

执法行为的社会文化维度

--公安工作角度浅析

黑龙江省公安警官职业学院法律系　王晓茜

摘要：本文围绕警察执法行为与社会文化的互动影响，分析公安机关作为维护社会安全稳定发展的职能部门，警察受到所处社会文化价值观的影响，执法权和执法行为发生变化的问题。

关键词：公安；执法权；变化；

公安机关是维护社会稳定和人民群众生命财产的重要职能部门，警察的执法权伴随时代的发展不断变化，比如，在1912年英国政府下令在伦敦成立交通组织，将交通管理纳入公安执法范围，即交通警察的出现。

执法行为作为国家权力运行的重要体现，不仅受到法律规范的约束，还深深植根于特定的社会文化土壤之中。在公安工作中，执法行为与社会文化的互动关系日益凸显，成为影响执法效果和社会和谐的重要因素。

一、社会文化对公安执法行为的影响

在公安工作中，执法行为受到多种社会文化因素的影响。首先是传统法律文化的影响，中国有悠久的法律文化传统，如"德主刑辅""礼法合一"等思想，如在执法过程中，"德主刑辅"的思想可以提高执法效果。警察在处理案件时，不仅要依法办事，还要注重道德教化。当处理轻微违法行为时，可以通过教育、警告等方式，使违法者认识到自己的错误，从而达到教育和预防犯罪的目的。这些传统观念既为警察执法提供了丰富的文化资源，也可能与现代法治理念产生冲突，需要我们在实践中加以甄别和扬弃。

社会文化对执法行为的影响是多层次、全方位的，特别是警察执法环境的特殊性与复杂性。社会文化背景深刻影响着执法者的价值观和行为模式。不同文化背景下成长起来的执法者对待法律、正义和秩序的理解可能存在差异性，特别是文化多样性的今天，但其认知本质是国家权力，维护社会稳定和人民的人身财产不受侵害。严格执法是现代执法的基本原则，要求全体警察按照法律实施行政行为。“既然有了规定，就应当按照规定办理，不能以个人的好恶各取所需，否则，规定便流于形式，各种秩序就会乱套。如果规定过时、不适用，就应该修改，但不能不执行”[2]。

警察在做出决策时，往往会不自觉地受到其所处社会文化价值观的影响。例如，在一些文化中，维护社会和谐可能被视为最高价值，这可能导致警察在处理冲突时更倾向于调解，将复杂问题简便高效化。相反，在强调法治和规则至上的文化中，警察可能更倾向于严格依法办

事，执法行为也对社会文化产生着重要的作用。通过执法行为，法律所蕴含的价值观念得以传播和强化，从而影响社会成员的行为模式和思维方式。例如，公安机关通过严格执法打击违法犯罪行为，不仅维护了社会秩序，也强化了社会成员的法律意识和规则意识。这种互动关系使得执法行为与社会文化之间形成了动态的、相互影响的复杂系统。相应地也导致了群众素质的显著成长，对于警察文明执法的要求也越发严格，这也就要求执法时规范化、程序化，严格按照法律法规所规定的程序进行。警察对于其使用的法律法规深入了解、严格按照法定的程序进行执法，社会文化对于执法者的相互作用也就凸显出来。

社会在不断地发展，法律法规在不断完善，对于公安的执法的要求也就更多，细节化执法、人性化执法在执法中的比重也会不断增加。

二、执法行为与社会文化的互动关系

执法行为与社会文化之间存在着密切的互动关系。社会文化作为人类长期生活实践中形成的价值观念、行为规范和生活方式的综合体，深刻影响着执法行为的理念、方式和效果。法律、法规为执法者提供了执法的程序和确切方向。不同文化背景下的社会对正义、秩序、权利等概念的理解存在差异，这些差异直接反映在执法行为的目标设定和手段选择上。例如，在强调集体主义的文化中，执法行为可能更注重维护社会整体利益；而在强调个人主义的文化中，执法行为可能更侧重保护个体权利。

同时，执法行为也对社会文化产生着重要的相互作用。警察执法行为不仅是对社会文化的反映，更是对社会文化的塑造。警察所作出的行政行为与社会成员的行为模式和思维方式相互影响。例如，警察通过打击新型违法犯罪行为，促进法律的制定与完善。这种互动关系使得执法行为与社会文化之间形成复杂的动态系统。但是，因为社会发展的快速性使得法律、法规存在一定的滞后，从而导致警察执法时对于法律法规灵活性应用的考验。

社会文化的进步，人民生活质量以及个人素质的提升，促进了法律法规的进步与发展，同时警察在执法的过程中，也会促进法律法规的完善和群众法治思维的进步。

三、公安工作中优化执法行为的建议

随着时间的变化，警察面对越发复杂的执法环境，需要采取积极措施优化执法行为。首先，应加强对警察的文化素养培养，特别是法律素养的培养。通过系统的培训和学习，提高执法人员对法律知识更深层次的理解和把握能力，使其能够在执法过程中正确高效地应用法律，实现法律效果与社会效果的高效统一，达到维护社会秩序的目的。警察执法范围涉及日常生活诸多方面，既包括需要紧急处置的突发情况，也包括日常的生活纠纷[3]。同时，也要培养执法人员的跨文化沟通能力，提高其处理文化冲突和敏感问题的能力。在坚持法律原则和法律规则的前提

下，应当充分考虑当事人的文化背景和实际情况，提高执法的针对性和时效性。例如，在处理少数民族群众事务时，可以邀请民族代表参与调解，既尊重了民族文化，又提高了执法效果。

其次，警察要创新执法方式以适应社会文化变迁。随着社会的不断发展，传统的执法方式可能存在难以满足新时代的要求，特别是现在新型犯罪层出不穷的现实。警察应当增加对于更多先进技术的学习，特别是最新执法方式，如人工智能执法、无人机执法等，更应主动学习，以便于高效执法。

最后，要构建执法与社会的良性互动机制。公安机关应当主动加强与社区、媒体、社会组织的沟通合作，建立常态化的信息交流和意见反馈机制。通过定期举办公众开放日、执法评议等活动，增进社会对公安工作的理解和支持。要熟练运用新媒体网络平台，及时回应热点问题，加强对于群众的引导，使其理性看待公安执法行为，营造良好执法环境。

在新时代背景下，公安机关需深刻认识执法行为的社会文化维度，实现法律规范与社会文化的有机融合，推动公安工作高质量发展，为建设法治社会与和谐社会奠定坚实基础。

参考文献

［1］张兆端.《“警察”、“公安”与“治安”概念辨析》[J].《政法学刊》2001(4),第34-36页.

［2］周恩来. 周恩来统一战线文选［J］. 北京：人民出版社，1984.

［3］于晓琪.最小武力原则下警察执法权的维度[J].理论学刊.2011(11).

УДК 342.9

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

***Л. В. Гарькавенко**, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России*

В данной статье рассматривается вопрос особых условий и их влияние на деятельность полиции. Приведены некоторые признаки классификации особых условий и предложены авторские методы повышения эффективности деятельности полиции в особых условиях.

Ключевые слова: государство, новые территории Российской Федерации, особые условия, полиция, социально-политические кризисы, террористическая угроза, массовые мероприятия.

SPECIAL CONDITIONS AND THEIR IMPACT ON POLICE ACTIVITIES

***L. V. Garkavenko**, senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*

This article examines the issue of special conditions and their impact on police activities. Some features of the classification of special conditions are given and the author's methods of improving the effectiveness of police activities in special conditions are proposed.

Keywords: state, new territories of the Russian Federation, special conditions, police, socio-political crises, terrorist threat, mass events.

Отметим, что деятельность полиции является неотъемлемой частью обеспечения правопорядка и безопасности граждан, гарантированные Конституцией страны [1]. В период проведения специальной военной операции на новых территориях Российской Федерации в процессе осуществления своей службы полиция сталкивается с «особыми условиями», которые значительно влияют на эффективность их работы, безопасность сотрудников и соблюдение прав граждан.

К таким условиям относятся как объективные факторы внешней среды, так и внутренние факторы, связанные с организацией и функционированием правоохранительных органов [3, с. 405].

Рассмотрим подробнее особые условия и их влияние на деятельность полиции. Так, их можно классифицировать по различным признакам, например, по типу угрозы или сложности ситуации.

Так, экстремальные ситуации, которые связаны с природными катастрофами, стихийными бедствиями, техногенными авариями. Полицейские, оказываясь в таких ситуациях, сталкиваются с усиленной нагрузкой, необходимостью быстрой эвакуации людей, охраной общественного порядка, предотвращением грабежей и мародерства. В таких условиях важным фактором становится способность сотрудников быстро принимать решения и работать в условиях неопределенности [4, с. 211].

Социально-политические кризисы, к ним можно отнести массовые протесты, забастовки, политические столкновения и вооруженные конфликты, примером которых, в настоящее время, можно привести – проведение специальной военной операции на территории новых субъектов Российской Федерации (Донецкая, Луганская Народные Республики, Запорожская область и Херсонская область). Происходящие события, начиная с 2022 г., требуют от полиции особых методов работы при осуществлении свей деятельности. В таких ситуациях необходимо учитывать повышенные риски для личной безопасности сотрудников, а также возможность эскалации насилия. Работа полиции в этих условиях часто сопряжена с необходимостью баланса между жесткостью действий и соблюдением прав человека.

Террористическая угроза, в данной ситуации полицейские сталкиваются с необходимостью быстрого реагирования на возможные акты насилия, обеспечения безопасности и предотвращения террористических атак. Это требует от органов правопорядка высокой координации действий с другими службами, такими как спецслужбы, военные и медицинские службы.

На наш взгляд самая распространенная деятельность полиции, при которой организация порядка осуществляется во время спортивных событий, митингов, концертов и других массовых мероприятий также является важным аспектом работы полиции.

При этом сотрудникам полиции важно обеспечивать безопасность участников и предотвращать потенциальные столкновения или правонарушения, связанные с такими событиями.

Обозначим что, при этом каждые из вышеописанных особых условий требуют от полицейских особого подхода и различных методов работы. Влияние таких условий на деятельность полиции можно рассматривать с нескольких точек зрения.

Так, в первую очередь, координация действий с другими службами, в условиях особых ситуаций координация с другими государственными и частными учреждениями становится важнейшей задачей. Это может быть особенно актуально в случае стихийных бедствий или террористических угроз, введения военного положения, согласно федеральному закону Российской Федерации «О военном положении», когда требуются слаженные действия для обеспечения общественной безопасности [2].

Физическая и психологическая нагрузка на сотрудников, так как экстремальные условия могут оказывать серьезное воздействие на физическое и психологическое состояние полицейских. Например, длительное нахождение в условиях чрезвычайной ситуации или стрессовая ситуация могут привести к усталости, дезориентации, а также к психоэмоциональным расстройствам у сотрудников [4, с. 132].

Изменение подходов к правопорядку и охране безопасности. Так, Зиборов О. В. отмечает, что «Административно-правовой режим военного положения, вводимый в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы такой агрессии, влечет кардинальное изменение задач органов внутренних дел путем возложения на их сотрудников целого комплекса дополнительных обязанностей». [5, с.120–121]. Исходя из приведенного мнения, полицейские в таких условиях должны адаптировать свои методы работы, учитывая специфику ситуации. Например, применение силы может быть необходимым в одном случае, но в другом – важно проявить терпимость и сдержанность, чтобы не усугубить конфликт. Обучение сотрудников эффективному реагированию на нестандартные ситуации становится ключевым моментом для повышения эффективности работы.

Риски для общественного доверия. В этом направлении важно учитывать, что действия полиции в особых условиях, могут повлиять на общественное доверие. Например, применение чрезмерной силы в ходе массовых беспорядков или протестов может вызвать недовольство населения и привести к ухудшению отношений между полицией и обществом. С другой стороны, беспомощность или неэффективность работы также могут привести к утрате доверия.

Так, можно выделить некоторые методы повышения эффективности деятельности полиции в особых условиях:

Регулярное и качественное обучение сотрудников позволяет подготовить их к действиям в особых условиях. Это включает как техническую подготовку, так и психологическую. Курсы повышения квалификации, тренировки, симуляции чрезвычайных ситуаций – все это помогает полицейским реагировать быстро и правильно в нестандартных ситуациях.

Важным аспектом является внедрение новых технологий в работу полиции. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), видеонаблюдения, современных средств связи и анализа информации позволяет улучшить эффективность работы и минимизировать риски.

В условиях кризисных ситуаций важна координация действий с другими государственными службами и органами. Создание межведомственных рабочих групп и регулярные совместные тренировки обеспечивают оперативное взаимодействие между различными структурами.

Введение новых нормативных актов, которые регулируют действия полиции в условиях особых ситуаций, может существенно повысить уровень правовой защиты сотрудников и гарантировать соблюдение прав граждан. Утверждение четких стандартов, инструкций и протоколов позволит унифицировать действия полиции в экстренных ситуациях.

Таким образом, особые условия значительно влияют на деятельность полиции, требуя от сотрудников оперативности, профессионализма и умения быстро адаптироваться к изменениям.

Важнейшей задачей является создание эффективной системы подготовки сотрудников, которая позволит минимизировать риски и повысить качество работы полиции в кризисных ситуациях.

При этом, координация с другими службами, внедрение новых технологий и соблюдение правовых норм в процессе реагирования на особые условия помогут обеспечить безопасность и правопорядок в обществе, укрепив доверие граждан к правоохранительным органам.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О военном положении: федер. закон от 30.01.2002. № 1-ФКЗ: ред. от 02.11.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. 2025. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 22.01.2025).
4. Административная деятельность полиции: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. В. Кардашевский, А. М. Низаметлинов, Г. Н. Суслова [и др.]; под ред. Ю. Н. Демидова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 527 с. // ZNANIUM: электронно-библиотечная система. URL: https://znanium.com/catalog/product/1028747 (дата обращения: 06.04.2025).
5. Зиборов О. В. Отдельные направления трансформации полномочий органов внутренних дел в условиях военного положения // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 120–121.

УДК 342.9

ПРЕЗУМЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***А. А. Гришковец**, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор*

Применительно к производству по делам об административных правонарушениях в статье рассматривается презумпция невиновности, дается ее характеристике как фундаментального принципа соблюдения прав человека. На основе анализа правоприменительной практики показаны случаи отступление от презумпции невиновности, которые имеют место в процессе административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел (полиции). Отмечается недопустимость таких отступлений. Они могут привести к отмене постановления о назначении административного наказания и прекращению производства по делу об административном правонарушении по решению суда. Показаны негативные последствия отступления от презумпции невиновности.

Ключевые слова: презумпция невиновности, отступления от презумпции невиновности, административное правонарушение, производство по делам об административных правонарушениях, органы внутренних дел (полиция).

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

***A. A. Grishkovets**, leader researcher of the Department of Administrative Law and Administrative Process Institute of Law of State and Law of Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor*

The article is devoted to the presumption of innocence in relation to the proceedings in the case of administrative offence. The author characterizes the presumption of innocence as fundamental principle of human rights.

Base on law enforcement practice deviations from the presumption of innocence were shown. These deviations take place in the process of administrative and jurisdictional activity of internal affairs bodies (police). It is noted that such deviations are inacceptable. These deviations may lead to cancellation of the resolution on the imposition of administrative punishment and termination of proceedings on an administrative offense case by court order. The negative consequences of deviation from the presumption of innocence are shown.

Keywords: the presumption of innocence, deviations from the presumption of innocence, administrative offense, proceedings on administrative offenses, internal affairs bodies (police).

Презумпция невиновности (лат. presumption innocentiae) является фундаментальным принципом соблюдения прав человека, который закреплен во Всеобщей декларации прав человека [1], принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. В ч. 1 ст. 11 Декларации провозглашается, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты. Применительно к административной ответственности презумпция невиновности впервые закреплена только в ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 г. (далее – КоАП РФ).

Административная ответственность – наиболее массовый вид юридической ответственности, а административно-юрисдикционные полномочия полиции, предусмотренные КоАП РФ (прежде всего, ст. 23.3 и 28.3), широки и разнообразны. Полиция относится к числу федеральных органов исполнительной власти, имеющих наиболее широкие полномочия по пресечению административных правонарушений и составлению протоколов о них. Аналогичное утверждение будет справедливым и относительно применения полицией мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [2, с. 242]. Поэтому обеспечение презумпции невиновности в ходе реализации полицией ее административно-юрисдикционных полномочий особенно важно.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить наиболее типичные и распространенные отступления о презумпции невиновности в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел.

Процессуальные документы и процессуальные права. Особенностью метода административной юрисдикции, отмечает профессор К. С. Бельский, является то, что его применение предполагает составление двух обязательных

процессуальных документов: протокола об административном правонарушении, играющего роль обвинительного документа, и постановления, в котором содержится решение о наложении на конкретное лицо административного наказания [3, с. 643]. Эти документы особенно важны. Поэтому они не должны содержать разночтений, неточностей, противоречий, а тем более фальсификаций. Однако на практике протокол и постановление в этом отношении далеко не всегда оказываются безупречны (например, имеются исправления, сделанные от руки, или указаны несуществующие адреса места жительства понятых). В результате в ходе процедуры обжалования прокурору или в суд достоверность фактов, изложенных в протоколе и постановлении, может быть поставлена под обоснованное сомнение.

В зависимости от конкретного состава, в ходе производства по делу об административном правонарушении сотрудники полиции могут составлять не только протокол и постановление, но и иные процессуальные документы, предусмотренные КоАП РФ. Так, часть 3 ст. 27.12.1. КоАП РФ предусматривает, что о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, а это процессуальная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, составляется соответствующий протокол, копия которого вручается тому лицу, в отношении которого данная мера применена. Однако известны случаи, когда вместо протокола сотрудник полиции составлял лишь некое направление на медицинское освидетельствование, которое по закону даже не является процессуальным документом, но, несмотря на это, медицинская организация на основании такого направления проводила освидетельствование. При этом даже такой сомнительный документ в материалах дела об административном правонарушении может вообще отсутствовать, а его копия лицу, в отношении которого проводилось медицинское освидетельствование, не вручаться. Отсутствие в материалах дела об административном правонарушении любого из обязательных по соответствующему составу административного правонарушения процессуального документа, причем составленного исключительно в той форме, которая предусмотрена КоАП РФ, может стать и, как показывает практика, становится основанием для отмены постановления о наложении административного наказания и прекращения производства по делу об административном правонарушении на основании решения суда. Процессуальные документы, составляемые сотрудниками полиции в ходе производства по делу об административном правонарушении, должны строго соответствовать нормам КоАП РФ. Подходить к их составлению необходимо предельно ответственно и внимательно. В процессуальные документы по делу об административном правонарушении не допустимо в каком бы то ни было виде вносить исправления после того, как их копии вручены лицу, привлекаемому к административной ответственности.

Исходя из своего содержания, административно-юрисдикционная деятельность является деятельностью процессуального характера, поэтому в ходе ее реализации очень важно соблюдать установленную процессуальную форму, которая в значительной степени является гарантией соблюдения прав и свобод граждан [4, с. 181]. Процессуальные права лица, привлекаемого к административной ответственности, должны неукоснительно обеспечиваться. Их нарушение может повлечь отмену постановления о наложении административного наказания и прекращение производства по делу об административном правонарушении. Презумпция невиновности предусматривает неоспоримый постулат: неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (ч. 4 ст. 1.5. КоАП РФ). Это известный правовой принцип in dubio pro reo.

Обжалование постановления. Постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом полиции, может быть обжаловано вышестоящему должностному лицу полиции (п. 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ). Вышестоящее должностное лицо полиции должно относиться к рассмотрению поданной ему жалобы предельно ответственно. Необходимо надлежащим образом уведомить лицо, привлекаемое к административной ответственности, о дне, времени и месте рассмотрения жалобы. Информация об этом должна содержаться в материалах дела об административном правонарушении. Заочное рассмотрение жалобы при условии, что физическое лицо явилось на рассмотрение, не допустимо, т. к. нарушает права лица, привлекаемого к административной ответственности. Напомним, согласно ч. 2 ст. 30.6. КоАП РФ при рассмотрении жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, лицу, в частности, разъясняются его права и обязанности, разрешаются заявленные отводы и ходатайства и, что особенно важно, заслушиваются объяснения физического лица, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении. При заочном рассмотрении жалобы этого не происходит. Практика показывает, что случаи, когда должностное лицо органов внутренних дел (полиции) рассматривает жалобу заочно и, как правило, отказывает в ее удовлетворении, имеют место быть. Это явное отступление от презумпции невиновности, т. к. не позволяет достоверно установить вину лица, привлекаемого к административной ответственности, которое лишается права быть выслушанным, привести аргументы в пользу своей невиновности. Таким образом, несоблюдение процессуальных требований может отрицательно отразиться на полноте и объективности рассмотрения дела, стать основанием для отмены решения по жалобе в случае последующего обжалования [5, с. 1212].

Последствия. Отступление от презумпции невиновности может повлечь и на практике влечет следующие негативные последствия: нарушение прав и свобод человека и гражданина; необеспечение неотвратимости наказания

виновного; снижение уровня доверия к полиции и органам внутренних дел в целом в глазах отдельных граждан и общества; увеличение нагрузки на судебную систему, органы прокуратуры и МВД России, а также материальные издержки в связи с рассмотрением жалоб граждан; риски для сотрудников полиции быть привлеченными к дисциплинарной ответственности вследствие отступления от презумпции невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях, которые повлекли нарушение законных прав и свобод человека и гражданина; обязанность полиции принести извинения гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции (ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), т. е. репутационные издержки.

Сотрудники полиции должны ясно представлять последствия вовлечения их в споры и конфликты, имеющие гражданско-правовую природу, которые нередко возникают между гражданами и организациями, и не содержат признаков преступлений или административных правонарушений. Их следует избегать.

Сотрудник полиции не должен отступать от презумпции невиновности ни при каких обстоятельствах. Ему следует стремиться выступать своеобразным медиатором, т. е. посредником-примирителем, тем, кто в рамках закона способствует урегулированию конфликта или разрешению спора без применения, подчас объективно неоправданных, мер административного принуждения. Более того, должен стремиться оказывать своеобразную «полицейскую помощь», прежде всего, гражданам. Тем самым будет обеспечиваться принцип общественного доверия и поддержки граждан, который впервые в практике России закреплен в законе (ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). 2-е изд., перераб и доп. М.: РГ-Пресс, 2018. 572 с.
3. Бельский К. С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. канд. юрид. наук А. В. Куракина. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2004. 816 с.
4. Адмиралова И. А. Реализация полицией административно-правовых средств обеспечения прав и свобод граждан: моногр. / И. А. Адмираова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. 351 с.
5. Комментарии к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салищевой. 7-е изд. М.: Проспект, 2011. 1296 с.

УДК 347.4

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Н. Н. Дерюга, *профессор кафедры Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор*

Г. К. Донбров, *магистрант Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

В статье рассматриваются особенности урегулирования прав и обязанностей сторон договора строительного подряда. Несмотря на то, что в действующем законодательстве достаточно подробно определен ряд прав и обязанностей заказчика и подрядчика, этого явно недостаточно. В таких условиях актуальным представляется их детальное изложение в договоре строительного подряда.

Ключевые слова: договор строительного подряда, заказчик, подрядчик, права, обязанности.

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO THE CONSTRUCTION CONTRACT

N. N. Deryuga, *professor of the Department of the Far Eastern Branch of the Lebedev Russian State Unitary Enterprise, Doctor of Law, Professor*

G. K. Donbrov, *master's student at the Far Eastern Branch of the Lebedev Russian State Unitary Enterprise*

The article discusses the specifics of the settlement of the rights and obligations of the parties to the construction contract. Despite the fact that the current legislation defines in sufficient detail a number of rights and obligations of the customer and contractor, this is clearly not enough. In such circumstances, it is relevant to describe them in detail in the construction contract.

Keywords: construction contract, customer, contractor, rights, obligations.

Процесс строительства является сложной, многоэтапной деятельностью, на которую воздействует множество как внутренних, так и внешних факторов.

Это обусловливает в глобальных масштабах необходимость четкого правового регулирования отношений в сфере строительства, а в рамках выстраивания отношений между конкретными субъектами (заказчиком и подрядчиком) – тщательно подходить к согласованию проекта договора строительного подряда.

Следует согласиться с Е. Р. Махониной в том, что с целью разрешения конфликтных ситуаций и успешной реализации проекта при составлении договора строительного подряда следует особое внимание уделить определению прав и свобод сторон [2].

Анализ норм гражданского законодательства, а также соответствующей правоприменительной практики дает основания полагать, что к основным правам заказчика по договору строительного подряда относятся следующие.

1. Право на контроль за качеством выполняемых работ. Данное право регламентировано ст. 748 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Речь идет о так называемом «текущем» контроле, который может осуществляться как непосредственно в ходе выполнения работ, так и по отдельным этапам строительства. Порядок реализации данного права конкретизируется в договоре строительного подряда.

Р. Р. Хакимова справедливо отмечает, что для реализации данного права заказчик может привлечь третье лицо в виде инженерной организации или инженера [5]. Это является актуальным в случаях, когда заказчик не обладает необходимыми знаниями для осуществления контроля. Считаем, что данное право заказчика следует включать в договор строительного подряда.

2. Право на устранение выявленных недостатков. Данное право тесно связано с первым из названных прав.

3. Право на изменение условий договора строительного подряда, в том числе в части основных его условий, таких как сроки выполнения работ и их объемы. Важным условием реализации данного права является согласие подрядчика на внесение соответствующих изменений и при соблюдении прав последнего.

4. Право на отказ от договора. Данное право может быть реализовано на основаниях, указанных в действующем законодательстве либо непосредственно указанных в договоре строительного подряда.

5. Право на возмещение фактически понесенных расходов и убытков. Данное право может быть реализовано только в тех случаях, когда будет доказано, что расходы и убытки причинены заказчику по вине подрядчика (например, в результате невыполнения взятых на себя обязательств).

К основным правам подрядчика по договору строительного подряда следует отнести.

1. Право на оплату выполненных и принятых работ. Данное право предусмотрено п. 1 ст. 740 ГК РФ [1] и подлежит конкретизации в тексте договора строительного подряда.

2. Право на внесение изменений в договор. Так же как и заказчик, подрядчик по согласованию со второй стороной договора имеет право на его изменение.

3. Право на расторжение договора. Данное право может быть реализовано при наличии соответствующих условий, например, по причине систематического нарушения договора заказчиком, препятствованию выполнению работ, предусмотренных договором, со стороны заказчика, в случае неоплаты выполненных работ.

4. Право на возмещение понесенных убытков. Данное право также может быть реализовано при наличии соответствующих оснований, например, непредоставление заказчиком необходимых материалов, неоплата или несвоевременная оплата выполненных работ и т. п.

Следует также отметить, что обе стороны имеют право на защиту своих интересов в судебном порядке.

Если права сторон по договору строительного подряда достаточно схожи, то их обязанности существенно отличаются. Так, п. 1 ст. 740 ГК РФ предусматривает следующие обязанности заказчика.

1. Предоставление необходимых условий для выполнения работ. В данную обязанность, по нашему мнению, входит:

– подготовка и предоставление необходимой документации (речь идет о проектно-сметной и земельно-кадастровой документации, технических условиях и планах (на используемые материалы, оборудование, инженерные сети и т. п.), разрешение на строительство и подведение коммуникаций и т. п.);

– обеспечение доступа к строительной площадке (не только обеспечить свободный проезд и проход к территории, на которой планируется строительство, но и проведение подготовительных работ (снос старых зданий, расчистка участка под строительство от насаждений, мусора и т. п.);

– согласование изменений, вносимых в первоначальный проект (отметим, что данная обязанность довольно часто реализуется на практике и связана с необходимостью внесения изменений в проектно-сметную документацию, проведением дополнительных работ, изначально не предусмотренных договором, и др.).

2. Приемка результатов выполненных работ.

3. Оплата выполненных работ на условиях, изложенных в договоре. ГК РФ обязывает заказчика лишь оплатить выполненную работу. Порядок оплаты и прочие детали необходимо предусмотреть в договоре строительного подряда (например, график платежей, подготовку актов приемки работ и т. п.).

В отношении подрядчика ГК РФ предусматривает, по существу, только одну обязанность – построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы в сроки, установленные догово-

ром строительного подряда. Следует согласиться с Д. А. Перепечиным в том, что важным аспектом данной обязанности является соблюдение сроков выполнения работ как одного из основных условий договора строительного подряда [3].

Вместе с тем договор строительного подряда может и должен содержать и иные обязанности подрядчика, а именно:

– ведение строительного журнала и иной отчетности, а также ее предоставление заказчику;

– обеспечение безопасности производимых работ, соблюдение строительных норм и правил;

– несение риска случайной гибели вещи и возмещение ущерба в случае наличия факта такой гибели;

– сдача выполненных работ;

– предоставление и выполнение гарантийных обязательств (в том числе ремонт или замена конструкций).

П. Н. Савенко также обоснованно указывает на наличие «особенной» обязанности подрядчика – заключить договор о выполнении дополнительных работ. Юридическим фактом возникновения данной обязанности является согласие заказчика на проведение и оплату дополнительных работ [4].

Следует также обратить внимание на обязанность подрядчика следовать указаниям заказчика в ходе выполнения работ, предусмотренных договором строительного подряда (п. 3 ст. 748 ГК РФ). Данная обязанность ограничена рядом следующих условий.

1. Такие указания заказчика не должны противоречат условиям договора.

2. Указания не должны представлять собой вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика.

Отметим, что реализация данной обязанности не должна препятствовать эффективности выполняемых работ. В случаях, когда заказчик, не обладая необходимыми знаниями в области строительства, дает указания, с одной стороны, не противоречащие условиям договора, но в тоже время, с другой стороны – противоречащие достижению конечного результата в виде выполнения работ, подрядчик не обязан их выполнять. Таким образом, данное правило, по нашему мнению, не должно носить императивный характер.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что действующее законодательство достаточно подробно регламентирует права и обязанности сторон по договору строительного подряда. Вместе с тем, учитывая сложность отношений в сфере строительства, представляется, что существенное значение имеет правильное оформление договора строительного подряда в части урегулирования прав и обязанностей сторон.

Список источников

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. от 13.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Махонина Е. Р. Права и обязанности сторон по договору строительного подряда // Экономика и безопасность. 2024. № 6. С. 50–54.
7. Перепечин Д. А. Особенности договора строительного подряда // Форум молодых ученых. 2020. № 11 (51). С. 230–233.
8. Савенко П. Н. Теоретико-правовой анализ договора строительного подряда в Российской Федерации // Современный юрист. 2021. № 3 (36). С. 88–97.
9. Хакимова Р. Р. Права и обязанности сторон по договору строительного подряда // Современная наука: взгляд молодых исследователей: сб. ст. по материалам II Всерос. (с междунар. участием) студен. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 204–210.

УДК 342.9

СОВЕТ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

***А. Н. Дерюга**, профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент;*

***Д. В. Сурова**, магистрант Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева*

Актуальность темы статьи обуславливается тем, что абсолютно в каждом субъекте Российской Федерации органам местного самоуправления передаются отдельные государственные полномочия. В результате проведенного анализа определяется роль советов муниципальных образований в налаживании взаимодействия между муниципальным сообществом и органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в данной сфере.

Ключевые слова: орган местного самоуправления, орган государственной власти, государственные полномочия, совет муниципальных образований.

THE COUNCIL OF MUNICIPAL EDUCATION AS A SUBJECT OF COMMUNICATION WITH STATE AUTHORITIES IN THE FIELD OF THE EXERCISE BY LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF CERTAIN STATE POWERS

***A. N. Deryuga**, professor of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Doctor of Law, Associate Professor;*

***D. V. Surova**, student of the Magistracy of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev*

The relevance of the topic of the article is due to the fact that in absolutely every subject of the Russian Federation, separate state powers are transferred to local governments. As a result of the analysis, the role of municipal councils in establishing interaction between the municipal community and state authorities of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation in this area is determined.

Keywords: local government, public authority, state powers, council of municipalities.

На сегодняшний день абсолютно в каждом субъекте Российской Федерации (далее – РФ) органам местного самоуправления (далее – ОМСУ) передаются отдельные государственные полномочия РФ или субъектов РФ. Многие проблемы в области передачи и осуществления ОМСУ отдельных государственных полномочий обусловлены отсутствием адекватной коммуникации между ОМСУ и органами государственной власти РФ, а также органов государственной власти субъектов РФ.

Считаем, что проблему взаимодействия способны решить советы муниципальных образований, которые на сегодняшний день образованы во всех субъектах РФ, в том числе и на новых территориях (ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область). По мнению автора, данные объединения муниципальных образований необоснованно недооценены, малоизвестны в обществе и работают не в полную силу.

Так, что из себя представляют советы муниципальных образований? Согласно ч. 2 ст. 76 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной

власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) это некоммерческие организации в форме ассоциаций [1]. Советы муниципальных образований представляют собой объединение муниципалитетов, основанное на их членстве. Согласно Федеральному закону № 33-ФЗ советы муниципальных образований в пределах своего субъекта РФ обеспечивают взаимодействие с ОМСУ, их должностными лицами, а также муниципальными образованиями. При этом представляют и защищают общие интересы муниципальных образований субъекта РФ и взаимодействуют с органами государственной власти субъектов РФ.

Однако на практике взаимодействие и работа советов муниципальных образований не ограничивается территорией соответствующего субъекта РФ. К примеру, советы муниципальных образований взаимодействуют между собой (так, в ноябре 2023 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между всеми советами муниципальных образований Дальневосточного федерального округа [6], а также с Всероссийской ассоциацией развития местного самоуправления (далее – ВАРМСУ, Всероссийская ассоциация). Кроме того, не запрещается взаимодействие советов с органами государственной власти РФ, иными коммерческими и некоммерческими организациями, институтами гражданского общества и т. д. Таким образом, территория деятельности советов муниципальных образований может быть весьма обширна, хотя и будет всегда направлена на оказание содействия муниципалитетам определенного субъекта РФ.

20 апреля 2023 г. прошло заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления, по итогам которого был дан ряд поручений [5]: 1) представить предложения по учету стажа работы в органах управления советов муниципальных образований субъектов РФ при исчислении стажа государственной гражданской службы РФ и муниципальной службы; 2) представить предложения по внесению в нормативные правовые акты РФ изменений, направленных на наделение ВАРМСУ и советов муниципальных образований субъектов РФ статусом социально ориентированных некоммерческих организаций; 3) обеспечить включение представителей советов муниципальных образований субъектов РФ в составы межведомственных рабочих групп по систематизации практики контрольной (надзорной) деятельности, а также по осуществлению деятельности указанных рабочих групп на постоянной основе; реализовать комплекс мер по поддержке деятельности советов муниципальных образований субъектов РФ, предусмотрев выделение соответствующего финансирования; с привлечением ВАРМСУ и советов муниципальных образований субъектов РФ создать и обеспечить функционирование механизмов согласованного взаимодействия руководителей органов местного самоуправления и органов исполнительной власти субъектов РФ по вопросам социально-экономического развития муниципальных образований.

Относительно недавно, 13 июля 2024 г. был принят Федеральный закон № 181-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены изменения в Федеральный от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части уточнения форм межмуниципального сотрудничества, а также статуса советов муниципальных образований и ВАРМСУ. По смыслу внесенных изменений советы муниципальных образований представляют общие интересы муниципалитетов своего субъекта в органах государственной власти своего субъектов и Всероссийской ассоциации, а ВАРМСУ, в свою очередь, представляет интересы муниципалитетов страны на федеральном уровне публичной власти. Таким образом, появился механизм выработки единого подхода к решению проблем, единой позиции по тому или иному вопросу на уровне муниципальных образований субъекта РФ или даже Федерации и представление ее в региональные или федеральные органы государственной власти. В последствии новеллы о советах муниципальных образований и ВАРМСУ были перенесены законодателем в Федеральный закон № 33-ФЗ.

Более подробно о возможностях советов муниципальных образований рассмотрим на примере Ассоциации «Совет муниципальных образований Амурской области» (далее – Ассоциация).

Закон Амурской области от 3 марта 2010 г. № 311-ОЗ «О взаимодействии органов государственной власти Амурской области с ассоциацией «Совет муниципальных образований Амурской области» предусматривает ряд возможностей по взаимодействию Ассоциации с Законодательным Собранием Амурской области и Правительством Амурской области, начиная от участия в круглых столах, конференциях и семинарах, организуемых органами государственной власти Амурской области, заканчивая участием в координационных и совещательных органах Правительства Амурской области и в обсуждении проектов нормативных правовых актов Губернатора Амурской области и Правительства Амурской области, затрагивающих вопросы местного самоуправления.

Таким образом, как федеральным, так и региональным законодательством Амурской области предусмотрены конкретные механизмы взаимодействия советов муниципальных образований с органами государственной власти РФ и субъектов РФ.

Но имеется и другая проблема: существование способов взаимодействия «на бумаге» далеко не всегда означает реальное применение этих норм. По нашему мнению, закрепленные в нормативных актах механизмы взаимодействия должны реально работать. Только в этом случае можно говорить об адекватной и эффективной коммуникации между всеми уровнями публичной власти.

Однако нельзя констатировать, что мнение муниципалитетов абсолютно не учитывается. В Амурской области в последние годы участились запросы

от органов законодательной и исполнительной власти Амурской области в Ассоциацию для выработки и представления единой позиции муниципалитетов по тому или иному вопросу, в том числе по делегированным полномочиям Амурской области. Считаем, что описанная выше схема – очень эффективный и, главное, информативный способ донесения проблем ОМСУ до органов государственной власти. Вместо того, чтобы каждый муниципалитет отрабатывал свои проблемы по-отдельности, советы муниципальных образований делают возможной выработку единой позиции, которая бы устроила все ОМСУ. Таким образом, совет муниципальных образований обращается в орган государственной власти региона с проблемой, которая обоснована конкретными данными, собранными со всех муниципалитетов, и, что более важно, предлагает уже готовое решение, которое так же мотивировано. ВАРМСУ способна проделать такую же работу, но уже на федеральном уровне, консолидируя позиции ОМСУ всех субъектов РФ.

В качестве примера организации советом муниципальных образований эффективного взаимодействия ОМСУ и исполнительных органов Амурской области в области осуществления делегированных государственных полномочий можно привести организованный Ассоциацией в 2024 г. Региональный форум органов местного самоуправления. В рамках этого форума была организована работа площадки, посвященной осуществлению органами местного самоуправления государственных полномочий Амурской области по организации деятельности административных комиссий. В работе площадке приняли участие члены административных комиссий муниципальных образований, главы муниципалитетов, а также представители Министерства юстиции Амурской области – органа исполнительной власти, осуществляющего контроль за деятельностью административных комиссий. По результатам работы площадки произошел не только обмен опытом, разбор допускаемых нарушений, но и выработаны конкретные решения для повышения качества осуществления ОМСУ переданных государственных полномочий по организации деятельности административных комиссий [2].

Помимо очевидных плюсов для ОМСУ (возможность защиты своих интересов и решения имеющихся проблем), описанный способ взаимодействия выгоден и для органов государственной власти РФ и субъектов РФ по нескольким причинам. Во-первых, органы государственной власти вовремя узнают о проблемах, волнующих ОМСУ. Во-вторых, органам государственной власти не нужно тратить свои ресурсы на определение позиций всех муниципалитетов по тому или иному вопросу. В-третьих, органам государственной власти предлагаются возможные варианты решения проблемы, которые бы устроили муниципальное сообщество.

С учетом сказанного, считаем, что уже имеющиеся и вполне работающие механизмы взаимодействия ОМСУ с органами государственной власти РФ

и субъектов РФ должны применяться при передаче отдельных государственных полномочий, при внесении изменений в действующие законы о наделении отдельными государственными полномочиями, а также при их дальнейшем осуществлении.

В данной связи важным шагом стало закрепление в ч. 8 ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ положения, согласно которому субъектом права законодательной инициативы при внесении проекта закона субъекта РФ о наделении ОМСУ отдельными государственными полномочиями, должно предоставляться заключение совета муниципальных образований соответствующего субъекта РФ. Таким образом законодатель признал необходимость учета мнения муниципального сообщества при наделении ОМСУ отдельными государственными полномочиями, а также в очередной раз указал на ведущую роль советов муниципальных образований в осуществлении межмуниципального взаимодействия и сотрудничества с органами государственной власти субъектов РФ.

Однако, считаем, что введенная норма охватывает далеко не весь спектр отношений, связанных с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, а касается только законов о передаче таких полномочий в будущем. Таким образом, уже принятые законы о наделении отдельными государственными полномочиями оказываются вне сферы регулирования ч. 8 ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ несмотря на то, что они подвержены изменениям (причем изменения могут касаться, в том числе, объема передаваемых полномочий, изменения методики расчета выплачиваемой субвенции и т. д.). При указанных обстоятельствах муниципальное сообщество лишено возможности влиять на изменения, которые вносятся в законы субъектов РФ о наделении отдельными государственными полномочиями, принятые до вступления в силу Федерального закона № 33-ФЗ.

Предлагаем внести изменения в ч. 8 ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ: после слов «отдельными государственными полномочиями» дополнить словами «проекта закона субъекта Российской Федерации, предусматривающего внесение изменений в закон субъекта Российской Федерации о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями». Итоговая редакция ч. 8 ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ с учетом предлагаемых дополнений:

«При внесении проекта закона субъекта Российской Федерации, предусматривающего наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, проекта закона субъекта Российской Федерации, предусматривающего внесение изменений в закон субъекта Российской Федерации о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, в законодательный орган субъекта Российской Федерации субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должно

быть представлено заключение совета муниципальных образований соответствующего субъекта Российской Федерации по указанному проекту закона субъекта Российской Федерации.».

В свою очередь, локальными нормативными правовыми актами советов муниципальных образований должна быть предусмотрена процедура согласования законопроекта о передаче органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий или о внесении изменений в соответствующий правовой акт со всеми муниципальными образованиями субъекта РФ. По итогам согласования общей позиции, органу законодательной власти должно предоставляться заключение на законопроект.

Отметим, что Федеральный закон № 33-ФЗ ограничивается влиянием объединений муниципальных образований лишь на принимаемые законы субъектов РФ, в то время как федеральные законы, предусматривающие наделение отдельными государственными полномочиями ОМСУ, сохранили «односторонний» порядок принятие без учета мнения муниципалитетов. В связи с этим считаем необходимым ст. 34 Федерального закона № 33-ФЗ дополнить ст. 8.1 следующего содержания:

«При внесении проекта федерального закона, предусматривающего наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, проекта федерального закона, предусматривающего внесение изменений в федеральный закон о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, в Государственную Думу Российской Федерации субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должно быть представлено заключение Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления по указанному проекту федерального закона.».

Указанные выше дополнения будут способны в полной мере решить проблему «одностороннего» наделения ОМСУ отдельными государственными полномочиями.

Еще одна новелла, которая может оказать содействие в решении проблем, возникающих при осуществлении ОМСУ переданных государственных полномочий, – предоставление советам муниципальных образований права законодательной инициативы.

14 декабря 2023 г. был принят Закон Амурской области № 433-ОЗ «О внесении изменений в Устав (основной Закон) Амурской области», которым Ассоциации «Совет муниципальных образований Амурской области» предоставлено право внесения в Законодательное Собрание Амурской области проектов законов Амурской области. Данная практика не распространена в других субъектах РФ и является скорее исключением, чем правилом.

Однако в контексте рассматриваемой темы наделение советов муниципальных законодательной инициативой на уровне субъекта РФ позволит

напрямую вносить проекты законов о внесении изменений (дополнений) в законы субъекта РФ, на основании которых была осуществлена передача отдельных государственных полномочий. Таким образом сокращается «путь» решения проблемы, поскольку не нужно искать и привлекать иных субъектов законодательной инициативы, которые ее смогут подготовить, учитывая мнения всего муниципального сообщества субъекта РФ, и внести на рассмотрение в законодательный орган субъекта РФ.

Внесение законопроекта в порядке законодательной инициативы советом муниципальных образований является своего рода гарантией того, что, во-первых, проблема актуальна если не для всех, то для подавляющего большинства муниципалитетов региона, во-вторых, что предложенное решение, оформленное в виде законопроекта, согласовано со всеми ОМСУ и их устраивает.

Судить об эффективности указанного механизма еще рано по причине того, что он существует непродолжительный период времени и, по крайней мере в Амурской области, находится только на стадии становления. Однако в перспективе законодательная инициатива советов муниципальных образований может решить ряд проблем муниципального сообщества и не только в области осуществления делегированных государственных полномочий.

Дополнительно хотелось бы отметить, что советы муниципальных образований способны не только решить такие проблемы как «односторонняя» передачи государственных полномочий и отсутствие адекватного взаимодействия между ОМСУ и органами государственной власти по вопросам передачи государственных полномочий, но и создавать площадки для обсуждения вопросов их финансирования.

Кроме того, советы муниципальных образований субъектов РФ могут быть привлечены для подготовки муниципальных служащих, участвующих в осуществлении переданных полномочий, развития кадрового резерва администраций муниципальных образований, создания и распространения методических рекомендаций в части раскрытия особенностей осуществления тех или иных государственных полномочий.

Ассоциация «Совет муниципальных образований Амурской области» делает большой упор на развитие кадрового потенциала, повышение профессиональной квалификации, развитие управленческих компетенций муниципальных служащих, выборных должностных лиц местного самоуправления, лиц, иных лиц, принимающих участие в решении вопросов местного значения в муниципальных образованиях Амурской области. В общей сложности в 2023 г. за счет субсидии [4] из областного бюджета было обучено 79 человек. В прочих обучающих мероприятиях приняло участие почти 227 человек. Уже в 2024 г. за счет субсидии обучено 247 человек, а в прочих обучающих мероприятиях 311 человек [3].

Подводя итог, отметим, что советы муниципальных образований обладают обширным, но пока не в полной мере реализованным потенциалом. Повышение внимания к советам и их поддержка со стороны государственных органов это подтверждают.

Проблему «односторонней» передачи ОМСУ отдельных государственных полномочий, по нашему мнению, возможно решить путем закрепления на законодательном уровне процедуры согласования проектов законов с ВАРМСУ и советами муниципальных образований субъектов РФ. Текущие вопросы осуществления уже переданных государственных полномочий возможно решать путем налаживания диалога между муниципалитетами, ВАРМСУ, советами муниципальных образований и органами государственной власти, а также путем предоставления советам права законодательной инициативны в законодательные органы субъекта РФ. Также не следует забывать, что при должной организации работы и достаточной финансовой поддержке советы муниципальных образований могут стать отличной площадкой для обсуждения имеющихся проблем и выработки единой позиции муниципального сообщества по их решению, а также для методической, юридической поддержки и повышения кадрового потенциала муниципальных служащих.

Список источников

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федер. закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // Российская газета. 2025. № 65-66.
2. Доклад о состоянии и развитии местного самоуправления в Амурской области за 2024 год // Ассоциация «Совет муниципальных образований Амурской области». URL: http://asmo28.ru/index.php/metodicheskie-materialy (дата обращения: 19.11.2024).
3. Доклад о состоянии и развитии местного самоуправления в Амурской области за 2023 год // Ассоциация «Совет муниципальных образований Амурской области». URL: http://asmo28.ru/index.php/metodicheskie-materialy (дата обращения: 19.11.2024).
4. Об утверждении Порядка предоставления субсидии из областного бюджета ассоциации «Совет муниципальных образований Амурской области: постановление Правительства Амурской области от 06.07.2021 № 443 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/2800202107120008 (дата обращения: 02.02.2024).
5. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/71296 (дата обращения: 19.11.2024).
6. Советы муниципальных образований из 11 регионов ДФО подписали соглашение о сотрудничестве // Официальный портал Забайкальский край. URL: https://75.ru/news/341002 (дата обращения: 19.11.2024).

УДК 1.13

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***М. Н. Зинятова**, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат философских наук, доцент;*

***И. С. Рожин**, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются проблемы деградации личности человека в условиях техногенной цивилизации. Предлагаются пути решения проблемы посредством обращения к духовным истокам отечественной культуры и русской философии.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, личность, прогресс, гуманитарная культура, ценностное сознание, «массовый» человек, генетический груз.

THE PROBLEM OF PERSONALITY PRESERVATION IN THE CONDITIONS OF MAN-MADE CIVILIZATION

***M. N. Zinyatova**, professor of the Department of Social and Humanitarian and Economic Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Philosophy, Associate Professor;*

***I. S. Rozhin**, postgraduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses the problems of human personality degradation in the conditions of man-made civilization. The author suggests ways to solve the problem by referring to the spiritual origins of Russian culture and Russian philosophy.

Keywords: technogenic civilization, personality, progress, humanitarian culture, value consciousness, «mass» man, genetic cargo.

Современную цивилизацию называют техногенной, т. к. ее целевые ориентации и системы жизнеобеспечения, характер отношений между людьми, обществом и природой – все, в целом, напрямую связано с научно-техническим прогрессом.

В европейской культуре он долго рассматривался как панацея от различного рода кризисов, порождая оптимистическое умонастроение. Данный вектор был задан еще философами Просвещения (И. Гердером, Ж. Кондорсэ, А. Тюрго), он же был присущ и гегелевскому историзму. Но если в эпоху Просвещения и Гегеля это выглядело как философское умонастроение, то уже в XIX – нач. XX веков стало прочным достоянием либерального сознания европейцев.

Иное дело, умонастроение русской философии. Именно отечественные мыслители (Н. Бердяев, К. Леонтьев, П. Флоренский) пытались доказать, что без внутренних духовных усилий любой прогресс является сомнительным, что любое переустройство мира связано с переустройством, прежде всего, человеческой личности. Это переустройство на любых началах: научно-технических, социальных, политических, экономических – напрямую зависит от моральных ценностей людей, предпринимающих подобные деяния.

Сегодня мы становимся свидетелями и прямыми участниками изменения глобальной ситуации в мире: человечество стремительно движется к антропогенной катастрофе. Эта угроза исходит от самого человека, его потребительски-гедонистического отношения к жизни и смыслу собственного существования. Как показывает сама история, цивилизация, основанная на потреблении, бездуховности как главных жизненных ценностях, движется к собственной гибели. Человечеству необходимо осмыслить тот факт, что новый тип жизнеустройства требует иных приоритетов: ценностей духовного порядка над материальными ценностями, ценностей творчества над ценностями потребления, ценностей созидания над ценностями разрушения.

Современный человек уже не может себе позволить роскошь не задумываться над последствиями полученных, благодаря научно-техническому прогрессу, сиюминутных благ.

В условиях нарастающей деградации природной среды возрастает опасность деградации человеческой личности. Безусловно, важно сохранить на Земле ее биологическое разнообразие, но не менее важным является сбережение самого человека от деградации. Этот процесс предполагает как биологическую, так и духовную составляющую. Первое влечет за собой разрушение генетической основы существования человека следствие накопления генов-мутантов в генофонде популяции человека, следствие применения транквилизаторов, алкогольной продукции, психостимуляторов, умножения стрессовых нагрузок. Все это вызывает разрушение духовного напала в человеке, являясь следствием деструктивных процессов, происходящих в культуре.

Широкая экспансия искусственного, в том числе искусственного интеллекта, поглощает все естественное, природное, отчуждает личность от реального мира, реальной жизни, традиций. Человек, как новорожденный, не вскормленный молоком матери, становится «искусственником» [1, с. 134]. Он относится к миру

как к механизму, утилитарно. В этот утилитарный круг включаются и человеческие отношения, содержанием которых все глубже становятся разного рода искушения: искушение властью, искушение чревоугодием, искушение преобразующим деянием, искушение похотью. Все это влечет за собой разложение личности.

Искушение властью, навеянное гордыней, приводит личность к самовозвеличению, к нездоровому самовознесению. Искушение чревоугодием оборачивается гонкой за добычей материальных благ. Развивается консьюмеризм, опустошающий личность, выводящий за границу чувства меры во всем: в питании, культуре питья, культуре человеческих отношений. Искушение похотью приводит личность к угасанию здоровой чувственности, которую человек пытается поддерживать алкоголем, психостимуляторами, наркотиками и т. д. Интуиция и образное мышление вытесняются расчетом, идеи и мировоззрение – знаками и символами. Люди отказываются от различения добра и зла в поступках, живут без способности к сопереживанию, без осознания чувства собственного долга перед близкими и Родиной. Живут «…в потоках «культуры разложения, дискредитации всего высшего и порядочного»» [2, с. 27].

Как пишет один из отечественных ученых-обществоведов А. С. Запесоцкий: «Снижение уровня гуманитарной культуры наблюдается именно за последние десятилетия, происходит интенсивная переориентация общественного сознания с духовных, гуманитарных ценностей на ценности материального благополучия, гедонизма, снижаются показатели духовной жизни» [3, с. 32].

Происходящая переоценка ценностей носит весьма циничный характер: успех, финансовая состоятельность, богатство, «райские наслаждения» – все это вместо совести, чести, любви к Отечеству, к родной природе. Такая переоценка ценностей пагубно влияет на молодое поколение, растлевает его душу, ведет к аморальному образу жизни. Как видим, идет ощутимое понижение уровня духовной культуры, распад нравственных ориентиров, являющихся основной опорой здоровой человеческой личности.

Как бы мы сегодня не относились к советскому периоду истории России, следует признать, что это был особый тип цивилизации, Принципы, на которых строилось жизнеустройство советских людей, отличались от европейских ценностей. Потребление и «культ обладания» не были смыслом жизни, не являлись главными ценностями. Высокие цели: индустриализация, освоение космоса, целины – выходили за рамки индивидуального бытия советского человека. В учебных заведениях формировали активную жизненную позицию личности, патриотическое мировоззрение, ценностное сознание. Все это позволяло в будущем созидать здоровое человеческое бытие, отвечающее системе моральных принципов, правил, кодификаций. Миротворчество человека мыслилось как преобразовательное улучшение. Молодому поколению предлагались идеалы, высокие цели, ради которых все предпринималось.

Смысл настоящего времени начинает проясняться по мере того, когда настоящее уходит в прошлое. Вместе с тем, находясь внутри современной ситуации, вполне возможно вынести суждения, адекватные исторической реальности.

Несмотря на достижение внешних целен прогресса, внутренняя драма личности в современном мире все более обостряется. Человек, обожествляя свою природу, опустошает душу. Грубые формы зла, казалось бы, шаг за шагом отмирают в истории, но заменяются более изощренными техническими и психотерапевтическими средствами и методами.

Личность в современном мире испытывает ощущение метафизической пустоты, которую пытается заполнить субстанцией, вызывающей патологию души: алкоголем, наркотиками, психотропами, игроманией и т. д.

Отечественный философ Н. Бердяев видит в этом расплату за отказ от духовного начала, он пишет о мире, в котором «не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни» [4, с 19]. Процесс «порчи» русский мыслитель связывает с атрофией в душе личности духовно-ценностного начала, называемого им «буржуазностью».

Рассматривая личность как вершину творения, как великий микрокосмос, Н. Бердяев заостряет свое внимание на проблеме вовлеченности личности в общение с другими, «коммунионе». Эта тема была ангажирована французским персонализмом XX века. Э. Мунье писал, что «личность существует только в своем устремлении к «другому», познает себя только через «другого» и обретает себя только в «другом». Можно даже сказать, что я существую в той мере, в какой существую для «другого», и, в конечном итоге, существовать – значит любить» [5, с. 43]. Здесь мы слышим мотивы не индивидуального, а всеобщего, к которому всегда призывала русская философская мысль. Настало время усваивать ее уроки. Тем более это своевременно для нашего общества, ментальность которого за последние 30 лет изменилась в духе индивидуализма и предприимчивости. Средства массовой информации, массовая культура учат жить по принципу «люби себя любимого». Все в духе эвдемонизма, являющегося философской основой теории прогресса. Как результат, получаем не зрелую духовную личность, а «массового» человека, не понимающего простой истины, что мы владеем лишь тем, что отдаем другим или тем, чему посвящаем свою жизнь.

«Массовый» человек рано или поздно опускается до состояния экзистенциального вакуума, потери осмысленного здорового существования. Это ведет ко второй составляющей культурно-антропологического кризиса, заключающегося в разрушении биологической основы бытия человека из-за излишнего накопления в генофонде человеческой популяции генных и хромосомных мутаций, отклоняющих развитие ребенка от нормы.

Речь идет о накоплении «генетического груза», которые разрушает наследственность многих людей. С каждым новым поколением тяжесть «генетического груза» в популяции человека становится все внушительнее.

Обессмысливание бытия человека, обесценивание его личностных качеств гасит в человеке интерес к собственной личности, ведет к аморальному образу жизни. Герой с атрофией сердца, по утверждению Ф. М. Достоевского, превращается в громилу с черной душой.

Живя в состоянии антропогенного кризиса, мы, как никогда, должны усвоить уроки, заданные нам русской историей и русской философией в понимании смысла и значимости человеческой личности. «Русское решение» этой проблемы оставлено нам в наследство.

Список источников

1. Миклин А. М. Эволюционная теория. Век XX. Концепция современного естествознания: учеб. пособие. СПб., 1999.
2. Кутырев В. А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. № 11.
3. Запесоцкий А. С. О концепции гуманитарного образования в университетах России // Проблемы и перспективы гуманитарного образования в эпоху социальных реформ: тезисы докладов научно-методической конференции. СПб., 2007.
4. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. М., 1991.
5. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.

УДК 342.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТИШИНЫ И ПОКОЯ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

***У. А. Картавенко**, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

Статья посвящена анализу правового регулирования и правоприменительной практики в сфере обеспечения тишины и покоя граждан в Российской Федерации. Рассматриваются недостатки действующей нормативной базы, обусловленные отсутствием единого федерального закона и вариативностью региональных норм, а также проблемы правоприменения, включая ограниченные полномочия полиции и сложность проведения замеров шума. Обосновывается необходимость унификации законодательства путем принятия федерального закона, внесения изменений в действующее законодательство, а также разработки административного регламента для обеспечения единообразия и оперативности реагирования на нарушения. Предлагаемые меры направлены на устранение правовой неопределенности и защиту конституционного права граждан на благоприятную среду обитания.

Ключевые слова: тишина и покой, шумовое загрязнение, административная ответственность, правоприменительная практика, унификация законодательства, санитарно-эпидемиологические нормы, Роспотребнадзор, административный регламент.

LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT IN THE SPHERE OF ENSURING PEACE AND QUIET OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

***U. A. Kartavenko**, lecturer of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article analyzes the legal regulation and enforcement practices related to ensuring citizens' peace and quiet in the Russian Federation. It examines the shortcomings of the current regulatory framework, stemming from the absence of a unified federal law and the variability of regional norms, as well as enforcement challenges, including the limited powers of the police and the complexity of conducting noise measurements. The necessity of legislative unification is substantiated through the adoption of a federal law, amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the Housing Code of the Russian Federation, and Federal Law No. 52-FZ, alongside the development of an administrative regulation to ensure uniformity and promptness in addressing violations. The proposed measures aim to eliminate legal uncertainty and safeguard citizens' constitutional right to a favorable living environment.

Keywords: peace and quiet, noise pollution, administrative liability, enforcement practices, legislative unification, Housing Code of the Russian Federation, Code of Administrative Offenses, sanitary and epidemiological standards, Rospotrebnadzor, administrative regulation.

В условиях роста плотности городской застройки и увеличения количества транспортных и развлекательных объектов вопросы охраны тишины и покоя приобретают особую актуальность. Шумовое загрязнение стало не только фактором раздражения, но и прямой угрозой физическому и психическому здоровью граждан. Несмотря на наличие нормативных актов, система правоприменения остается неэффективной. Цель данной статьи – проанализировать проблемы, связанные с привлечением к ответственности за такие нарушения.

Прежде чем приступить к рассмотрению темы, необходимо отметить, что следует разграничивать систематический шум, создаваемый действиями граждан или техническими средствами в любое время суток, и эпизодические громкие звуки, возникающие в ночное или дневное время. С юридической точки зрения систематический шум квалифицируется как нарушение санитарно-эпидемиологических норм [4], тогда как эпизодические громкие звуки представляют собой нарушение административного законодательства. В зависимости от источника шума и времени его возникновения применяются два алгоритма правового реагирования: обращение в территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) либо в органы внутренних дел.

В настоящее время в России отсутствует единый федеральный закон о тишине, а нормативная база представлена рядом федеральных и региональных актов, а также техническими нормами, регулирующими общественные отношения, связанные с соблюдением тишины и покоя граждан.

Так, Жилищный кодекс РФ (далее – ЖК РФ) регулирует вопросы тишины и покоя косвенно, через общие требования к использованию жилых помещений и санитарные нормы.

Как в случае с ЖК РФ, Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Закон № 52-ФЗ) [4] регулирует вопросы тишины и покоя граждан косвенно, через установление общих требований к санитарно-эпидемиологической безопасности, включая контроль за уровнем шума как фактором, влияющим на здоровье населения.

Закон № 52-ФЗ делегирует разработку конкретных нормативов федеральному органу, осуществляющему санитарно-эпидемиологический надзор (Роспотребнадзор). Ключевой документ – СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» [6] устанавливает допустимые уровни шума в жилых помещениях, для общественных зданий, больниц, санаториев и территорий, прилегающих к жилым домам днем (7:00–23:00) и ночью (23:00–7:00).

При этом, СанПиН 1.2.3685-21 не регламентирует конкретные временные рамки (режим «тишины») и оставляет значительную долю вопросов регулирования на усмотрение субъектов РФ.

Практическое применение Закона № 52-ФЗ выражается в подаче жалобы в Роспотребнадзор, если шум (например, от соседей, стройки или коммерческих объектов) превышает допустимые уровни. Роспотребнадзор проводит замеры шума и, при подтверждении нарушений, выдает предписание или передает материалы в суд/полицию. Такая практика порождает определенные ограничения в правоприменении. Так, замеры шума требуют специального оборудования и квалифицированных специалистов, что затрудняет оперативное реагирование. Гражданам часто приходится обращаться в правоохранительные органы, так как срок рассмотрения обращений в Роспотребнадзор по данным обстоятельствам, как и для иных обращений, составляет 30 дней [3].

На федеральном уровне ответственность за нарушение тишины и покоя граждан регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Однако его положения не содержат специальных норм, непосредственно регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения тишины и покоя. Отдельные статьи, такие как ст. 20.1 (мелкое хулиганство) или ст. 6.3 (нарушение санитарных норм), могут применяться в определенных ситуациях, но они не предназначены для целенаправленного регулирования вопросов, связанных с обеспечением тишины и покоя граждан.

Несмотря на наличие Федеральных норм, регулирующих рассматриваемые общественные отношения, эти вопросы преимущественно находятся в ведении региональных законов, которые характеризуются значительной вариативностью

установленных требований к определению ночного времени суток, к видам действий, повлекших нарушение тишины и покоя граждан, к мерам административного наказания за совершение таких действий, а также наличие правовых пробелов, что порождает правовую неопределенность и несправедливость.

Децентрализация регулирования вопросов тишины и покоя нарушает принцип правовой определенности, закрепленный в правовой доктрине и вытекающий из ст. 1 Конституции РФ. Граждане сталкиваются с непредсказуемыми правовыми последствиями своих действий в зависимости от региона, что противоречит принципу равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ) [1]. Кроме того, неравномерная защита прав на отдых и покой как элемента благоприятной среды обитания (ст. 42 Конституции РФ) подрывает справедливость и эффективность правовой системы.

В связи с вышеописанными обстоятельствами в Государственную Думу РФ был внесен Проект Федерального закона № 299053-8 «О соблюдении тишины и покоя граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» (в ред. 23.10.2023) [5].

Проект федерального закона «О соблюдении тишины и покоя граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» направлен на унификацию законодательства путем установления единых стандартов соблюдения тишины и покоя, устраняя правовую неопределенность, обусловленную неоднородностью региональных норм в определении ночного времени (предлагается с 23:00 до 7:00), перечня запрещенных действий и мер административной ответственности. Законопроект вводит закрытый перечень шумных действий, квалифицируемых как административные правонарушения, запрещает строительные и ремонтные работы в будние дни с 19:00 до 9:00 и с 13:00 до 15:00, а также в выходные и праздничные дни, устанавливая исключения для экстренных ситуаций, массовых мероприятий и религиозных обрядов. Для профилактики нарушений предусматривается вовлечение собственников помещений, управляющих компаний и государственных органов, включая внесение изменений в ЖК РФ и КоАП РФ, что снижает нагрузку на полицию и повышает эффективность правоприменения.

Вместе с тем, несмотря на усилия законодателей, данный законопроект так и не вступил в законную силу из-за ряда противоречий с нормами ЖК РФ, КоАП РФ и иными федеральными законами [5].

По нашему мнению, курс на унифицирование законодательства о тишине и покое граждан, несомненно, правилен. Однако для эффективного регулирования данного вопроса на федеральном уровне недостаточно принятия отдельного федерального закона. Требуется комплексная гармонизация нормативной базы, включая внесение изменений в КоАП РФ для установления специальной ответственности за нарушение тишины, а также в Федеральный закон № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» для уточнения

полномочий Роспотребнадзора в части оперативного реагирования на жалобы. Кроме того, необходимо скорректировать ЖК РФ, закрепив механизмы взаимодействия управляющих компаний и собственников в профилактике нарушений.

Помимо законодательных мер, значительные проблемы возникают в правоприменительной практике. Например, полиция не вправе проникать в жилое помещение в случае нарушения тишины. Таким образом сотрудники полиции в случае игнорирования их законных требований остаются без инструмента воздействия на правонарушителя. В данной ситуации наиболее эффективной мерой воздействия на правонарушителя с целью прекращения нарушения тишины и покоя граждан может быть отключение электричества.

Аналогичную меру применяют в настоящее время представители ТСЖ и УК в случае отсутствия прямых договоров с ресурсоснабжающими организациями у собственника помещения, а при его наличии непосредственно сама ресурсоснабжающая организация. Данная мера применяется в отношении злостных должников и на практике довольна эффективна.

Однако такая мера воздействия на нарушителей тишины и покоя в настоящее время никак не урегулирована на законодательном уровне, а оттого и не применима на практике. Да и правоохранители о таком способе решения проблемы и не осведомлены.

Помимо названного примера существует и ряд других проблем, связанных непосредственно с практикой правоприменения. К сожалению, формат статьи не позволяет остановиться на них подробнее. Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть необходимость выработки алгоритма действий по аналогии с разработкой административного регламента, который бы четко определял порядок действий как для граждан, так и для правоприменителей нормативных правовых актов в области тишины и покоя граждан. Такой документ должен включать алгоритмы реагирования на жалобы, критерии квалификации правонарушений и сроки рассмотрения, обеспечивая единообразие и оперативность правоприменения, что станет важным шагом к устранению правовой неопределенности и повышению эффективности защиты прав граждан.

В заключении хотелось бы отметить, что обеспечение тишины и покоя граждан в условиях урбанизации и роста шумового загрязнения требует комплексного совершенствования нормативной базы и правоприменительной практики. Анализ выявленных проблем демонстрирует необходимость принятия единого федерального закона, гармонизации норм КоАП РФ, ЖК РФ и Закона № 52-ФЗ, а также разработки административного регламента для унификации процедур реагирования на нарушения. Только системный подход, сочетающий законодательное регулирование и эффективное правоприменение, позволит устранить правовую неопределенность, обеспечить равенство перед законом и гарантировать реализацию конституционного права граждан на благоприятную среду обитания.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О соблюдении тишины и покоя граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации: проект федер. закона от 23 октября 2023 г. № 299053-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания: постановление Федер. службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 34

АНАЛИЗ ПУТЕЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ

***Ли Ан**, сотрудник факультета следствия Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики*

Новая эпоха выдвинула новые требования к подготовке полицейских кадров. Крайне важно изучить пути подготовки специалистов в области интеллектуальной полиции с учетом современных требований. Целью данной статьи является анализ текущего состояния подготовки специалистов в области интеллектуальной полиции в призме обязанностей и задач работы по обеспечению общественной безопасности в новую эпоху, разъяснение качеств, которыми должны обладать такие полицейские, и предложение путей реализации подготовки профессионалов в области интеллектуальной полиции в контексте новой эпохи.

Ключевые слова: специалисты в области интеллектуальной полиции, подготовка кадров, профессиональные качества.

ANALYSIS OF WAYS TO TRAIN SPECIALISTS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL POLICING IN MODERN TIMES

***Li An**, a member of the Faculty of Investigation at the Heilongjiang Institute for Professional Training of Public Security Police Officers of the People's Republic of China*

The new era has put forward new requirements for the training of police personnel. It is extremely important to explore ways to train specialists in the field of intellectual policing, taking into account modern requirements. The purpose of this article is to analyze the current state of training specialists in the field of intellectual policing in the light of the responsibilities and tasks of ensuring public safety in the new era, to explain the qualities that such police officers should possess, and to propose ways to implement the training of professionals in the field of intellectual policing in the context of the new era.

Keywords: specialists in the field of intellectual policing, personnel training, professional qualities.

В духе нового времени Генеральный секретарь Си Цзиньпин выдвинул политику 16-ти иероглифов: «Формирование полиции с упором на политическую благонадежность, укрепление полиции посредством реформ, развитие полиции посредством науки и технологий и жесткое регулирование работы полиции», чтобы задать направление работы по обеспечению общественной безопасности. Это не только знаменует собой стратегическую трансформацию в работе по обеспечению общественной безопасности, но и подчеркивает ключевую роль научных и технологических инноваций в содействии развитию общественной безопасности. В частности, «развитие полиции посредством науки и технологий» напрямую привело к появлению концепции «специалистов в области интеллектуальной полиции», которая является не только необходимым условием стратегической трансформации общественной безопасности в новую эпоху, но и ключевым путем для органов общественной безопасности к внедрению инноваций, развитию и повышению их боевых возможностей.

Создание и развитие интеллектуальной полиции использует передовые технологии, такие как большие данные, Интернет вещей и облачные вычисления, для преобразования деятельности полиции в информационно-ориентированную и интеллектуальную, что не только повышает эффективность и точность работы органов общественной безопасности, но и усиливает уровень модернизации социального управления. Благодаря «интеллектуальной полиции» органы общественной безопасности могут добиться эффективной поддержки и гарантий комплексного управления социальным обеспечением, профилактики преступности, пресечения правонарушений и мониторинга и т. д. Это не только единственный путь к достижению инновационного развития в работе по обеспечению общественной безопасности в новую эпоху, но и важный способ воспитания новой боеспособности органов общественной безопасности.

Подводя итог, можно сказать, что развитие «интеллектуальной» полиции в контексте новой эпохи не только отвечает стратегическим требованиям страны к работе по обеспечению общественной безопасности, но и является важной мерой по адаптации общественной безопасности к социальному развитию и изменениям, а также по улучшению возможностей и уровней управления. Постоянно углубляя теоретические исследования и практическое освоение интеллектуальной полицейской деятельности, мы можем оказать надежную поддержку и гарантировать подготовку кадров для органов общественной безопасности в новую эпоху.

В условиях бурного развития науки и техники информатизация и интеллектуализация работы органов общественной безопасности стали общей тенденцией. Однако в настоящее время существует ряд проблем и недостатков в подготовке специалистов в области интеллектуальной полиции, что настоятельно требует совместных усилий государства, образовательных учреждений и ведомств общественной безопасности.

1. Недостаточная государственная поддержка.

Несмотря на то, что страна вложила значительные средства в аппаратную базу для «интеллектуальной» полицейской деятельности и постоянно совершенствует технологические средства, наблюдается недостаток политической поддержки подготовки таких полицейских.

2. Ограниченность системы образования.

В настоящее время система обучения дисциплинам «интеллектуальной полиции» в учебных заведениях общественной безопасности Китая все еще несовершенна, нехватка преподавательского состава затрудняет удовлетворение потребностей в подготовке междисциплинарных комплексных кадров. Интеллектуальная полицейская деятельность требует от сотрудников не только глубоких познаний в сфере общественной безопасности, но и профессиональных навыков в таких областях, как информационные технологии. На настоящий момент такая модель обучения еще не сформирована.

3. Отсутствие возможностей практического обучения.

Из-за больших ежедневных нагрузок рядовые органы общественной безопасности испытывают нехватку полицейских сил для проведения эффективной подготовки «интеллектуальных» сотрудников полиции, что приводит к нехватке кадрового резерва. Особенно когда речь идет о принятии новых технологий, наблюдается большой разрыв между способностью к обучению и уровнем применения знаний у пожилых сотрудников полиции.

4. Отсутствие персональной осознанности среди сотрудников полиции.

Некоторые сотрудники полиции не в полной мере осознают важность интеллектуальной полицейской работы, обладают низким уровнем применения информационных технологий, не имеют способностей к инновациям и мотивацией к обучению. Отзывы рядовых сотрудников полиции о применении интеллектуальной полицейской деятельности не воспринимаются всерьез, что ослабляет их энтузиазм в отношении изучения и применения технологий «интеллектуальной» полиции.

В соответствии с требованиями национальной стратегии усиления государства за счет квалифицированных кадров, в новую эпоху органы общественной безопасности должны придавать большое значение повышению качества работы полиции. «Человек» является незаменимым и первым элементом в достижении интеллектуальной работы полиции. Квалифицированные «интеллектуальные»

сотрудники полиции должны обладать как профессиональными техническими навыками, так и навыками ведения бизнеса в сфере общественной безопасности. Только когда качество работы сотрудников полиции достигнет определенного уровня они смогут применять «интеллектуальную» полицейскую деятельность в сочетании с реальными потребностями своей работы. Сегодня подрывная деятельность, инфильтрация и саботаж враждебных сил за рубежом усиливаются, транснациональная преступная деятельность принимает угрожающие масштабы, а новые типы сетевых, информационных, профессиональных и бесконтактных уголовных преступлений, представленных мошенничеством в телекоммуникационных сетях и трансграничными азартными играми в Интернете, становятся все более распространенными, что создает новые проблемы для работы по обеспечению общественной безопасности в новую эпоху. Поэтому, чтобы воспитать «интеллектуальных» полицейских в новую эпоху, мы должны сосредоточиться на всестороннем повышении их качеств.

1. Политическая грамотность.

Политическая грамотность является основным условием и базовым качеством, необходимым для того, чтобы «интеллектуальные» полицейские могли заниматься полицейской работой. Это всестороннее выражение политической позиции, политической осведомленности и политических убеждений в работе полиции. Где правильная политическая позиция является «корнем» политической грамотности, высокое политическое сознание является «ветвью» политической грамотности, а твердые политические убеждения являются «листьями» политической грамотности.

2. Профессиональные качества.

Это касается профессиональных знаний и трудовых способностей, которыми должны обладать «интеллектуальные» полицейские, соответствующих их должностным обязанностям и задачам, а также практических навыков для выполнения различных задач. Это комплексное воплощение профессиональных знаний и профессиональных навыков.

1. Адаптивность восприятия данных и интеллектуального анализа.

Это относится к способности извлекать ценность из данных и служить делу общественной безопасности посредством процессов сбора, управления, моделирования, анализа и применения данных в интеллектуальной деятельности полиции. Обладать комплексными возможностями базовых знаний, в основе которой лежат навыки обработки данных, базовые профессиональные навыки, умение проводить анализ данных и использовать платформы. Обладать профессиональной способностью извлекать и комплексно применять профессиональные знания в области данных, творчески выявлять, анализировать и решать проблемы, а также выполнять работу по обеспечению общественной безопасности.

2. Инновации, повышающие практическую эффективность работы полиции.

Наличие инновационных возможностей полицейской практики является ключевым элементом, отражающим качества «интеллектуальных» полицейских кадров. Однако некоторые сотрудники органов общественной безопасности испытывают большие проблемы с возможностями анализа, обработки и извлечения данных. Однако некоторые сотрудники органов общественной безопасности испытывают серьезные проблемы с анализом, обработкой и уточнением данных, а также не способны самостоятельно решать проблемы и внедрять инновации. Иногда им приходится полагаться на сторонние компании по обработке данных или научно-исследовательские институты для реализации анализа и обработки данных. Для этого требуются талантливые сотрудники полиции, обладающие соответствующими прикладными и исследовательскими способностями, способные интегрировать обучение и инновации, совместно содействовать совершенствованию и формировать эффективный цикл взаимного развития с помощью инноваций.

1. Стратегическое планирование и государственная поддержка.

На национальном уровне нам следует активно содействовать подготовке талантливых полицейских кадров путем разработки и реализации ряда целевых политик и мер. Это подразумевает не только увеличение финансовых вложений в подготовку кадров, но и создание системной модели обучения для отбора и обучения «интеллектуальных» полицейских, обладающих как теоретическими знаниями, так и практическим опытом. Только тогда, когда на государственном уровне, а именно высшего уровня, который закладывает фундамент, будет уделяться достаточное внимание подготовки кадров, будет обеспечена политическая поддержка и гарантии, мы сможем по-настоящему достичь цели использования науки и технологий для повышения эффективности и боеспособности полиции, снижения нагрузки и давления на рядовых сотрудников полиции и повышения эффективности и результативности их работы.

2. Развитие профессиональных направлений и использование инноваций в учебных программах в учебных заведениях общественной безопасности.

Все учебные заведения общественной безопасности должны играть ключевую роль в подготовке «интеллектуальных» полицейских кадров, развивать у студентов научно-технический и инновационный потенциал, понимание «интеллектуальной» полицейской деятельности посредством внедрения инноваций в учебные программы и профессиональную подготовку. Учебные заведения должны интегрировать знания и навыки, связанные с интеллектуальной деятельностью полиции в систему образования для того, чтобы студенты могли понимать и применять технологии интеллектуальной деятельности полиции, одновременно овладевая профессиональными знаниями. На ряду с этим необходимо укреплять преподавательский состав, набирать преподавателей с двойной квалификацией, имеющих практический опыт и теоретические знания, повышать качество преподавания и воспитывать высококвалифицированные кадры.

3. Регулярное проведения обучения и применения технологий в органах общественной безопасности.

В целях подготовки «интеллектуальных» полицейских кадров органы общественной безопасности должны регулярно организовывать обучение для сотрудников на рабочих местах, а также организовывать онлайн-курсы по «интеллектуальной» полицейской деятельности для различных видов и департаментов полиции в различных формах, таких как лекции и онлайн-курсы, с целью достижения полного охвата сотрудников полиции общественной безопасности разных возрастных групп. В то же время следует усилить совместную работу и сотрудничество подразделений с организациями, занимающимися технологиями общественной безопасности. Приглашать экспертов из компаний, занимающихся технологиями, связанными с обеспечением общественной безопасности, для обучения и подготовки сотрудников полиции, ответов на вопросы и устранения недопониманий по некоторым техническим вопросам, а также для обсуждения проблем, возникающих в реальной работе, для обеспечения роста и развития сотрудников полиции.

4. Развитие способностей к самосовершенствованию и новаторству на индивидуальном уровне.

Сотрудники полиции общественной безопасности, являясь основой практической интеллектуальной полицейской деятельности, должны быть готовы к постоянному обучению и самосовершенствованию. Постоянное внедрение инноваций, самообразование, обучение передовым инновационным знаниям, формирование строгого логического мышления, адаптивности и умения работать сообща.

Во-первых, использование технологий анализа Больших данных посредством тактического анализа и суждения, проверка и оценка динамической информации и оказание технической поддержки рядовым практическим подразделениям. Во-вторых, необходимо сосредоточиться на комплексной работе, анализе и рассмотрении особо тяжких преступлений, а также использование полицейских технологий и информационных технологий для предотвращения борьбы с преступной деятельностью. Придерживаться сочетания теории и практики, добиваться успеха в сфере обеспечения общественной безопасности, работая рука об руку с новаторскими идеями и изучением интеллектуального контента в области полицейской деятельности. В то же время необходимо активизировать инновационное мышление, проводить исследовательское обучение, развивать свои собственные способности к анализу и решению проблем, а также уметь использовать информационные технологии, такие как большие данные, видеоанализ и облачные вычисления для практического служения делу обеспечения общественной безопасности.

Список источников

1. Фэн Шунь, Ван Юй. Исследование и практика реформы обучения в полицейском образовании в духе нового времени [J] // Форум промышленности и технологий, 2023, 22(04): 108–110.
2. Ли Чжихэн, Го Цян, Хо Жуйцзе. Исследование развития возможностей работы с полицейскими данными у студентов бакалавриата в колледжах общественной безопасности с точки зрения новой интеллектуальной полицейской деятельности [J] // Журнал Пекинского полицейского колледжа, 2021(03):118–124.
3. Цяо Шучжэнь. Исследование по построению «умной полиции» в перспективе модернизации управления [J] // Журнал Аньхойского полицейского колледжа, 2021, 20(01):93–97.
4. Сунь Жуй, У Цзян. Государственное управление Китая, 2020(07): 35–40. DOI: 10.19735/j.issn.1006-0863.2020.07.05.

新时代背景下智慧警务人才培养路径探析

李 昂 黑龙江公安警官职业学院侦查系

摘 要： 新时代对警务人才培养提出了新的要求，在时代背景下探索智慧警务人才培养路径势在必行。本文旨在结合公安工作新时代的职责和任务，对智慧警务人才培养现状进行分析，阐述智慧警务人才应当具备的素质，提出在新时代背景下智慧警务专业人才培养的实施路径。

关键词：智慧警务；人才培养；业务素质

一、时代背景

在新时代的背景下，习近平总书记提出了指导公安工作前进方向的“政治建警、改革强警、科技兴警、从严治警”十六字方针。这不仅标志着公安工作的战略转型，更强调了科技创新在推动公安事业发展中的核心作用。特别是“科技兴警”，直接催生了智慧警务的发展概念，这不仅是新时代公安战略转型的要求，也是公安机关创新发展、提升作战能力的关键路径。

智慧警务的构建与发展，利用大数据、物联网、云计算等前沿科技手段，对警务活动进行信息化、智能化改造，不仅提高了公安工作的效率和精准度，也加强了社会治理的现代化水平。通过智慧警务，公安机关能够实现对社会治安综合治理、违法犯罪预防、打击和监测等多方面的高效支撑和保障，这既是新时代公安工作创新发展的必经之路，也是培育公安机关新战斗力的重要途径。

综上所述，智慧警务在新时代背景下的发展不仅响应了国家对公安工作的战略要求，也是公安事业适应社会发展变化、提升治理能力和水平的重要举措。通过不断深化智慧警务的理论研究与实践探索，可以为新时代下公安机关人才培养提供有力的支撑和保障。

二、新时代背景下智慧警务人才培养现状

随着科技的飞速发展，公安工作的信息化、智能化已成为大势所趋。智慧警务，作为公安工作未来的发展方向，对人才的需求日益增长。然而，在智慧警务人才培养方面，当前存在一系列挑战和不足，亟需国家、教育机构及公安部门的共同努力。

（一）国家政策支持的不足

尽管国家对智慧警务建设的硬件设施投入巨大，科技手段不断更新，但在智慧警务人才培养方面的政策支持却相对缺乏。目前，还未有明确的政策鼓励智慧警务人才的培养和定向就业，导致高层次、高技能的智慧警务人才短缺。

（二）教育培养体系的局限性

当前，我国公安院校在智慧警务学科的培养体系尚不完善，师资力量不足，难以满足跨学科复合型人才的培养需求。智慧警务要求人才不仅要掌握公安业务知识，还需具备信息技术等领域的专业能力，目前这一跨学科

培养模式尚未形成。

（三）实践培训机会的缺失

基层公安机关由于日常工作繁重，缺乏足够的警力支持对民警进行智慧警务相关培训，导致人才储备不足，尤其是在接受新技术方面，年长民警的学习能力与应用水平存在较大差距。

（四）民警个人意识的不足

部分民警对智慧警务的重要性认识不足，信息化应用水平低下，缺乏创新能力和学习动力。基层民警对智慧警务的使用反馈未能得到有效重视，减弱了他们学习和应用智慧警务技术的积极性。

三、新时代背景下智慧警务人才培养内容

公安机关在新时代人才强国战略的要求下，应当把提升警察队伍素质放在重要位置。“人”是达到智慧警务建设必不可少的要素，也是第一要素。合格的智慧警务人才需要同时具备专业技术能力和公安业务能力，只有当民警素质达到一定高度，具备一定水平，才能够结合工作实际需求应用智慧警务。当今，国外敌对势力颠覆渗透破坏活动加剧，跨国犯罪活动猖獗，以电信网络诈骗、跨境网络赌博为代表的网络化、信息化、专业化非接触性新型犯罪案件高发，对新时期公安工作提出了新的挑战，所以，培养新时代智慧警务人才必须注重素质的全面提升。

（一）政治素质

政治素质是智慧警务人才从事警务工作必需的基本条件和基本品质，是政治立场、政治觉悟、政治信念在警务工作中的综合表现。其中，正确的政治立场是政治素质的“根”，崇高的政治觉悟是政治素质的“枝”，坚定的政治信念是政治素质的“叶”。

（二）业务素质

是指智慧警务人才必须具备的与工作职责和任务相适应的专业知识和工作能力，以及完成各项任务的实战技能，是专业知识和专业技能的综合体现。

（1）数据感知和智能分析应用能力

是指在智慧警务工作中通过对数据的采集、管理、建模、分析和应用等流程提取数据价值服务于公安工作的能力，具有以数据处理能力为核心的综合知识基础能力、专业知识基础能力、数据分析能力、平台应用能力，具备自觉获取、综合运用数据专业知识，开创性地发现、分析和解决问题、服务公安工作的专业能力。

（2）创新引领警务实践工作能力

具有警务创新实践能力是体现智慧警务人才素质的关键要素，公安工作重在实践，而公安机关部分人员在数据的分析处理和提炼方面存在

着较大的能力问题，自主解决问题和自主创新能力不足，有时需要借助第三方数据服务公司或研究机构来实现数据的分析和处理。这就要求智慧警务人才具有相应的应用和研究能力，将学习和创新融会贯通、融为一体，共同促进提升，与创新形成互促发展的良性循环。

四、新时代背景下智慧警务人才培养实施路径

（一）国家层面的战略规划与政策支持

在国家层面，应通过制定和实施一系列有针对性的政策措施，积极推进智慧警务人才的培养。这不仅包括增加人才培养的资金投入，更涉及到构建一个系统化的培养模式，选拔并培养一批既有理论知识又具备实战经验的智慧警务人才。国家层面从上层建筑领域对人才培养引起足够的重视并提供政策支持保障，才能真正实现向科技要警力和战斗力的目标，才能让基层民警减轻负担和压力，才能提高警务工作的执行效率和执行效能。

（二）公安院校的专业建设与课程创新

各公安院校在智慧警务人才培养上应发挥核心作用，通过课程创新和专业建设，培养学生的科技创新能力和智慧警务意识。院校应将智慧警务相关的知识和技能融入教育体系，让学生在掌握专业知识的同时，理解并能运用智慧警务技术。同时加强师资队伍建设，招募具有实战经验和理论知识的双师型教师，提高教学质量、培养高素质复合型人才。

（三）公安内部的定期培训与技术应用

公安机关在智慧警务人才培养上，应定期组织在职培训，通过开设讲座、网络课程等多种形式，面向不同警种，不同部门，安排智慧警务相关网络课程，争取实现不同年龄段的公安民警全覆盖。使民警加强对智慧警务的理解，提升应用科技信息化手段的能力，提高办理公安业务技能与水平，整体提升民警素质。同时，单位要加强与公安科技企业共建合作。邀请公安科技企业的专家对民警进行教育培训，对一些技术性问题开展答疑解惑环节，对实际工作中出现的问题交流沟通，使民警更快的成长进步。

（四）个人层面的自我提升与创新能力培养

公安民警作为智慧警务实践的主体，应具备持续学习和自我提升的意识。面向未来不断创新，自主学习，具备先进的创新意识、严谨的逻辑思维、良好的应变能力、灵活协同的能力。一是通过战术研判，充分运用大数据分析技术，主动加强对动态信息的核查研判，为基层实战部门提供技术支持；二是围绕合成作战，研判高发案件，依托警务科技信息化手段，服务打防犯罪工作。坚持理论与实际相结合，在做好公安业务工作与开拓创新同向同行、学习智慧警务内容的同时，活跃创新思维，开展探索性学习，锻炼自身分析、解决问题的能力，能够运用大数据、视频分析、云计算等信息化技术手段，更好地服务于公安实战工作。

参考文献

[1]封顺,王雨.新时代公安教育实战化教学改革的探索与实践[J].产业与科技论坛,2023,22(04):108-110.

[2]李志恒,郭强,霍瑞杰.智慧新警务视域下公安院校本科生警务数据能力培养探索[J].北京警察学院学报,2021(03):118-124.

[3]乔淑贞.治理现代化视域下的“智慧警务”建设研究[J].安徽警官职业学院学报,2021,20(01):93-97.

[4]孙锐,吴江.创新驱动背景下新时代人才发展治理体系构建问题研究[J].中国行政管理,2020(07):35-40.DOI:10.19735/j.issn.1006-0863.2020.07.05.

УДК: 355.47:614.2

ПРАКТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИЦИИ

***О. В. Михайленко**, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются особенности и практические трудности организации медицинского освидетельствования на состояние опьянения в деятельности транспортной полиции Российской Федерации на объектах железнодорожного, авиационного и водного транспорта, а также предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: транспортная полиция, медицинское освидетельствование, состояние опьянения, удаленность объектов, передвижной медицинский пункт, алкотестер, отказ от освидетельствования, межведомственное взаимодействие.

PRACTICAL CHALLENGES OF MEDICAL EXAMINATION FOR INTOXICATION IN THE ACTIVITIES OF THE TRANSPORT POLICE

***O. V. Mikhailenko**, senior lecturer of the Department of Special Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

This article examines the specific features and practical challenges involved in organizing medical examinations for intoxication within the activities of the Transport Police of the Russian Federation at railway, aviation, and water transport facilities, and proposes potential solutions.

Keywords: transport police, medical examination, intoxication, remoteness of facilities, mobile medical unit, breathalyzer, refusal of examination, interagency cooperation.

Транспортная полиция Российской Федерации осуществляет охрану правопорядка и безопасность на объектах железнодорожного, авиационного и водного транспорта. Служебная деятельность транспортных полицейских включает не только обеспечение общественного порядка и борьбу с преступностью, но и контроль за соблюдением транспортных правил, включая выявление лиц в состоянии опьянения.

Медицинское освидетельствование на состояние опьянения проводится в порядке, установленном законодательством. Согласно п. 1 ст. 27.12.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) любое лицо, совершившее административное правонарушение и подозреваемое в опьянении, должно быть направлено на такое освидетельствование [1]. Протокол о направлении на освидетельствование составляется уполномоченным должностным лицом и вручается при отказе от подписания протокола, о чем делается специальная запись. Однако, в отличие от водителей транспортных средств, подобный отказ со стороны пассажиров поездов, самолетов и водного транспорта сам по себе не влечет за собой прямой санкции (как в случае с водителями – лишение права управления транспортным средством).

Приказом Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 262н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) … » утвержден регламент процедуры: правила и порядок проведения исследований, оформление результатов и т. д. В частности, в приложениях приказа приведены клинические признаки опьянения (неадекватное поведение, заторможенность, сонливость или возбуждение) и требования к спецоборудованию (например, к передвижному пункту для исследования) [5.].

Применение данной нормы на практике встречает ряд специфических трудностей, связанных с особенностями транспортной среды.

На железнодорожном транспорте многие железнодорожные объекты да и сами поезда дальнего следования часто находятся вдали от населенных пунктов, что осложняет оперативное взаимодействие с медицинскими службами. На авиационном транспорте в аэропортах обычно есть медицинские пункты, но проверка состояния опьянения пассажиров может происходить прямо в залах ожидания или на трапах самолета. На водном транспорте проверка состояния экипажей судов или пассажиров затрудняется долгим отлучением судна в рейс и редким наличием медицинского персонала на борту.

Для проведения полного медицинского освидетельствования используются специально оборудованные мобильные пункты (автомобили), где имеется необходимое оборудование и приборы. Однако данные пункты имеются далеко не везде.

При отсутствии таких мобильных пунктов (например, на отдаленных перегонах или малых станциях) процедуру приходится организовывать штатными средствами – доставлять человека в ближайшее медучреждение или вызывать фельдшера. Это вызывает значительные задержки и организационные сложности. Впрочем, наряду с врачебным освидетельствованием для первичного тестирования сотрудники полиции могут применять портативные алкотестеры.

Медицинское освидетельствование проводит врач-психиатр-нарколог (или в сельской местности – фельдшер) с соответствующей подготовкой. По итогам исследования составляется акт, который является официальным документом: акт освидетельствования на состояние опьянения прикладывается к протоколу полиции и его копия вручается лицу. Таким образом, без участия врача и специального медоборудования подтвердить факт опьянения невозможно.

Полицейский перед исследованием часто предлагает лицу «подышать в трубочку» мобильного алкотестера – показания прибора позволяют предварительно оценить уровень алкоголя. Однако результат алкотестера (например, 0,00 промилле) не является официальным: документально фиксируется только заключение врача в виде акта, для чего необходим визит в медицинское учреждение.

Таким образом, полицейские на объектах транспорта при направлении граждан на медосвидетельствование сталкиваются со следующими ключевыми проблемами.

Удаленность объектов и отсутствие медучреждений. Многие железнодорожные пункты, портовые причалы или аэродромы находятся на значительном удалении от городских больниц и клиник. Если требуется медосвидетельствование, нередко приходится организовывать доставку автомобиля скорой помощи или врачей на выезд. Такие действия затягивают процесс, особенно в ночное время. Бывают случаи, когда медработники не могут приехать (например, из-за занятости по другим вызовам или технических неполадок). В приказе Минздрава № 262н предусмотрено, что для подобных ситуаций используются передвижные медицинские пункты [5], но их численность ограничена и они не всегда мобильны для отдаленных участков. Кроме того, особенности водного транспорта (судно находится в плавании) вообще делают невозможным немедленное освидетельствование вне порта.

Отказ граждан от прохождения освидетельствования. Лицо, направленное на медосвидетельствование, имеет право отказаться от него. Законом России не предусмотрена принудительная госпитализация для исследования алкоголя (в отличие от некоторых зарубежных моделей), поэтому полицейский может лишь зафиксировать отказ в протоколе. Такой отказ часто приводит к тому, что алкотестер останется единственным «доказательством» (при этом показания прибора, как мы уже отметили, в суде не приравниваются к официальному за-

ключению врача). Как показывает практика, в таком случае лицо привлекается к административной ответственности по смежным статьям – например, за мелкое хулиганство. Если человек управляет транспортом и отказывается от освидетельствования, он автоматически лишается прав (ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ), но если речь о пассажирах, то отказ от медицинского освидетельствования сам по себе не приводит к санкции как таковой, либо лицо может избежать ответственности вовсе из-за объективных обстоятельств, препятствующих своевременному проведению медицинского освидетельствования.

Сложности фиксации факта опьянения. Отсутствие актового заключения врача лишает полицейских убедительного документа для суда. На месте сотрудники могут лишь констатировать признаки опьянения (неустойчивая походка, запах спирта изо рта, неадекватное поведение и пр.) и сделать запись в протоколе. Но такие наблюдения, даже если переданы в суд виде протокола, имеют меньшую доказательную силу по сравнению с лабораторным актом.

Организационные и межведомственные вопросы. Часто выясняется, кому конкретно поручается организовать освидетельствование – полиции, сотрудникам РЖД (или авиакомпаний), медицинским службам транспорта или участковой больнице. Отсутствие четких алгоритмов в нормативных актах приводит к перекладыванию ответственности. Полицейским приходится договариваться с диспетчерами скорой помощи или диспетчерами госпиталей. Практика показывает, что в регионах процедуру нередко упрощают местными приказами МВД или региональных властей, но единый федеральный порядок все еще не до конца отлажен.

Одним из вариантов решения данной проблемы, по нашему мнению, могло бы быть привлечение работников скорой помощи к забору биоматериалов. Согласно законодательству, медицинские работники скорой помощи вправе осуществлять забор биоматериалов, если это входит в их должностные обязанности и соответствует целям оказания неотложной помощи. Статья 35 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» допускает участие медработников в изъятии образцов для экспертизы, но требует соблюдения процедур, утвержденных Минздравом [3]. Приказ Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 262н регламентирует порядок забора биоматериалов, включая участие специалистов с медицинским образованием, прошедших подготовку на базе наркологической больницы или наркологического диспансера (наркологического отделения медицинской организации) по вопросам проведения медицинского освидетельствования по соответствующей программе [5]. Таким образом, формальных запретов на привлечение сотрудников скорой помощи для таких задач нет, но требуется их специальная подготовка и наличие необходимого оборудования.

Однако привлечение медицинских работников скорой помощи также связано с определенными трудностями. Так, они могут столкнуться с «конфликтом обязанностей» между оказанием неотложной помощи и забором проб биологического объекта (моча, кровь) для направления на химико-токсикологическое исследование: привлечение бригад скорой помощи к забору биоматериалов может замедлить реагирование на экстренные вызовы.

В заключение хотелось бы отметить: практика показывает, что реализация требований законодательства об освидетельствовании на опьянение на объектах транспорта сопряжена с существенными трудностями. Главный момент – это необходимость участия медицинского персонала: без мобильных пунктов или готовности врачей провести обследование формально процедуру затягивают административные и организационные проволочки. Отказ граждан от освидетельствования остается юридически ненаказуемым (если человек не водитель), поэтому полицейским приходится привлекать лицо к ответственности обходными путями (например, по статье о хулиганстве). Наконец, проблемы доказательственной базы (актовый документ врача) придают рассмотрению дел неустойчивый характер.

Для улучшения ситуации требуются как организационные, так и законодательные меры. Необходимо обеспечить транспортную полицию мобильными алкотестерами, а медицинские учреждения – достаточным количеством специалистов и техникой для выездов. Важно закрепить в нормативных актах четкие алгоритмы действий – например, регламентировать сроки и ответственных за доставку в медучреждения. На уровне законодательства можно рассмотреть возможность приравнять показания специальных приборов в присутствии понятых к формальным доказательствам или ужесточить последствия для отказавшихся от освидетельствования (не только для водителей транспортных средств). Такой комплексный подход позволит повысить эффективность выявления и пресечения на транспорте правонарушений, связанных с алкоголем и наркотиками.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: ред. от 29.12.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Инструкции по организации работы нарядов полиции линейных управлений (отделов) МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и работников локомотивных и поездных бригад по обеспечению

правопорядка в поездах дальнего следования и пригородного сообщения: приказ МВД России и Минтранса России от 27.12.2013 № 1022/487. Доступ из справ. территориально распределен. системы «Юрист».

5. Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы Акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 29.04.2025 № 262н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020058 (дата обращения: 14.11.2025).

УДК 342.9

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ЗА НАРУШЕНИЕ ИММИГРАЦИОННЫХ ПРАВИЛ

***В. С. Пацевич**, старший преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются отдельные вопросы применения статьи 18.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к иностранным гражданам, уклоняющимся от прохождения иммиграционного контроля. На основании проведённого анализа автором сформулированы предложения, направленные на изменение конструкции правовой нормы и на повышение эффективности проверки личности мигрантов.

Ключевые слова: мигрант, миграционный контроль, административная ответственность, проверка, реестр.

RESPONSIBILITY OF FOREIGN CITIZENS FOR VIOLATION OF IMMIGRATION RULES

***V. S. Patsevich**, senior lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article discusses certain issues of the application of Article 18.11 of the Administrative Code of the Russian Federation to foreign citizens who evade immigration control. Based on the analysis, the author formulated proposals aimed at changing the design of the legal norm and improving the effectiveness of identity verification of migrants.

Keywords: migrant, migration control, administrative responsibility, verification, registry.

Миграционная сфера по-прежнему остается приоритетным направлением как для правового регулирования, так и для контроля со стороны государства в лице основного правоприменительного органа – Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). За прошедший 2024 г.

Министерством проделана значительная работа в указанной области, результатами которой явились и наделение сотрудников полиции правом самостоятельного принятия решений об административном выдворении иностранных граждан, и создание реестра контролируемых лиц, незаконно находящихся на территории Российской Федерации. Теперь в обязанности любого сотрудника органов внутренних дел при проверке документов выходцев их зарубежных стран входит установление наличия данных о них в указанном реестре, что призвано упростить деятельность ведомства по противодействию незаконной миграции.

Данные статистики свидетельствуют о том, что проблема незаконного пребывания иностранных граждан в нашей стране является актуальной на протяжении вот уже многих лет. В 2024 г. по сравнению с 2023 г. на 43,1 % увеличилось количество протоколов об административных правонарушениях, составленных в отношении мигрантов, на 31,1 % возросло число принятых решений об удалении иностранных граждан с территории Российской Федерации, на 44,6 % удалено больше иностранных нарушителей [10]. Несмотря на принимаемые меры, по данным МВД России, по состоянию на конец 2024 г. около семисот тысяч иностранных граждан не имели законных оснований для нахождения в России [11]. В этой связи Президентом Российской Федерации был издан указ [4], из буквального толкования которого следует, что иностранным гражданам предоставлена миграционная амнистия, позволяющая урегулировать им свой правовой статус либо самостоятельно выехать за пределы Российской Федерации. Данная мера призвана вывести их тени незаконных мигрантов, снизив тем самым нагрузку на правоприменителей.

Создание реестра контролируемых лиц не означает одномоментного автоматического его наполнения сведениями из соответствующих баз данных, это постепенная поэтапная работа. В этой связи персональная информация, указанная в предъявленных иностранным гражданином документах, может быть и не отражена в реестре, что влечет дополнительную проверку в отношении практически всех мигрантов, документы которых предоставлены сотрудникам полиции для идентификации личности приезжих. Кроме того, не исключены технические ошибки, связанные с транскрипцией, фиксацией имен, отсутствием отчеств и прочего или же вызванные человеческим фактором.

Проверка по реестру возможна лишь при наличии у иностранного гражданина документов, удостоверяющих его личность. Их отсутствие влечет необходимость установления личности мигранта, для чего следует доставить его в территориальный орган внутренних дел. Однако применение данной меры административного принуждения является правомерным только в случае достаточных оснований полагать, что в отношении такого лица действует режим высылки или же имеется факт совершения им административного правонарушения.

Для придания законности рассматриваемым действиям целесообразно обратить внимание на норму, закрепленную в ч. 1 ст. 18.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2], влекущую административную ответственность за уклонение иностранного гражданина от прохождения иммиграционного контроля, медицинского освидетельствования, идентификации личности, подразумевающую обязанность иностранного гражданина предъявлять по меньшей мере имеющиеся документы, позволяющие убедиться в их наличии.

Отдельные авторы отмечают устаревшую правовую конструкцию данного положения ввиду отсутствия закрепленного законодательно понятия «иммиграционный контроль» и ликвидации постов иммиграционного контроля, просуществовавших в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации до 2007 г. [12, с. 182]. По мнению данных исследователей, внесенные в статью изменения не оказали существенного влияния, поскольку носили чисто технический характер и были вызваны вышеуказанными обстоятельствами, а также усилением административной ответственности и ликвидацией Федеральной миграционной службы Российской Федерации с передачей ее полномочий МВД России [12, с. 182]. Совершенно справедливо их замечание относительно законности привлечения к административной ответственности иностранных граждан, сообщивших заведомо ложные сведения о себе при обращении за получением различного рода услуг в сфере миграции [12, с. 183]. В дополнение к высказанному мнению отметим, что в распоряжении миграционного органа находятся сведения из баз данных об иностранных гражданах, въехавших в Российскую Федерацию, поэтому сообщение заведомо ложной информации, которая должна проверяться в момент предоставления государственной услуги и являться основанием для отказа в выдаче иностранному гражданину документов, позволяющих законно находиться и/или трудиться на территории Российской Федерации [3], не должно рассматриваться единственным основанием для привлечения их к административной ответственности, иначе бы нарушался принцип, закрепленный в ст. 51 Конституции Российской Федерации [1], позволяющий не свидетельствовать против себя самого, когда иностранный гражданин, не успев воспользоваться эти правом, уже подлежал бы административной ответственности. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что данная норма в полной мере распространяется и на законодательство об административных правонарушениях. Это конституционное право не исключает возможности проведения различных процессуальных действий с участником производства в целях получения доказательств при условии соблюдения установленной законом процедуры [5].

Обращение к практическим примерам свидетельствует о том, что положения указанной конституционной нормы и разъяснения Конституционного Суда

Российской Федерации не применяются. Иностранные граждане привлекаются по ст. 18.11 КоАП РФ в связи с уклонением от определения правового статуса, от легализации своего правового положения, от обязательных процедур, предусмотренных для прохождения иммиграционного контроля, несообщением органу миграционного контроля информации об изменении персональных данных, сообщением недостоверных данных.

Так, 23 января 2021 г. в 2 ч 00 мин, в кабинете 406 дома 54 по ул. Профсоюзов в г. Сургуте в ходе мониторинга соблюдения норм миграционного законодательства при опросе сотрудником полиции о фактах выдворения или депортации в период предыдущего нахождения на территории Российской Федерации иностранный гражданин предоставил недостоверные сведения, пояснив, что за пределы Российской Федерации не выдворялся и депортации не подвергался, однако было установлено, что он ранее был подвергнут административному выдворению на основании постановления суда от 10 сентября 2018 г. под установочными данными «<данные изъяты> года рождения» [6].

Из других материалов дела следует, что 18 апреля 2024 г. при подаче заявления в Управление по вопросам миграции (далее – УВМ) Управления МВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре о выдаче патента иностранный гражданин не указал сведения об изменении фамилии. При проверке достоверности предоставленных сведений путем мониторинга базы данных СПО ЦБДУИГ «Мигрант-1», а также архивных сведений миграционного учета данные сведения не подтвердились, так как было обнаружено совпадение под иными установочными данными, что гражданин Республики <данные изъяты> Носирзода Хусрав, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, ранее являлся гражданином Республики <данные изъяты> Я., ДД.ММ.ГГГГ года рождения [7].

Согласно материалам дела, 3 июля 2024 г. сотрудниками отдела миграционного контроля УВМ УМВД по Ростовской области по адресу: Ростовская область, <адрес>, выявлен гражданин Республики Узбекистан С., который при подаче заявления об оформлении патента на работу указал недостоверные сведения, а именно при заполнении пункта «адрес места жительства» в заявлении об оформлении патента в нарушение установленной формы, указал адрес своего места пребывания: г. Ростов-на-Дону, <адрес>, однако фактически проживал по адресу: г. Ростов-на-Дону, <адрес> [8].

По другому делу гражданин Республики Таджикистан М. при определении статуса иммигранта, оформляющего вид на жительство в Российской Федерации, 29 января 2024 г. в 14 ч 00 мин по адресу: <...> в УВМ Главного управления МВД России по Алтайскому краю предоставил недостоверные сведения, а именно в пункте 8 заявления о выдаче вида на жительство указал «сведения о трудовой деятельности» за последние три года, предшествующие подаче заявления, что в период времени с мая 2021 г. по сентябрь 2021 г. не работал.

В ходе мониторинга информационных баз данных МВД России установлено, что гражданин Республики Таджикистан М. ДД.ММ.ГГГГ года рождения с 3 августа 2021 г. по 21 сентября 2021 г. осуществлял трудовую деятельность у ИП «ФИО5». Каких-либо нарушений, связанных с осуществлением ранее трудовой деятельности, не установлено. Вместе с тем гражданин Республики Таджикистан М. привлечен к административной ответственности по указанной выше норме КоАП РФ [9].

Ограниченные полномочия полиции по контролю за въездом иностранных граждан в Российскую Федерацию не позволяют своевременно отследить перемещение последних по ее территории. По этой причине, полагаем, что не граждане обязаны соблюдать сроки по прохождению определенных обязательных процедур (имеется ввиду медицинское освидетельствование, дактилоскопическая регистрация, фотографирование в 30–90-дневные сроки, постановка на миграционный учет и проживание по заявленному адресу), предъявлять по требованию должностных лиц органов внутренних дел документы, удостоверяющие их личность и/или позволяющие определить их правовое положение, в случае отсутствия таковых – выполнять законные требования сотрудников МВД России о проведении процедур идентификации личности.

В этой связи полагаем, что диспозиция ч. 1 ст. 18.11 КоАП РФ должна быть сконструирована следующим образом: «Уклонение иностранного гражданина или лица без гражданства от прохождения обязательных процедур, необходимых для осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, от предъявления должностному лицу органов внутренних дел (полиции) документов, удостоверяющих личность и определяющих правовой статус, а равно сообщение недостоверных сведений о себе при отсутствии указанных документов».

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки: указ Президента Рос. Федерации от 30.12.2024 № 1126: ред. от 28.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахтареева Эдуарда Ильшатовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11.05.2012 № 673-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2023 № 16-79/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2025 № 16-1025/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2024 № П16-4691/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 № 16-564/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2024 года // МВД России: [сайт]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/ (дата обращения: 11.05.2025).
11. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России в 2024 году // МВД России: [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/62188595 (дата обращения: 11.05.2025).
12. Снигищенко Е. Ф., Никифоров Д. Г. О некоторых проблемах привлечения к административной ответственности физических и юридических лиц за нарушение правил иммиграционного контроля // Закон. Право. Государство. 2019. № 4-1(24). С. 179–184.

УДК 34

СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УПРАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

***С. А. Романькова**, доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат юридических наук*

В статье исследуются предупредительные средства управлению транспортными средствами в состоянии опьянения, применяемые в правоприменительной практике зарубежных стран. В частности, применение системы блокировки зажигания IGNITION INTERLOCK DEVICE. С учетом международного опыта предложены рекомендации, которые дополняют и конкретизируют положения в части совершенствования порядка контрольных (надзорных) мероприятий должностных лиц органов государственной власти при осуществлении федерального государственного надзора в области дорожного движения.

Ключевые слова: система блокировки зажигания, дорожно-транспортные происшествия, управление в состоянии опьянения, международный опыт, отечественная правоприменительная практика.

MEANS OF COUNTERING DRIVING UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL: FOREIGN EXPERIENCE

***S. A. Romankova**, associate professor of the of the Department of Crime Detection and Administrative Activities of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Law*

The article examines the preventive means of driving vehicles in a state of intoxication, applied in the law enforcement practice of foreign countries. In particular, the application of the IGNITION INTERLOCK DEVICE ignition INTERLOCK system. Taking into account international

experience, recommendations are proposed that complement and specify the provisions regarding the improvement of the procedure for control (supervisory) measures of government officials in the implementation of federal state supervision in the field of traffic.

Keywords: ignition interlock system, traffic accidents, driving under the influence of alcohol, international experience, domestic law enforcement practice.

Обеспечение безопасности дорожного движения является значимым направлением деятельности органов государственной власти. Значимость указанной функции обусловлена защитной направленностью от дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и тяжести их последствий.

В 2024 г. в сравнении с 2023 г. зафиксировано снижение общего количества ДТП на 0,3 % (132037). Однако уровень смертности и травматизма граждан в результате ДТП продолжают оставаться высокими. Так, в 2024 г. в результате ДТП погибло 14403 человека, ранено – 164754 [2, с. 4]. При этом 9 из 10 ДТП (92,3 %) случились по вине водителей в состоянии опьянения. По данным официальной статистики количество погибших граждан в таких ДТП увеличилось в сравнении с АППГ на 6,8 % (3644) [2, с. 36].

Безусловно, органами государственной власти предпринимаются значительные меры, направленные на противодействие алкоголизации населения, в том числе и случаям управления в состоянии опьянения.

В частности, усложнен допуск транспортных средств к участию в дорожном движении; ужесточены юридическая ответственность и процедура возврата водительского удостоверения после истечения срока лишения. Однако рост ДТП по вине водителей в состоянии опьянения свидетельствует об их недостаточности.

В зарубежных государствах применяют иные меры для противодействия управлению в состоянии опьянения. В частности, IGNITION INTERLOCK DEVICE – устройство блокировки зажигания. Такая правоприменительная практика сложилась в США, Канаде, Швеции, Бельгии и др. В указанных странах в противодействие нарушениям правил дорожного движения (далее – ПДД) судебным решением обязывают установить на определенный срок алкоблокиратор. Принудительная установка водителем алкоблокиратора может рассматриваться как основным так дополнительным наказанием. Например, в странах Европы указанная мера назначается судьей в качестве дополнительного административного наказания, в случаях причинения легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшему. Указанное дополнительное административное наказание исполняется водителем со дня истечения срока лишения права на управление транспортными средствами.

С 2010 г. в США данный вид административного наказания независимо от наступивших последствий применяется за каждый случай управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Срок в течение которого существует обязанность применять алкоблокиратор составляет не менее шести месяцев. Кроме обязанностей принудительной установки и эксплуатации указанного средства, на водителя возлагают за счет собственных средств проходить техническое обслуживание устройства в контрольно-сервисных центрах.

Качество эксплуатации водителем IGNITION INTERLOCK DEVICE анализируется и оценивается должностными лицами полиции на основе информации, представляемой контрольно-сервисными центрами. В банках данных IGNITION INTERLOCK DEVICE возможно сортировать и соотносить события по фамилии водителя, серийному номеру блока управления алкоблокиратора датам и видам нарушений.

Результаты проверок поведения водителя являются снованиями для применения дальнейших мер принудительного воздействия или отказа от их применения. Например, в случаях выявления полицией нарушений со стороны водителя судье направляется ходатайство о продлении срока использования устройства либо о сокращении срока принудительной эксплуатации.

Грубые нарушения эксплуатации системы могут являться основаниями для лишения водительского удостоверения. За первое нарушение требований, предъявляемых к установке и использованию IGNITION INTERLOCK DEVICE, судьей назначается лишение права управления транспортным средством на срок не менее 1 года, последующие – 5 лет.

С учетом изложенного представляется целесообразным заимствовать международный опыт в отечественную правоприменительную практику, в частности, при установлении факта, что лицо, находящееся в состоянии опьянения, считается подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Список источников

1. Алкозамок // ВикипедиЯ. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 12.02.2025).
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 год. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 108 с.
3. Ignition interlock // URL: http://www.modot.mo.gov/safety/ImpairedDriving.htm (дата обращения: 12.02.2025).

УДК 34

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ И СТРАТЕГИЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПОЛИЦИИ ПО ВНЕШНИМ ДЕЛАМ, В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

***Цзинь Цюйбо**, преподаватель отдела базового образования и исследований Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики*

С ростом числа стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь», и постоянным расширением сфер сотрудничества обмены и сотрудничество между странами становятся все более тесными, а темпы региональной и глобальной интеграции ускоряются. В результате транснациональная преступная деятельность также демонстрирует тенденцию к росту числа, видов и разнообразия средств. Чтобы контролировать меняющиеся тенденции, особенно важно и необходимо усилить борьбу с транснациональной преступностью, осуществлять обмены и сотрудничество между полицейскими органами, а также осуществлять взаимодействие между правоохранительными органами. Целью данной статьи является изучение текущего состояния, недостатков и возможных решений в области подготовки полицейских кадров, работающих с иностранными делами, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с целью повышения комплексного потенциала правоохранительных органов и содействия развитию трансграничного полицейского сотрудничества на более глубоком уровне и в более широком масштабе. В статье сравниваются формы обучения, параметры учебных программ и содержание практической подготовки сотрудников полиции по иностранной деятельности в полицейских академиях. Это позволит расширить комплексные возможности правоохранительной деятельности сотрудников полиции, занимающихся иностранными делами, и вывести трансграничное полицейское сотрудничество на более глубокий уровень и в более широком масштабе. В данной статье сравниваются модели обучения, параметры учебных программ и содержание практической подготовки сотрудников полиции, занимающихся иностранными делами в полицейских учебных заведениях, анализируются сильные

и слабые стороны различных моделей обучения и, таким образом, оптимизируется модель обучения, оказывается кадровая поддержка для совместной борьбы с транснациональной преступностью.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», полицейская служба по иностранным делам, подготовка кадров, сотрудничество правоохранительных органов, учебная программа.

A STUDY OF THE CURRENT SITUATION AND STRATEGIES FOR TRAINING POLICE PERSONNEL IN EXTERNAL AFFAIRS, IN THE CONTEXT OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" INITIATIVE

***Jin Qiubo**, Lecturer at the Department of Basic Education and Research Heilongjiang Institute of Professional Officer Training of the People's Republic of China*

With the growing number of countries participating in the Belt and Road Initiative and the constant expansion of cooperation areas, exchanges and cooperation between the countries are becoming closer and closer, and the pace of regional and global integration is accelerating. As a result, transnational criminal activity also tends to increase in the number, types and variety of means. In order to control changing trends, it is especially important and necessary to strengthen the fight against transnational crime, to carry out exchanges and cooperation between police agencies, as well as to carry out interaction between law enforcement agencies. The purpose of this article is to examine the current state, shortcomings and possible solutions in the field of training police personnel working with foreign affairs within the framework of the Belt and Road Initiative in order to enhance the integrated capacity of law enforcement agencies and promote cross-border police cooperation at a deeper level and on a broader scale. The article compares the forms of education, the parameters of curricula and the content of practical training of police officers in foreign activities at police academies. This will expand the comprehensive law enforcement capabilities of police officers involved in foreign affairs and bring cross-border police cooperation to a deeper level and on a broader scale. This article compares training models, curriculum parameters and the content of practical training for police officers involved in foreign affairs in police educational institutions, analyzes the strengths and weaknesses of various training models and, thus, optimizes the training model, provides personnel support for the joint fight against transnational crime.

Keywords: "One belt, one road", police service for foreign affairs, personnel training, law enforcement cooperation, curriculum.

По мере углубления инициативы «Один пояс, один путь» взаимосвязанность стран вдоль этого маршрута постоянно укрепляется, сферы сотрудничества постоянно расширяются, а обмены между странами в политической, экономической, культурной и других областях становятся все более тесными, непрерывно продвигая процесс региональной интеграции в более открытом, инклюзивном, справедливом, сбалансированном и взаимовыгодном направлении. В ходе этого процесса трансграничный поток людей, товаров и информации значительно увеличился, что создало возможности для транснациональной преступной деятельности. Транснациональные преступления также характеризуются резким ростом числа преступлений, разнообразием их видов и скрытостью методов. Они охватывают множество областей, таких как трансграничное мошенничество в сфере телекоммуникаций, контрабанда наркотиков и торговля людьми, что выдвигает новые вызовы для международного сотрудничества правоохранительных органов. Исходя из этого, усиление подготовки сотрудников полиции, работающих с иностранными делами, повышение эффективности борьбы с транснациональной преступностью и углубление международного полицейского сотрудничества стали ключевыми задачами в поддержании национальной безопасности и стабильности регионов «Один пояс, один путь».

В настоящее время полицейские учебные заведения достигли определенных результатов в подготовке кадров, работающих с иностранными делами, однако некоторые недостатки все еще имеются.

Например, однообразность модели обучения, недостатки в разработках учебной программы и отсутствие практического учебного содержания. Поэтому оптимизация модели обучения кадров полиции, работающих с иностранными делами, повышение их всесторонних качеств, а также повышение уровня международного сотрудничества правоохранительных органов имеет большое практическое значение.

В данной статье основное внимание уделяется текущему состоянию подготовки сотрудников полиции, связанной с зарубежной деятельностью на фоне стратегии углубленного продвижения инициативы «Один пояс, один путь». В статье рассматриваются преимущества и недостатки существующей модели обучения, в том числе по режиму обучения, учебной программе и содержанию практической подготовки сотрудников полиции, работающих с иностранными делами. Предлагаются целевые стратегии оптимизации для создания более научной и эффективной системы подготовки полицейских кадров, связанных с зарубежной деятельностью, обеспечения гарантий наличия кадров для борьбы

с транснациональной преступностью и оказания мощной поддержки поддержанию национальной безопасности и региональной стабильности.

«Один пояс, один путь» – аббревиатура от «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». В сентябре и октябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул важные инициативы по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века», которые привлекли большое внимание международного сообщества. 28 марта 2015 г. правительство Китая сформулировало и опубликовало «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В 2023 г. исполняется 10 лет инициативе «Один пояс, один путь». В Пекине состоялся третий Форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь», ознаменовавший новый этап качественного развития этой инициативы. За последнее десятилетие к инициативе присоединились более 150 стран и более 30 международных организаций, которые подписали более 200 документов о сотрудничестве по совместному развитию инициативы «Один пояс, один путь». С 2013 г. по октябрь 2023 г. общий объем импорта и экспорта Китая со странами-участницами превысил 21 трлн долларов США, а его прямые инвестиции в страны-участницы превысили 270 млрд долларов США.1 Видно, что инициатива «Один пояс, один путь» придала новый импульс развитию региональной и мировой экономики, эффективно способствовала здоровому развитию экономики, помогла улучшить глобальную систему управления и сыграла позитивную роль в построении Сообщества единой судьбы человечества.

Однако по мере того, как инициатива «Один пояс, один путь» вступает в новый этап качественного развития, сотрудничество между странами, находящимися вдоль маршрута данной концепции, продолжает укрепляться, а региональная стабильность и безопасность также сталкиваются с новыми вызовами. Таким образом, транснациональная преступность воплотила новые средства и тенденции, которые выдвинули более высокие требования к международному сотрудничеству правоохранительных органов. Поэтому, для того чтобы соответствовать меняющимся условиям правоохранительной деятельности, существует острая необходимость в подготовке высококвалифицированных кадров, работающих с иностранными делами.

(1) Текущая ситуация в сфере подготовки кадров для подразделений полиции, работающих с иностранными делами

В настоящее время в стране действуют восемь полицейских учебных заведений, предлагающих специальности, связанные с деятельностью сотрудников полиции, работающих с иностранными делами. Однако учебная программа и планы подготовки кадров для таких специальностей недостаточно проработаны и нуждаются в оптимизации.

Для того чтобы способствовать качественному развитию инициативы «Один пояс, один путь» и эффективно решать проблемы, возникающиепри подготовке кадров для полиции, работающих с иностранными делами, необходимо разработать план подготовки кадров, который будет соответствовать требованиям времени, оптимизировать модель подготовки кадров и усовершенствовать учебную программу.

Деятельность сотрудников полиции, работающих с иностранными делами, в основном связана с инцидентами и делами, в которых участвуют иностранцы, а деятельность по обеспечению общественной безопасности обычно включает контроль над въездом и выездом, административные правонарушения в сфере общественной безопасности, с иностранным участием и другие соответствующие аспекты международного правоохранительного сотрудничества.

В частности, деятельность полиции в отношении иностранных граждан в основном включает шесть аспектов: во-первых, контроль над въездом и выездом, а также контроль над деятельностью иностранцев; во-вторых, административные правонарушения в сфере общественной безопасности, с иностранным участием; в-третьих, преступления с иностранным участием; в-четвертых, транснациональные преступления; в-пятых, экстерриториальные преступления; и, в-шестых, международное полицейское сотрудничество и международное сотрудничество правоохранительных органов.

В то же время, с точки зрения предметных категорий, специальность «Общественная безопасность» относится к юриспруденции. С точки зрения дисциплин, полицейская деятельность, связанная с иностранными делами, как отрасль первого уровня исследований общественной безопасности, создала сложную систему знаний, в которой исследования общественной безопасности выступают в качестве теоретической основы, право – в качестве институциональной поддержки, а международные отношения – в качестве стратегического расширения. Таким образом, сформирована тройственная междисциплинарная парадигма «правоприменительная практика – международные правила – глобальное управление».

(2) Недостаточная подготовка сотрудников полиции, работающих с иностранными делами.

Благодаря сочетанию программ подготовки кадров и содержания учебного плана по специальности «полицейская деятельность по работе с иностранными делами» в полицейских учебных заведениях Китая, а также практики подготовки кадров в местных университетах и результатов академических исследований, специальность «полицейская деятельность по работе с иностранными делами» внесла важный вклад в поддержание безопасности страны за рубежом и реализацию общей концепции национальной безопасности. Однако все еще существуют такие проблемы, как необходимость совершенствования профессиональной структуры, совершенствования профессионального позиционирования и оптимизации программ обучения.

Действующая система подготовки сотрудников полиции, работающих с иностранными делами, имеет структурные недостатки. Преподавание иностранных языков в действующих полицейских академиях, как правило, основано на английском языке, а систематическая система обучения языкам, которые используют только в одной или нескольких странах, ограниченным количеством людей, еще не создана, что затрудняет адаптацию к многоязычной среде вдоль «Одного пояса, одного пути».

В будущем акцент в работе полиции, связанной с иностранными делами, будет стратегически смещен. Традиционный иммиграционный контроль отойдет на второй план. Расследование и рассмотрение дел, связанных с иностранными делами, а также защита зарубежных интересов будут повышены до уровня основных функций. Однако существующие концепции образования, модели обучения и системы учебных программ для полицейских профессий, связанных с зарубежной деятельностью, еще не претерпели адаптивных изменений, что затрудняет поддержку стратегических потребностей функциональной трансформации.

Поскольку полицейская деятельность в отношении иностранных граждан является новой дисциплиной, ее уровень требует повышения, опыт подготовки кадров также недостаточен. Существуют возможности для совершенствования содержания дисциплины, целей обучения кадров, архитектуры системы обучения, системы ресурсной поддержки и структуры возможностей профессорско-преподавательского состава.

Структура учебников не соответствует потребностям развития дисциплин, основные курсы не поддерживаются учебниками, запланированными на национальном уровне, качество школьных учебников различается, что ограничивает процесс стандартизации обучения. Построение системы учебных программ еще не вышло за рамки традиционных дисциплин, а модульная структура недостаточно связана с международной практикой работы полиции, что затрудняет достижение цели развития универсальных кадров. Большинство нынешних преподавателей воспитаны на традиционных дисциплинах по иностранным языкам, общественной безопасности и права. Доля преподавателей, имеющих практический опыт, относительно невелика, что приводит к разрыву в связи между теорией и практикой. В то же время механизм сотрудничества учебных заведений и управлений пока не отлажен, необходимо повысить эффективность использования отраслевых ресурсов для подготовки кадров.

4. Оптимизация путей развития полицейских кадров, связанных с зарубежной деятельностью

(1) Повышение уровня профессионально стратегического позиционирования

Разъяснить основное позиционирование полиции, связанной с иностранными делами, как стратегической силы поддержки национальной

безопасности; создать междисциплинарное направление развития «Общественная безопасность + международные отношения»; и создать трехмерную модель «возможности правоохранительной деятельности + международное видение + языковые способности».

(2) Разработать многоязычную программу обучения иностранных языков для сотрудников полиции

Поддерживать доминирующее положение английского языка и укреплять структуру профессиональных курсов, таких как юридический английский и полицейский английский. Добавить стратегические языковые модули, такие как языки АСЕАН (вьетнамский, тайский и т. д.) и языки Ближнего Востока (арабский). Разработать многоязычную модель обучения с использованием имитаций полицейской деятельности.

(3) Содействовать системному созданию учебников

Запустить проект по разработке учебников на национальном уровне, создать комитет по редактированию учебников в составе представителей Министерства общественной безопасности, Министерства иностранных дел и университетов, сосредоточиться на разработке учебников по основным курсам, таким как международное полицейское сотрудничество и стратегии реагирования на транснациональную преступность, создать систему показателей оценки качества учебников и внедрить механизм обратной связи по использованию учебников.

(4) Повышение качества преподавательского состава

Осуществить формирование преподавательского состава с «двойной квалификацией», то есть выбрать преподавателей с опытом транснациональных полицейских исследований для формирования академической группы и нанять сотрудников полиции с опытом работы с иностранными делами для участия в практическом преподавании. Реализовать программу обучения «практическому расширению прав и возможностей», то есть организовать преподавателей для работы в департаментах общественной безопасности и департаментах пограничного контроля с целью прохождения обучения. Регулярно проводить международные курсы подготовки сотрудников правоохранительных органов, а также приглашать экспертов по международному сотрудничеству в области полиции для чтения лекций.

(5) Углублять сотрудничество школ и органов, совместное строительство школ и органов

Создать «совместную образовательную базу учебных заведений и органов», организовать базы практического обучения в ключевых пунктах пропусках и приграничных городах. Создать базу данных полицейских дел, использовать реальные случаи в учебных материалах. Привлекать ведущих экспертов для участия в разработке курса и интеграции опыта работы в правоохранительных органах в процесс обучения.

Список источников

1. Сюн Аньбан. О реформе и инновациях в модели обучения полицейских кадров, работающих с иностранцами, в контексте инициативы «Один пояс, один путь» [J] // Журнал полицейского колледжа Хубэй. № 4. 2023.
2. Дуань Яо, Ван Цзин, Лю Цзясин, Лю Чжоянь, Размышления об укреплении и совершенствовании модели обучения полицейских кадров, работающих с иностранцами [J] // Discipline Exploration, выпуск 12, 2021.
3. У Хао, О подготовке полицейских кадров, работающих с иностранцами в колледжах и университетах общественной безопасности. Реформа преподавания английского языка для сотрудников полиции [J] // Guangdong Sericulture, выпуск 1, 2020.
4. Бай Фэн. Исследование инноваций в обучении полицейских кадров, работающих с иностранцами, на фоне глобализации [J] // Журнал полицейского колледжа Ляонина. № 1. 2021.
5. Линь Руомин. Исследование модели обучения полицейских кадров, работающих с иностранцами, ориентированной на международное полицейское сотрудничество[J] // Научно-образовательная литература. № 11. 2023.
6. Чжао Юй. Специальные исследования по международному сотрудничеству в области обеспечения правопорядка и безопасности [M]. Пекин: Издательство Китайского народного университета общественной безопасности, 2019.

“一带一路”背景下涉外警务人才培养的现状与策略探究

黑龙江公安警官职业学院基础教研部

金曲波 王兵瑶

摘要：随着“一带一路”倡议参与国家的不断增加，合作领域的不断拓展，各国之间的交流与合作日益紧密，地区融合、全球一体化的脚步日益加快，随之而来的跨国犯罪活动也呈现出了数量增加，种类增多，手段多样的趋势。为了应对这些趋势的变化，更好地打击跨国犯罪、开展警务交流与合作、开展执法合作就显得尤为迫切与重要。本文旨在探讨“一带一路”背景下涉外警务人才培养的现状，存在的不足以及解决的可行性策略，以此提升涉外警务人才的综合执法能力，促进跨国警务合作朝着更深层次、更广宽度不断推进。本文通过对比警察院校涉外警务人员的培养模式，课程设置以及实训内容，分析不同培养模式的长处与短板，从而优化涉外警务人才培养模式，为联合打击跨国犯罪提供人才支持。

关键字：一带一路 涉外警务 人才培养 执法合作 课程设置

一、引言

随着“一带一路”倡议的深入推进，沿线国家间的互联互通不断加强，合作领域也不断拓展，各国在政治、经济、文化等领域的交往交流日益紧密，不断推进区域一体化进程向着更加开放、包容、普惠、平衡、共赢的方向迈进。在这一进程中，人员、物资、信息的跨境流动显著增加，为跨国犯罪活动提供了可乘之机。跨国犯罪也呈现出数量激增、类型多样、手段隐蔽等特点，涉及跨境电信诈骗、毒品走私、贩卖人口等多个领域，使国际执法合作面临更多挑战。基于此，加强涉外警务人才培养，提升打击跨国犯罪能力，深化国际警务合作，已成为维护“一带一路”沿线国家安全与稳定的关键任务。

当前，警察院校在涉外警务人员的培养方面取得了一定成效，但仍存在一些不足。如培养模式单一、课程设置滞后、实训内容有所欠缺等问题。因此，优化涉外警务人才培养模式，提升涉外警务人才的综合素养、提高国际执法合作水平，具有重要的现实意义。

本文立足于“一带一路”倡议纵深推进的战略背景，聚焦涉外警务人才培养的现状，通过梳理警察院校涉外警务人才的培养模式、课程设置及实战训练内容，探讨现有培养模式的优势与局限，并有针对性地提出优化策略，旨在构建更加科学、高效的涉外警务人才培养体系，为打击跨国犯罪提供人才保障，为维护国家安全和区域稳定提供有力支撑。

二、“一带一路”框架的实践历程

“一带一路”是“丝绸之路经济带”和“21世纪海上丝绸之路”的简称。2013年9月和10月，中国国家主席习近平先后提出建设“丝绸之路经济带”和“21世纪海上丝绸之路”的重大倡议，得到国际社会高度关注。2015年3月28日，中国政府特制定并发布《推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》。2023年，是共建“一带一路”倡议提出十周年，第三届“一带一路”国际合作高峰论坛在京举行，标志着共建“一带一路”进入高质量发展的新阶段。十年来，已有150多个国家、30多个国际组织加入其中，签署200多份共建“一带一路”合作文件。2013年至2023年10月，中国与共建国家进出口总额累计超21万亿美元，对共建国家直接投资累计超2700亿美元。 由此可见，“一带一路”为区域经济和世界经济的发展注入了新的动力，有效推动了经济健康发展，助力完善全球治理体系，为构建人类命运共同体发挥了积极作用。

然而， 随着“一带一路”倡议进入高质量发展的新阶段，沿线国家的合作持续增强，区域稳定与安全也面临更多的挑战，跨国犯罪因此呈现出新的手段和态势，为国际执法合作提出了更高要求，所以，亟需培养高素质的涉外警务人才以应对变或的执法环境。

三、涉外警务人才培养的现状分析

（一）涉外警务人才培养的现状

目前全国有八所警察院校开设涉外警务专业，专门培养涉外警务人才，但涉外警务专业的课程设置和人才培养计划还不够成熟，有待优化。为服务“一带一路”倡议的高质量发展，有效应对涉外警务人才培养面临的挑战，需要制定与时俱进的人才培养计划、优化涉外警务人才的培养模式、完善涉外警务专业的课程设置。

涉外警务主要应对的是与外国人有关的事件与案件，在公安业务里通常包括出入境管理、涉外治安行政案件及其他相关的国际警务执法合作。具体说来，涉外警务主要包括六个方面的内容：第一，出入境管理和外国人管理；第二，涉外治安行政案件；第三，涉外犯罪；第四，跨国犯罪；第五，域外犯罪；第六，国际警务执法合作等。针对涉外警务业务的具体内容，各学校都开设了相关的课程。

同时，从学科门类来看，公安学专业归属于法学；从学科的角度来看，涉外警务作为公安学的一级分支学科，构建了以公安学为理论根基、法学为制度支撑、国际关系学为战略延伸的复合型知识体系，形成了“执法实务-国际规则-全球治理”三位一体的学科交叉范式。

（二）涉外警务人才培养存在的不足

通过梳理我国警察院校涉外警务专业的人才培养方案与课程设置内容，结合地方高校人才培养实践及学界研究成果，涉外警务专业在维护国家涉外安全、服务总体国家安全观作出了重要贡献，但是仍存在专业建设有待提高、专业定位有待完善，培养方案有待优化的问题。

当前涉外警务人才培养体系存在结构性短板：现有警察院校的外语教学普遍以英语为主，尚未构建小语种的系统性培养体系，难以适应”一带一路”沿线多语言环境。未来涉外警务工作重心将发生战略性转移：传统出入境管理将退居次要地位，涉外案件侦办、海外利益保护等将上升为核心职能，但当前涉外警务专业教育理念、培养模式及课程体系尚未完成适应性变革，难以支撑职能转型的战略需求。

涉外警务专业作为新兴学科，学科成熟度有待提升，人才培养经验积累不足。在学科内涵建设、人才培养目标定位、培养体系架构、资源支撑体系及师资能力结构等方面存在提升空间。教材建设与学科发展需求不同步，核心课程缺乏国家级规划教材支撑，校本教材质量参差不齐，制约了教学标准化进程。课程体系构建尚未突破传统学科边界，模块化设置与国际警务实务的衔接度不足，难以支撑复合型人才培养目标。师资队伍建设有待加强，兼具国际执法经验与跨学科知识背景的复合型师资相对紧缺。现有教师多从传统外语、治安、法律学科转型而来，具有实战经验的师资比例偏低，导致理论与实践衔接存在断层。同时，校局合作机制尚未健全，行业资源在人才培养中的转化效能有待提升。

四、优化涉外警务人才培养的有效路径

（一）提升专业战略定位

明确涉外警务作为国家安全战略支撑力量的核心定位；确立”公安学+国际关系学”交叉学科发展方向；打造”执法能力+国际视野+语言能力”的三维能力模型。

（二）制定多语种警务外语培养计划

保持英语主导地位，强化法律英语、警务英语等专业课程建设；增设东盟国家语言（越南语、泰语等）、中东语言（阿拉伯语）等战略语种模块；开发多语种警务情景模拟教学模式。

（三）推进教材建设系统工程

启动国家级规划教材建设工程，组建由公安部、外交部、高校组成的教材编委会，重点开发国际警务合作及跨国犯罪应对对策等核心课程教材，建立教材质量评估指标体系，实施教材使用反馈机制。

（四）提升师资队伍建设

实施“双师型”师资队伍建设，即遴选具有跨国警务研究背景的教师组建学术团队，聘请具有海外工作经历的公安干警参与实践教学；开展“实战赋能”培养计划，即组织教师赴公安业务部门、边境管理部门挂职锻炼；定期举办国际警务执法培训班，邀请国际警务合作专家授课。

（五）深化校局合作与校局共建

建立“校局联合育人基地”，在重点口岸、边境城市设立实践教学基地；建立警务案例库，将实战案例转化为教学素材；聘请一线专家参与课程设计，将执法经验融入教学环节。

参考文献：
[1] 熊安邦，论“一带一路”背景下涉外警务人才培养模式的改革与创新[J]，湖北警官学院学报，2023年第4期.
[2] 段瑶，王婧，刘家行，刘卓妍，加强和改进涉外警务人才培养模式的思考[J]，学科探索，2021年第12期.
[3] 吴昊，浅谈公安院校涉外警务人才的培养——警务英语教学改革[J],广东蚕业，2020年第1期.
[4] 柏枫，全球化背景下涉外警务人才培养创新研究[J]. 辽宁警察学院学报，2021年第1期.
[5] 林若铭，以国际警务合作为导向的涉外警务人才培养模式研究[J].科教文汇，2023年第11期.
[6] 赵宇，国际执法安全合作专题研究[M].北京，中国人民公安大学出版社 2019.

УДК 342.9

ОТДЕЛЬНЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ И ИХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 19.3 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

М. Ю. Шаршавова, *преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова;*

Л. С. Коваленко, *слушатель Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова*

В статье рассматриваются отдельные вопросы применения статьи 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к несовершеннолетним лицам и их законным представителям в ходе уклонения несовершеннолетних от прохождения обязательной медицинской комиссии, предусмотренной статьей 92 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью 2 статьи 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основании приведенного анализа автором сформулированы предложения, направленные на повышение выполнения несовершеннолетними лицами обязанностей, возлагающихся на них в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: квалификация административных правонарушений, неповиновение сотруднику полиции, административная ответственность, несовершеннолетние лица.

CERTAIN CONTROVERSIAL ISSUES ARISING IN THE PROCESS OF BRINGING MINORS AND THEIR LEGAL REPRESENTATIVES TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY UNDER ARTICLE19.3 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***M. Y. Sharshavova**, lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative and Service Activities of the Law Enforcement Agencies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov;*

***L. S. Kovalenko**, cadet of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov*

The article considers separate issues of the application of Article 19.3 of the Administrative Code of the Russian Federation to minors and their legal representatives, in the course of evading minors from passing the mandatory medical examination provided for in Article 92 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 2 of Article 432 of the Criminal Procedure Code. Based on the above analysis, the author has formulated proposals aimed at improving the fulfillment by minors of the duties assigned to them in the framework of criminal proceedings.

Keywords: qualification of administrative offenses, disobedience to a police officer, administrative responsibility, minors.

Установленный порядок исполнения органами государственной власти своих полномочий в различных сферах общественной жизни обеспечивает нормальное функционирование государственных институтов. Посягательства на данный порядок ослабляют авторитет власти и приводят к нарушению прав и интересов граждан. Для поддержания установленного государством порядка управления законодателем были предусмотрены различные административно-правовые средства его защиты от противоправных посягательств.

Одним из таких средств является закрепление в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) составов административных правонарушений, объектом посягательств которых является установленный порядок управления [2].

Так, ст. 19.3 КоАП РФ установлена административная ответственность за действия лица, заключающиеся в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции [2]. Данный состав в полной мере может быть охарактеризован тем признаком административного правонарушения, на необходимость

которого указывал Л. Л. Попов – общественной опасностью, раскрывающейся в значительной степени правового нигилизма правонарушителя, объективно подрывающего основы государственного управления своими действиями [11].

Объектом данного правонарушения является порядок управления в сфере деятельности сотрудников полиции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а также выполнению ими иных служебных обязанностей, предусмотренных как Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», так и рядом ведомственных нормативных правовых актов [6].

Объективная сторона рассматриваемого правонарушения против порядка управления характеризуется тем, что неповиновение может совершаться как в форме бездействия (невыполнение законного распоряжения или требования сотрудника полиции), так и в форме активных действий (воспрепятствование исполнения служебных обязанностей) [10].

Основными действиями гражданина, выражающими его отказ от выполнения законных требований сотрудника полиции, являются «игнорирование просьб и замечаний полицейского; прямой отказ выполнить его законное распоряжение; создание каких-либо условий, мешающих полицейскому исполнять свои должностные обязанности; использование оскорблений или применение физической силы в отношении сотрудника правоохранительных органов» [12].

Субъектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которому адресовано распоряжение сотрудника полиции о выполнении конкретных действий или, напротив, требование отказаться от каких-либо действий, которые могут создать угрозу общественному порядку и общественной безопасности. Субъективная сторона рассматриваемого административного правонарушения характеризуется умышленной формой вины [2].

За отчетный период 2024 г. судами было рассмотрено 91999 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.3 КоАП РФ [9].

Однако, анализируя практику применения данной статьи, мы можем прийти к выводу, что она сложилась, без учета всех возможных форм выражения неповиновения законному распоряжению сотрудника полиции.

Необходимо отметить, что проблема и способы ее разрешения, рассмотренные нами ниже, были выявлены и разработаны в ходе прохождения производственной, в том числе преддипломной практики.

В соответствии с п. 9 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3 «О полиции» и п. 2.16. Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15.10.2013 № 845, на инспектора подразделения по делам несовершеннолетних возложена обязанность по исполнению,

в пределах своих полномочий, поручения следователя о производстве отдельных следственных действий, иных процессуальных действий в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [6, 7].

Уголовное судопроизводство, которое ведется в отношении несовершеннолетних, характеризуется тем, что дела рассматриваются в несколько ином порядке, отличающемся от того, что применяется к лицам старше 18 лет.

Глава 14 Уголовного кодекса РФ и 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержат нормы-гарантии защиты прав несовершеннолетних, которые в силу возраста обладают определенной незрелостью психофизиологического развития [4, 3].

Помимо вышесказанного, процедура расследования и правосудия в отношении лиц, не достигших 18 лет, носит не репрессивный характер, а индивидуальный подход в ходе производства и назначения наказания. Несовершеннолетний рассматривается как субъект реабилитации, в целях предотвращения рецидива преступного поведения [8].

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 432 УПК РФ [4], суд может освободить несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести или тяжкое, от наказания, и в соответствии со ст. 92 УК РФ [3], направить его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого. Таким образом, помещение несовершеннолетнего лица в данное учреждение может быть признано достаточным для достижения всех целей уголовного наказания, в частности восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения преступлений. Исключением возможности освобождения от наказания, послужит совершение преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ [3].

Данная норма была введена в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в определенных условиях воспитания, обучения и педагогического подхода. Помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (СУВУЗТ) применяется как принудительная мера воспитательного характера до достижения лицом 18 лет, но не более, чем на 3-летний срок.

Препятствием для нахождения в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа может выступать лишь наличие у несовершеннолетнего ряда заболеваний, которые устанавливаются в ходе проведения медицинского освидетельствования.

Данное обстоятельство, в соответствии с ч. 3 ст. 421 УПК РФ подлежит установлению следователем или дознавателем, что подтверждает расширенный предмет доказывания в ходе производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [4].

Следователь или дознаватель в ходе расследования преступления обязан вынести постановление о назначении медицинского освидетельствования

несовершеннолетнего, заключение о результатах медицинского освидетельствования, которое в последующем предоставляется вместе с материалами уголовного дела в суд.

Как правило, исходя из сложившейся практики следователь выносит поручение об обеспечении исполнения постановления о назначении медицинского освидетельствования несовершеннолетнего инспектору подразделений по делам несовершеннолетних, на которого, вследствие поручения, возлагается обязанность по контролю прохождения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) медицинского обследования.

Однако при выполнении данного поручения возникают проблемы с привлечения несовершеннолетних к прохождению медицинского освидетельствования. Несовершеннолетний по причине отсутствия желания и мнимой, не подтвержденной никакими документами занятости не является для прохождения обследования.

В данном случае, помимо личной позиции несовершеннолетнего не настроенного на сотрудничество с органами внутренних дел, мы можем говорить о влиянии законных представителей, которые также препятствуют прохождению медицинского обследования, ощущая при это безнаказанность своих действий, что может свидетельствовать о намеренном воспрепятствовании нормальному производству по уголовному делу, затягиванию сроков, расходованию сил и средств.

Обращение к практическим примерам подтверждает указанную проблему.

Так, постановлением о назначении медицинского освидетельствования несовершеннолетнего, вынесенного следователем ОМВД России по г. Уссурийску 5 августа 2024 г. несовершеннолетнему ФИО было назначено прохождение медицинского освидетельствования на предмет наличия противопоказаний медицинского характера для направления его в специализированное воспитательное учреждение закрытого типа.

Вместе тем, по причине неявки несовершеннолетнего для прохождения освидетельствования, отказе его законного представителя сотрудничать с органами внутренних дел и запрете законным представителем прохождения освидетельствования несовершеннолетним, ФИО медицинское освидетельствование было пройдено только 30 декабря 2024 г., что свидетельствует о намеренном затягивании сроков производства по уголовному делу и неисполнении законного распоряжения инспектора подразделения по делам несовершеннолетних.

В данной ситуации, при наличии достаточных оснований, только следователь или дознаватель может применить меры уголовно-процессуального принуждения, в соответствии с гл. 14 УПК РФ [4]. Поэтому в качестве решения сложившейся проблемы, мы можем вести речь о привлечении несовершеннолетнего лица

к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.3 КоАП РФ [2], диспозиция которой заключается в неповиновении законному распоряжению или требованию сотрудника органов внутренних дел. Инспектор по делам несовершеннолетних, являясь в соответствии с Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» таковым, на основании письменного поручения следователя или дознавателя, вправе законно требовать от несовершеннолетнего и его законного представителя прохождения медицинской комиссии [5]. Уклонение от выполнения данного требования свидетельствует о наличии в действиях лица признаков состава административного правонарушения.

Данная мера будет носить мотивировочный характер для последующих действий в рамках производства по уголовному делу для несовершеннолетнего и его законного представителя.

Кроме того, по нашему мнению, данный факт, а именно вопрос сотрудничества с органами внутренних дел на момент расследования уголовного дела, должен учитываться судом при назначении наказания несовершеннолетнему.

Подводя итог, можно сделать вывод, что вышеуказанная проблема является актуальной в настоящее время и требует законодательного вмешательства в части закрепления обязанности несовершеннолетнего лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, по прохождению медицинского обследования для решения вопроса о возможности помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобрен. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России в 2024 году // МВД России: [сайт]. URL: https://xn – b1aew.xn – p1ai/document/62188595 (дата обращения: 11.05.2025).
9. Судебная статистика РФ. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/79 (дата обращения: 11.05.2025).
10. Гутиева И. Г. Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции: вопросы правовой квалификации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 327.
11. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Л. Л Попов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 226.
12. Сенчило Д. М. Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 10 (28). С. 76.

УДК: 159.9

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***З. В. Якимова**, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье дифференцируются понятия «результативность» и «эффективность» относительно профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел; анализируется суть социально-психологического климата как фактора, влияющего на деятельность сотрудников; выявлены причины снижения психологической эффективности и результативности в долгосрочной перспективе, предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: результативность, эффективность, психологическая эффективность, социально-психологический климат, сотрудник полиции.

THE IMPACT OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE ON THE EFFECTIVENESS AND EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

***Z. V. Yakimova**, associate professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after I. F. Shilov, kandidat nauk, degree in Psychology*

The article differentiates the concepts of «effectiveness» and «efficiency» in relation to the professional activities of law enforcement officers; analyzes the essence of the socio-psychological climate as a factor affecting the activities of employees; identifies the causes of a decrease in psychological effectiveness and effectiveness in the long term, suggests ways to solve the identified problems.

Keywords: effectiveness, efficiency, psychological effectiveness, socio-psychological climate; police officer

Основная задача руководителя любого из структурных подразделений органов внутренних дел (далее –ОВД) – это выполнение целевых показателей. Безусловно, у каждого структурного подразделения будут свои специфические показатели, но всех их объединяет «оцифровка» в количественном и временном формате. Иначе говоря, каждый руководитель понимает, что за определенный период времени (отчетный период) ему лично и вверенному в его управление служебному коллективу необходимо выполнить ряд задач, имеющих конкретные количественные и качественные показатели. При этом все поставленные задачи должны быть реализованы с максимальными показателями эффективности и результативности.

Стоит особо отметить, что вышестоящее руководство ориентировано, прежде всего, на результативность, потому что она очевидна и измерима объективными количественными показателями. Руководители же структурных подразделений видят ситуацию «изнутри» и понимают, что помимо результативности есть ещё и эффективность, которую, в отличие от производственных систем, в системе ОВД практически невозможно «оцифровать». Так если, например, в производстве на изготовление единицы какого-либо продукта затрачено определенное количество материала, времени, электроэнергии или другого измеримого материального ресурса, то это все можно рассчитать и повысить эффективность оптимизировав издержки и снизив количество потребляемых ресурсов.

В системе ОВД затраченные ресурсы часто имеют единственный «оцифрованный показатель» – это время, точнее сказать срок, к которому должна быть выполнена поставленная задача. Все остальные ресурсы, как правило, не имеют материального носителя – это, например, трудовая мотивация, уровень профессионализма, энтузиазм, психоэмоциональный настрой, интеллектуальные способности, удовлетворенность трудом и прочие аспекты психической жизни сотрудника, которые не поддаются «оцифровки». Кроме этого, на эффективность каждого отдельно взятого сотрудника оказывает влияние и личность руководителя, и служебный коллектив в целом.

Как известно, основой для оценки успешности в деятельности правоохранительных органов является статистическая отчетность, организованная через фиксацию целевых показателей и достигнутых результатов в динамике за определенный период времени. Стоит напомнить, что любая цель, в том числе и целевой показатель – это образ желаемого результата. При этом вся деятельность руководителя ориентирована, прежде всего, на достижение заданного результата, т. е. на достижение целевых показателей с максимальной

эффективностью. Однако понятия «результативность» и «эффективность» хотя и близки по смыслу, но все же содержат существенное смысловое отличие и требуют дополнительного разъяснения.

Результативность определяет то, насколько достигнута цель (например, на 30, 75 или на все 100 %) по сравнению с заданными целевыми показателями к определенному времени (по итогам заданного отчетного периода). Важно отметить, что при очень высокой результативности целевые показатели могут быть превышены по отношению к заданной цели.

Спецификой целевых показателей в органах внутренних дел является аналогичный период прошлого года (АППГ). В качестве такого периода может выступать любой отчетный период: месяц, квартал, полугодие, год и т. д. Показатели текущего периода сравниваются с показателями аналогичного периода прошлого года. В результате за счет сравнения высчитываются процентные соотношения, в том числе: динамика, рост либо снижение показателей. Любое значительное отклонение от показателей аналогичного периода прошлого года чревато негативными последствиями, в том числе различными проверками, если вдруг тот или иной показатель оказался значительно ниже. Однако и значительное увеличение любого из показателей приводит к негативному для психики сотрудников «побочному эффекту». Суть этого эффекта заключается в том, что если в этом году показатель перевыполнен по сравнению с прошлым годом, то в следующем году показатель должен быть не ниже, чем перевыполненный показатель в этом году. Осознание этого факта заставляет и руководителей, и сотрудников постоянно находится в напряженном состоянии: даже если сотрудники работают очень хорошо и выполняют все показатели в этом году, то в следующем году им предстоит работать «ещё лучше» и «ещё больше». И не важно, о чем по сути дела идет речь: о раскрытых уголовных делах, проведенных профилактических мероприятиях, составленных протоколах, либо об опубликованных научных статьях, главное, чтобы показатель текущего отчетного периода был не ниже, а чуть-чуть выше показателя аналогичного периода прошлого года.

«Идеальная» формула АППГ+1 является «наследием» советской плановой экономики, для которой количественные показатели были гораздо важнее качественных. В повседневной деятельности полицейских система АППГ+1 носит неформальное название «палочной» (черточки за законченные дела в бланках текущей отчетности). [1, с. 130]. Эти неписанные правила характерны для всех правоохранительных органов. Все руководители и сотрудники о них прекрасно знают, хотя по факту эти «требования» нигде четко не зафиксированы. Безусловно, изначальная задумка такой системы оценки была ориентирована на возможность объективного измерения результатов на разных уровнях, начиная с уровня отдельного сотрудника, далее на уровне отдела, отделения и т. д., с целью выявления статистически аргументированной основы для наказания или

поощрения сотрудников по итогам отчетного периода. Но несмотря на всю объективность, существенным изъяном «палочной» системы является погоня за показателями, а не ориентация на реальную работу, в результате чего реальные содержательные цели очень часто подменяются формальными.

Также стоит отметить, что ситуация в любом из направлений деятельности сотрудников органов внутренних дел очень динамична, обстоятельства постоянно меняются, и целевые показатели на начало года, рассчитанные, например на 7 штатных единиц к концу отчетного периода все равно должны быть выполнены, даже если по факту, в подразделении осталось всего 5 штатных единиц. Безусловно, пересмотр и корректировка целевых показателей в связи с изменением численности, или учетом каких-либо других факторов (например, пандемия) возможны, но это достаточно сложная в плане реализации процедура, требующая отдельного рассмотрения и множественных согласований. Именно поэтому, зачастую, руководители структурных подразделений стремятся выполнить заданные целевые показатели исходя из имеющихся, чаще всего дефицитарных, ресурсов. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения ещё одного понятия, такого как «эффективность».

Эффективность определяет соотношение достигнутого результата и затраченных ресурсов. Так, например, в случае, когда 5 штатных единиц выполняют работу и все целевые показатели за 7 штатных единиц можно сказать, что результативность будет высокая, а вот эффективность низкая, так как сотрудникам на выполнение поставленных задач приходится тратить значительно больше времени, в том числе, личного времени, предназначенного для отдыха и восстановления сил. При этом от многозадачности и необходимости выполнения неспецифических задач при дефиците времени страдает качество работы. Чрезмерное нервно-психическое перенапряжение, физическое переутомление без возможности полноценного восстановления и соразмерной компенсации приводит к тому, что вся работа выполняется оставшимися сотрудниками и за себя, и за отсутствующих в авральном режиме. В результате дисбаланс в системе трудозатрат и вознаграждения за приложенные усилия при повышенным требованиям к выполнению все новых и новых задач, достижению все больших результатов по сравнению с аналогичными показателями прошлого года, неизбежно приводит к снижению трудовой мотивации, эмоциональному и профессиональному выгоранию и значительному «охлаждению профессионального рвения». Итог такого дисбаланса будет всегда негативный, прежде всего, для организации, так как наступление «точки невозврата» означает, что сотрудники эмоционально настолько выгорели, что им становится уже абсолютно все равно и на целевые показатели, и на судьбу организации в целом. На уровне психики срабатывает «охранное торможение», и сотрудники либо начинают чаще и длительнее болеть (уходить на больничный по любому поводу), либо в серьез задумываются о своем дальнейшем профессиональном будущем.

В итоге, условно говоря, из 5 оставшихся штатных единиц реально работающих с полной отдачей сотрудников на самом деле остается 1–2 человека, которые еще не успели выгореть. Остальные, вроде бы и числятся, но реальных результатов от них нет, они либо уже эмоционально выгорели, либо профессионально деформировались, а зачастую одновременно и выгорели, и деформировались. И если в такое структурное подразделение приходят новые, ещё полные энтузиазма сотрудники, и попадают под влияние таких выгоревших коллег, то очень быстро негативный психоэмоциональный фон захватывает и вновь прибывших. Таки образом, даже в случае вливания новых сил в дисбалансное структурное подразделение эффективность все равно останется низкой, так как новичкам нужно адаптироваться, выйти на уровень самостоятельной безошибочной работы и не «заразиться» общим негативным настроем, царящим в коллективе.

К сожалению, такая ситуация, связанная с текучестью и некомплектом кадров достаточно распространена в органах внутренних дел в последние несколько лет. Соответственно, структурное подразделение, не имеющее достаточное количество высококвалифицированных кадровых ресурсов способно результативно выполнять поставленные целевые показатели в краткосрочной перспективе, однако эффективность будет с каждым разом все ниже и ниже, что в итоге приведет к закономерному снижению и результативности, но уже в долгосрочной перспективе.

Таким образом, приходим к пониманию, что результативность определяет то, насколько достигнута цель по сравнению с заданными целевыми показателями за отчетный период, а эффективность определяет соотношение достигнутого результата и затраченных ресурсов. При этом следует пояснить, что под психологической эффективностью понимается достижение максимального результата личностью при приложении минимальных морально-волевых усилий и затрат ресурсов, в том числе, затрат психической энергии и времени.

Психологическая эффективность личности – это не только её индивидуальная способность быстро и правильно (без ошибок) достигать значимых и существенных результатов, но и знание, и умение как это сделать. Личная психологическая эффективность является показателем того, насколько успешно и полноценно человек использует свой потенциал, насколько он удовлетворен процессом и результатом своей работы, насколько замотивирован на качественный и эффективный труд.

Для любого руководителя, не менее важным показателем эффективности будет являться совокупный показатель эффективности служебного коллектива в целом. Однако, психология эффективности коллектива не подчиняется линейным математическим закономерностям, где совокупная эффективность равнялась бы сумме личной эффективности каждого из членов социальной группы (коллектива). На личную эффективность в значительной степени будут влиять

групповые социально-психологические феномены, реализуемые в служебном коллективе, которые интегрируют индивидуальные действия конкретного человека с группой в результате общения и совместной деятельности. К числу наиболее широко известных групповых социально-психологических феноменов можно отнести социально-психологический климат коллектива.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. понятие «психологический климат» впервые было применено в отечественной научной литературе Н. С. Мансуровым к производственным коллективам. Далее уже более подробно содержание этого понятия раскрыл в своих трудах В. М. Шепель, рассматривавший психологический климат – как эмоциональную окраску психологических связей членов коллектива, возникающую на основе их близости, симпатии, совпадения характеров, интересов, склонностей.

Г. А. Моченова и М. Н. Ночевника рассматривали уже именно социально-психологический климат коллектива, под которым стали понимать эмоционально-психологический настрой, который складывается в коллективе в процессе работы; этот эмоционально-психологический настрой появляется в результате того, что при непосредственных личных контактах работников все связи между ними приобретают эмоционально-психологическую окраску, определяемую ценностными ориентациями, моральными нормами и интересами членов коллектива. В отечественной психологии близким по смыслу оказывается так же понятие «морально-психологический климат», в котором акцент делается на морально-нравственную сторону взаимоотношений [2, с. 164].

Анализ отечественной литературы, проведенный Л. Г. Почебут и В. А. Чикер [3] свидетельствует, что в настоящее время не существует единого подхода к определению сущности социально-психологического климата коллектива и можно выделить как минимум четыре различных подхода к трактовке данного феномена. Во-первых, социально-психологический климат рассматривается как общественно-психологический феномен, как состояние коллективного сознания. Климат понимается как отражение в сознании людей комплекса явлений, связанных с их взаимоотношениями, условиями труда, методами его стимулирования (Л. П. Буева, Е. С. Кузьмин, Н. Н. Обозов, К. К. Платонов, А. К. Уледов). Во-вторых, социально-психологический климат рассматривается как настроение группы людей и является общим эмоциональным настроем коллектива (А. Н. Лутошкин, А. А. Русалинова). В-третьих, социально-психологический климат анализируется через стиль взаимоотношений людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом; складывается система межличностных отношений, определяющих социальное и психологическое самочувствие каждого члена группы (Б. Д. Парыгин, В. А. Покровский, В. М. Шепель). В-четвертых, социально-психологический климат коллектива определяется в терминах социальной и психологической совместимости (Л. Н. Коган, В. В. Косолапов, А. Н. Щербань)

в терминах социальной и психологической совместимости членов группы, их морально-психологического единства, сплоченности, наличия общих мнений, обычаев и традиций.

Так как социально-психологический климат – это групповой феномен, то его действие распространяется на всех членов коллектива. При этом один и тот же человек, в зависимости от коллектива может проявлять себя совершенно по-разному. В одном случае, при благоприятном социально-психологическом климате, сотрудник чувствует поддержку коллег и руководства; понимает и принимает свою личную ответственность за вклад в общее дело, в достижение целевых показателей структурного подразделения; проявляет инициативу и трудовой энтузиазм, лояльность к управленческим решениям и приверженность к организации. В другом случае, при не благоприятном социально-психологическом климате, тот же самый сотрудник будет проявлять социальную леность; внешний конформизм с внутренним саботажем; стремится минимизировать любые личные трудозатраты, если они ориентированы на достижение коллективных целей, а не личных интересов; проявлять пассивность, не желание брать на себя никакую ответственность и вообще как-либо вкладываться в общее дело. Проведенное исследование позволило сформулировать уточненное определение социально-психологического климата, под которым, понимается эмоционально-психологический настрой коллектива на совместную трудовую деятельность, в том числе эмоциональная окраска межличностных отношений в коллективе (на горизонтальном уровне «коллега-коллега» и вертикальном уровне «руководитель-подчиненный») в основе которых лежит степень удовлетворенности личного состава трудом в данном коллективе и в данной организации в зависимости от меры осознанности целей и задач группы, гарантий соблюдения социальных прав и социальной справедливости [5].

Таким образом, успех профессиональной деятельности руководителя и вверенного ему служебного коллектива оценивается по средствам результативности и эффективности. При этом результативность определяет то, насколько достигнута цель по сравнению с заданными целевыми показателями за отчетный период, а эффективность определяет соотношение достигнутого результата и затраченных ресурсов. Основная проблема в оценки деятельности сотрудников ОВД заключается в том, что результативность определяется в соотношении с АППГ, что приводит к формализму и смещению акцента с качества на количество. Кроме того, в отличие от производственных систем, в системе ОВД эффективность практически невозможно «оцифровать», а совокупный показатель эффективности служебного коллектива не может быть высчитан по правилам математики.

Социально-психологический климат как интегральный групповой социально-психологический феномен будет позитивно влиять на психологическую

эффективность и результативность труда, если цели и ценности отдельного сотрудника будут максимально совпадать с целями и ценностями служебного коллектива и организации в целом, а при распределении задач между сотрудниками и вознаграждении за труд будет соблюдаться принцип социальной справедливости.

Список источников

1. Бердышева Е. С. «Палка о двух концах»: система оценивания эффективности деятельности правоохранительных органов АППГ+1 в восприятии сотрудников // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. С. 127–142.
2. Жовтоножко В. В. Исторический анализ термина «социально-психологический климат» в отечественной науке // Власть. 2016. Т. 24, № 3. С. 163–167.
3. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 246 с.
4. Стратилат К. Н., Семечкин Н. И. Кросскультурные исследования социальной лености // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1 (17). С. 122–127.
5. Якимова З. В. Критерии диагностики социально-психологического климата служебного коллектива сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4. С. 118–125.

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. А. Ямалитдинов, *старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России*

В статье рассматриваются причины совершения правонарушений несовершеннолетними лицами и проблемы, возникающие при осуществлении профилактических мероприятий сотрудниками органов внутренних дел. Анализируются направления профилактической работы органов внутренних дел с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетний, правонарушение, предупреждение, ответственность, подросток, профилактика.

SOME ISSUES OF JUVENILE DELINQUENCY PREVENTION

A. A. Yamalitdinov*, senior lecturer at the Department of Professional Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

The article examines the reasons for the commission of offenses by minors and the problems that arise when carrying out preventive measures by law enforcement officers. The reasons for the commission of offenses by minors are given and the directions of preventive work of the internal affairs bodies to eliminate them are proposed.

Keywords: minors, offense, prevention, responsibility, teenager, prevention.

Проблема профилактики правонарушений несовершеннолетних актуальная и социально значимая задача в современном обществе. Для эффективной профилактики необходим комплексный подход, объединяющий усилия семьи, школы, социальных служб и органов внутренних дел (далее – ОВД). Профилактика правонарушений – это инвестиции в будущее безопасное общество.

Организация работы по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних осуществляется в соответствии с действующим международным законодательством, законами Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации и ведомственными нормативными актами. Это Конституция Российской Федерации [1]; Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., принятая Генеральной Ассам-

блеей ООН [2]; Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г., провозглашенная резолюцией 1386 Генеральной Ассамблеей ООН [3]; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [4]; Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации [5]; Уголовный кодекс Российской Федерации [6]; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7]; Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [8]; Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [9]; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [10]; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» [11]; приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [12].

Причин совершения правонарушений подростками достаточно много, среди основных можно выделить: 1) недостаточная правовая грамотность – это и незнание законов, и отсутствие понимания ответственности за свои действия; 2) социальное неблагополучие – бедность и неблагополучная обстановка в семье; 3) недостаток позитивных возможностей – отсутствие доступа к спортивным секциям, кружкам по интересам, что лишает подростков возможностей развития; 4) психологические проблемы – низкая самооценка, одиночество, импульсивность.

Раскроем более подробнее данные причины. В наше время мировоззрение человека формируют социальные сети, и вроде все всё должны знать. Однако есть и проблемы в виде правовой неграмотности, в первую очередь молодежи. К причинам этого явления можно отнести недостаточное правовое обучение в школе, непонимание юридического языка несовершеннолетними, недостаток правовой грамотности у родителей, искажение представлений о законе и правовых нормах в социальных сетях, формальный характер профилактической работы правоохранительных органов.

Социальное неблагополучие проявляется в таких формах как семейное неблагополучие – неполные семьи, где присутствуют алкоголизм, наркомания, насилие, отсутствие должного внимания к ребенку. Экономическое неблагополучие – безработица родителей, низкий уровень дохода семьи. Жилищное неблагополучие – проживание в антисанитарных условиях, перенаселенность, отсутствие собственного жилья. Образовательное неблагополучие – пропуски занятий в школе, низкая успеваемость, отсутствие интереса к учебе, буллинг в школе. Социальное неблагополучие оказывает большое влияние на формирование личности подроста, его поведение и увеличивает вероятность совершения правонарушений.

Под позитивными возможностями понимается широкий спектр ресурсов, влияющих на развитие способностей подростка, укрепляющих социальные связи. Сюда можно отнести возможность занятий любимым видом спорта, в кружках по интересам, получение качественного образования. Не имея возможности реализовать себя в позитивных сферах, несовершеннолетние чувствуют потерянность, бессмысленность, что приводит к депрессии, апатии, подпаданию под влияние криминальных групп. Отсутствие бесплатных спортивных секций и кружков сказывается на невозможности посещать их подростками из малообеспеченных семей. Недостаток позитивных возможностей – это серьезная проблема, которая способствует росту правонарушений несовершеннолетних. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего усилия государства, общества и семьи.

Психологические проблемы возникают прежде всего в подростковом возрасте, когда происходят физиологические, психологические и социальные изменения. В это время формируется личность, происходит поиск самого себя и места в обществе. Девиантное поведение является чаще всего следствием неблагополучного психологического состояния подростка. Основными психологическими проблемами, влияющими на девиантное поведение несовершеннолетних, являются: 1) синдром дефицита внимания и гиперактивности, приводящие к импульсивности, агрессивности, необдуманным поступкам, нарушению законов; 2) травматический опыт – пережитое физическое или психическое насилие могут привести к посттравматическому стрессовому расстройству, депрессии; 3) проблемы в семье, включающие в себя конфликты, алкоголизм, наркоманию повышают риск развития психологических проблем и девиантного поведения; 4) влияние группы сверстников подталкивает подростка на совершение правонарушений, чтобы доказать свою значимость, привлечь внимание или компенсировать свои недостатки.

Современный мир ставит новые вызовы в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних. Развитие информационных технологий, распространение социальных сетей, рост киберпреступности требуют новых подходов и методов работы, в том числе и правоохранительных органов.

Особую тревогу вызывают социальные сети, вовлекающие несовершеннолетних лиц в организации, носящие экстремистский характер. После террористического акта 22 марта 2024 г. в концертном зале «Крокус Сити Холл» подросткам по всей стране начали массово приходить сообщения с предложениями за деньги заминировать различные объекты инфраструктуры. В качестве запугивающего фактора использовались личные данные о месте жительства, учебы. Например, были случаи поджогов релейных шкафов на железной дороге, антенно-мачтовых сооружений связи. Во всех случаях вовлекали несовершеннолетних в совершение диверсий через переписку в мессенджерах, предлагая заплатить за совершенный теракт.

В заключение можно сделать вывод, что направлениями профилактической работы органов внутренних дел на современном этапе являются: 1) информационно-просветительская работа с целью повышения осведомленности несовершеннолетних о сущности терроризма, его целях и мотивах, последствиях участия в террористической деятельности. Проведение мероприятий, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия; 2) обучение подростков формированию критического мышления путем анализа информации, отличия достоверной информации от фейков и дезинформации; 3) выявление групп и сообществ с экстремистской идеологией, в том числе в социальных сетях; 4) взаимодействие с органами местного самоуправления, образовательными учреждениями, учреждениями социального обслуживания населения, органами по делам молодежи по вопросам создания условий для развития творческих способностей и интересов несовершеннолетних.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенарод. голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. № 144.
2. Конвенция ООН о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.
3. Декларация прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г., резолюцией 1386 (XIV) // Сборник «Права и свободы личности». М., 1995. Выпуск 11. С. 191–194.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ред. от 07.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ: ред. от 01.04.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ: ред. от 28.12.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: ред. от 28.02.2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22.03.2017. № 520-р: ред. от 18.03.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845: ред. от 31.12.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».